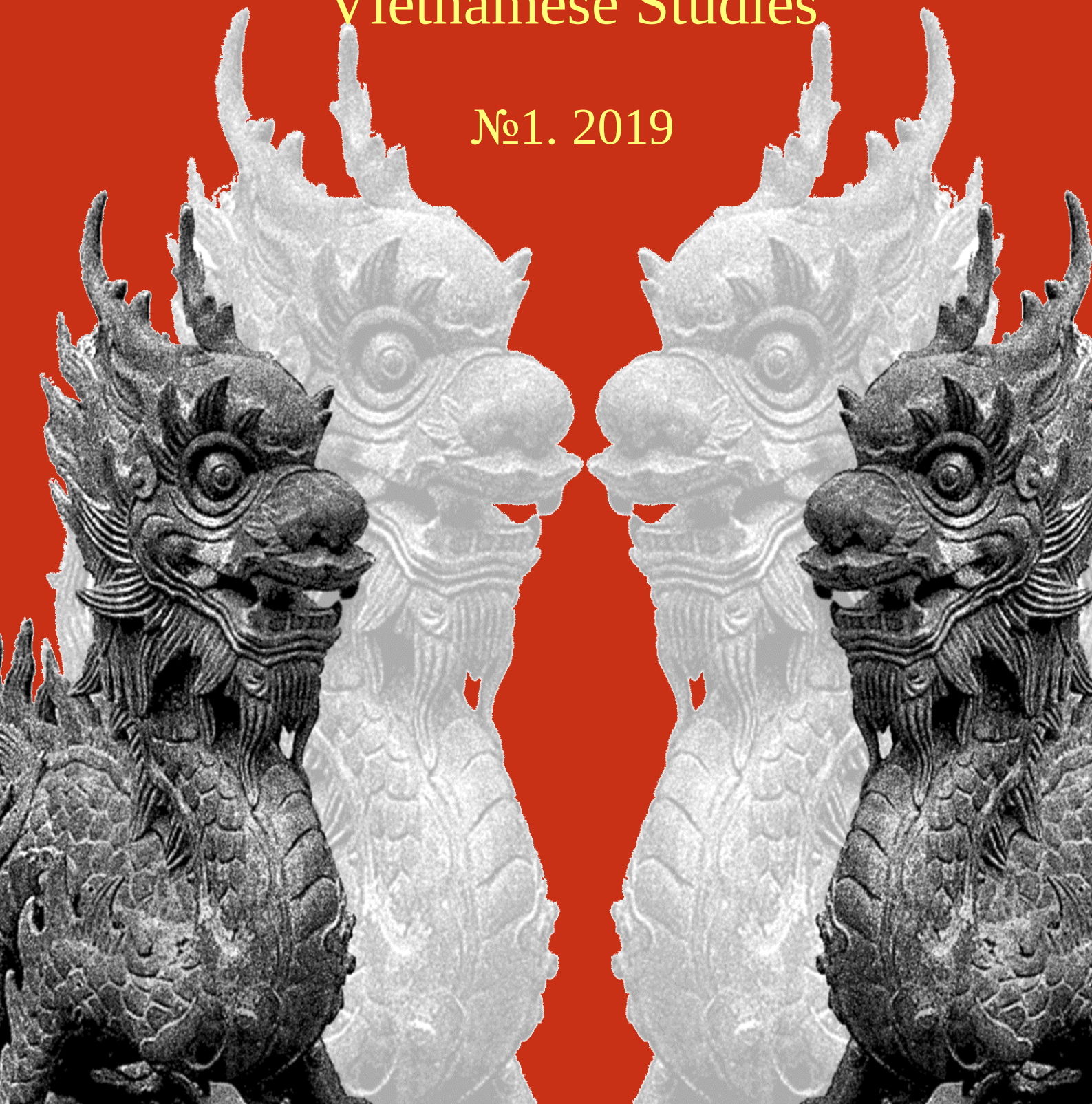
ISSN 2618-9453

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of Vietnamese Studies

№1. 2019



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: http://www.ifes-ras.ru/vs

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77–73494

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI)

Отрасли науки:

- 07.00.00 Исторические науки и археология
- 08.00.00 Экономические науки
- 10.00.00 Филологические науки (группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание)
- 22.00.00 Социологические науки
- 23.00.00 Политология
- 24.00.00 Культурология

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н; Канаев Е.А., д.и.н.; Кобелев Е.В., к.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Локшин Г.М., к.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Новакова О.В., к.и.н.; Рязанцев С.В., д.э.н., чл- корр. РАН; Соколов А.А., к.филол.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Филимонова Т.Н., к.филол.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: До Тиен Шам, профессор (Вьетнам); Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Лузянин С.Г., д.и.н., профессор, председатель; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа Де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Горчакова Т.Е., Ларин В.П.

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
- Тел.: +7 (499) 124 08 33

Информация для авторов: http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453

СОДЕРЖАНИЕ

Новогоднее приветствие главного редактора.....5

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

Ле Винь Чыонг. Вьетнамо-китайская пограничная война 1979 года и геополитические изменения во Вьетнаме после нее (англ. яз) 8

Дюшер Ив. Урбанизация и земельные споры во Вьетнаме: компромиссы и протесты (англ. яз.) 20

Социально-экономическое развитие

Канаев Е.А., Нгуен Куанг Тхыонг, Ви Тхи Хыонг Хюэ. Цифровизация деловой активности: последствия для Вьетнама (англ. яз.).....35

Фам Куинь Фыонг. Трансгендеры в современном Вьетнаме: маргинализация и проблема обеспечения средств к существованию.....47

История и культура

Сюннерберг М.А. Развитие семейного законодательства во Вьетнаме (конец XIX в.–1976) 60

Филология

Ле Тхи Зук Ту. Влияние рыночной экономики и глобальной сети цифровой коммуникации на вьетнамскую литературу периода Обновления.....74

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мазырин В.М. Российско-вьетнамской диалог по вопросам международной политики.....83

О защите диссертаций.....91

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Рябинин А.Л. Взлет и падение империи Поздних Ле: династический цикл по-вьетнамски.....96

Тюменева Е.И. Словарь, соединяющий народы.....103

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

Никулина Е.В. Оксане Владимировне Новаковой — 80.....109

CONTENTS

New Year welcoming address from the Editor-in-chief.....5

SCIENTIFIC RESEARCH

Internal political processes and foreign policy

Le Vinh Truong. Sino-Vietnamese border war in 1979 and post-war geopolitical adjustments of Vietnam…….....8

Yves Duchère. Urbanization and land disputes in Vietnam: compromises and protests.....20

Socio-economic development

Kanaev E.A., Nguyen Quang Thuong, Vi Thi Huong Hue. The digitalization of business: Vietnam's perspective.....35

Pham Quynh Phuong. Transgender persons in contemporary Vietnam: marginalisation and livelihood challenges.....47

History and culture

Syunnerberg M.A. Development of family legislation in Vietnam (late XIX century–1976).....60

Philology

Le Thi Duc Tu. Impacts of market economy and global digital communication network on Vietnamese literature of Renovation period.....74

ACADEMIC EVENTS

Mazyrin V.M. Russian-Vietnam dialogue on international policy issues.....83

On the defense of dissertations.....91

BOOK REVIEWS

Riabinin A.L. The Rise and Fall of the Late Le Empire: Vietnamese Dynastic Cycle.....96

Tyumeneva E.I. Dictionary that connects peoples.....103

SCHOLAR'S JUBILEE

Nikulina E.V. Oksana Vladimirovna Novakova celebrates her 80th birthday.....109

НОВОГОДНЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги – авторы и читатели журнала «Вьетнамские исследования»,

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю здоровья, благополучия дома и на работе в предстоящий трудный, специфический по знаку год! Мне лично хотелось бы поблагодарить авторов, опубликовавших свои статьи в нашем журнале, и коллег, прочитавших эти статьи и использовавших их в своих исследованиях, пожелать вам всем плодородия идей и научного творчества в наступившем году.

Разрешите выразить надежду, что наше взаимодействие лишь окрепнет в 2019 году. Наш электронный журнал, имеющий уже четыре выпуска (http://www.ifes-ras.ru/vs/issue), приобрел полноправный статус: разрешение на издание в качестве СМИ, журнальный индекс ISSN, международный классификатор DOI для каждой научной статьи. Журнал имеет разнообразное содержание и достойный авторский коллектив, включающий не только ведущих российских вьетнамоведов, но и наших зарубежных коллег, в том числе из Вьетнама, Австралии, США, Франции. Мы особенно приветствуем совсем молодых ученых, которым предстоит развивать традиции этой редкой научной школы. Отрадно, что все больше материалов мы издаем на английском языке. Журнал входит в ведущие наукометрические базы и библиотеки России, в том числе РИНЦ и КиберЛенинку, а недавно включен в международную систему научного цитирования – International Science Index, так как размещен в наиболее авторитетной западной базе Web of Science в разделе Emerging Science Citation Index. Тем самым подтверждены солидность и объективность издания, его полное соответствие по содержанию и оформлению самым высоким международным стандартам. Вместе с тем нам предстоит дальше повышать качество и разнообразие материалов, посвященных вьетнамской тематике, расширять состав авторов за счет иностранных коллег. Призываю вас всемерно содействовать этому.

Очевидно, требуется и расширениие географии наших публикаций в пределах разумного, что способствовало бы пополнению портфеля редакции и решению этой насущной задачи. Предлагаю включить в орбиту наших публикаций статьи также по соседним странам Индокитая, тематике АСЕАН.

Будем рады вашим мнениям и предложениям.

До скорой встречи в новом году!

С уважением,

Главный редактор журнала

Владимир Мазырин

NEW YEAR WELCOMING ADDRESS FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear colleagues – authors and readers of the "Russian Journal of Vietnamese Studies", I wish You happy New Year and good health, well-being at home and success at work in the coming difficult, specific year! I personally would like to thank the authors who have published their articles in our journal, and colleagues who have read these articles and used them in own research, wish you all the fertility of ideas and scientific creativity in the coming year.

Let me express the hope that our cooperation will only get stronger in 2019. Our electronic journal, which has already four issues (http://www.ifes-ras.ru/vs/issue), acquired full status, i.e. permission to publish as a media, journal index ISSN, international classifier DOI for each scientific article. It has a variety of content and a worthy team of authors, that consists not only of the leading Russian researchers on Vietnam, but our foreign colleagues too, including those from Vietnam, Australia, USA and France. We especially welcome very young scientists who should develop the traditions of our scientific school. It is gratifying that we are publishing more and more materials in English. The journal is placed in the leading scientific databases and libraries of Russia, like Russian Science Citation Index and Cyberleninka. Recently the journal acquired the International Scientific Index (ISI) due to achievement of the most authoritative Western citation system — Web of Science, where it has rating in Emerging Science Citation Index. This confirms the reliability and objectivity of our publications, its full compliance with the content and design to the highest international standards. At the same time, we need continuing to improve the quality and variety of materials on Vietnamese topics and expand the range of authors at the expense of foreign colleagues. I urge you to contribute to this goal in every possible way.

Obviously, we also need to expand the geography of our publications within reasonable limits, which would contribute to the replenishment of the editorial portfolio and the solution of this task. Let me propose to include articles related to neighboring countries of Indochina and ASEAN into the realm of our publications. I will be glad to hear your opinions and suggestions. See you soon in the new year.

With respect,

Editor-in-chief of the Journal

Vladimir Mazyrin

Mừng Xuân Kỷ Hợi
An lành
Hạnh phúc
2019
HAPPY NEW YEAR
Ấm no
Phát tài
Đa Phúc Đa Thọ Đa Phú Quý
Đắc Tài Đắc Lộc Đắc Nhân Tâm

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10001

Le Vinh Truong

SINO-VIETNAMESE BORDER WAR IN 1979 AND POST–WAR GEOPOLITICAL ADJUSTMENTS OF VIETNAM

Abstract. There have been many explanation for the China –Vietnam war in 1979. The approaches are various and multi-faceted concerning the reasons, process and consequences of the war. However, the corollaries in ideational and ideological changes in Vietnamese and in general thinking have not yet been noticed. This research aims to fill that gap.

Corollary 1 in general geopolitical context is the formation of a short-term US – China – ASEAN – NATO – Japan aliance to deal with the Soviet-Vietnamese and the socialist bloc in general, until the Soviet Union disintegrated in 1991, causing heavy damage to Vietnam. Corollary 2 is that the Vietnam – China 1979 war brought extremely harsh post-war time for Vietnam due to the delay of normalization in US – Vietnam and other countries relations such as with Japan, Europe, ASEAN. Corollary 3 is that the war transformed the perception by Vietnamese leaders and people of the enemy category, independence, sovereignty and socialism ideals. Last but not least, there are solutions from new insights and perceptions in Vietnam policy makers.

Keywords. China, Soviet Union, DRV, CPV, Party Program, Party Congress.

Introduction

Natural neighbors as they are, Vietnam and China's collision and peace building repeated from time immemorial. There have been bloody wars affecting normal life of generations thus the two parties need to consider carefully and clearly geopolitical balance to avoid being drawn into, or plunging into conflicts and devastating wars. Vietnam holds at high esteem independence, sovereignty and territorial integrity for national construction and development. This study describes the consequences of the 1979 Sino-Vietnamese war in terms of ideological change resulting in Vietnam foreign policy diverting. Such diversification in understanding policy helps Vietnam avoid wars and reshape new geo-political context. The study implication is for a long-lasting peace, development in dignity for Vietnam.

Literature review

There are different explanations and analyses from media and studies on the reasons of the 1979 war. Vũ Dương Ninh with the title on Vietnam – China – Soviet Union – USA relations [2014] gives a vast and thorough view on contemporary approaches of Vietnam government to deal with the powers. Phạm Xuyên and Đình Lai with their writings of Truth about Vietnam – China relations in the recent 30 years [1979] explores not only these relations development but the behind-the-scene movements too. Chen Jian [1995] discribes in concrete numbers Chinese aids to Vietnam during the first and second Indochina wars. King C. Chen [1987) also presents his views on thought process and changes in the mindsets of related countries' leaders. Trần Trung Đạo [2014] delivers another view of Vietnamese observer on historical aspect. Michael Pillsbury, Thomas Crump, Jack S Levy, Lee Kwan Yew, Odd Arne Westad and Zbigniew Brzeziński, Carl Thayer, Xiaoming Zhang are important writers with different and rational angles of views.

Thus, these studies and my own chronological analyses of CPV documents helped me to explores the corollaries and following actions that transformed geopolitical understanding. Methods of comparison and generalizing are applied, both in related nations' foreign policy and domestic behaviors. The theoretical framework relises on the chronology and diversification of lenses of viewpoints.

1. Major approaches and explanations of the border war in 1979

Core issues

In 1979 China attacked Vietnam to prove the definitive cut with the Soviet-Chinese-Vietnamese alliance and the start of economic reform towards the pro-American side, also to assist the Democratic Cambodia — Pol Pot – Ieng Sary team, who were engaging in a guerrilla war in Cambodia against Hun Sen and Vietnam forces. The Sino-American relations were now thawing but they were not yet becoming allies. *"From January 29 to February 5, 1979, Chinese leader Deng Xiaoping visited the US to discuss the strengthening of Sino-US relations, and to explore US attitude if China attacked Vietnam. President Carter was silent, but White House advisor Brzezinski advised Deng to finish the fight and withdraw immediately. Two weeks later, on February 17, Chinese troops simultaneously attacked six provinces of the northern border of Vietnam* [Vũ Dương Ninh 2014: 269].

The military attack on Vietnam in 1979 was carefully considered by China, calculating all diplomacy, military and politics pros and cons, even giving in mind the ability of war prolonging. China forecasted three possibilities of the events namely (1) the Soviet Union to engage in a large-scale attack including Beijing, (2) an incitement of ethnic rebels in Xinjiang and Inner Mongolia, and (3) wars harassing along the Sino-Soviet border [Xiaoming Zhang 2015: 53]. Vietnam is thought to suffer a lot in the war because of its poorer preparation than China [Xiaoming Zhang 2015: 103]. Hanoi fell into a double-sided situation of taking the enemy while China improved its strategy, relying heavily on the United States to renew the country. In particular, this war is partly to relieve the conflicts within the Chinese military: after attacking Vietnam in 1979 the Chinese military factions have erased the tension among themselves, reported by the expanded meeting of the Central Military Commission from December 20, 1978 to January 3, 1979 [Xiaoming Zhang 2015: 58].

The US war in Vietnam had been simmering for a long time when the Sino-Soviet relations broke down in 1969 when the Chinese influencing for the Democratic Republic of Vietnam (DRV) remained unchanged due to its attacks to Republic of Vietnam. There are also many other reasons for this break-down, mainly that DRV was not so "close" to China in comparison with the Soviet –DRV ties. China has gradually withdrawn experts from the DRV.

Other explanations for the events

According to the document *"The truth about Vietnam – China relations over the past 30 years"*, there were other reasons too:

"In order to increase pressure on Vietnam, Chinese leaders also instruct their embassy in Hanoi to instigate Chinese Vietnamese organizations to disrupt and oppose the DRV. Along with tens of thousands of Chinese "logistics soldiers" to come and help Vietnam build roads in northern provinces from 1965 to 1968, Chinese reactionaries propagated "Mao Zedong thought" and "revolution culture", misrepresenting the Vietnamese way, organizing spy nets. Beijing's rulers also allowed "revolutionary refugees" to infiltrate the northern border provinces of Vietnam for intelligence and "underground troops organization" (In Sino–Viet high level talks in September 1970 Chairman Mao Zedong acknowledged China's responsibility for the non-friendly activities, and in November 1977 President Hua Guofeng once again acknowledged similarly)" [Phạm Xuyên, Đình Lai 1979: 76].

At the same stage Beijing asked Hanoi to give supports for Pol Pot – Ieng Sary in order to stand outside and shove Viet-Cambodian relation into a whirlwind:

"They rejected the proposal of Pol Pot – Ieng Sary team for supplying weapons but asked Vietnam to lend the weapons in advance to Pol Pot – Ieng Sary and China would pay Vietnam later. This is a trick by Beijing that would please the Cambodian henchmen, avoid collisions with the United States, and at the same time trap Vietnam into difficulty while Vietnam was conducting a general offensive and rebellion in the spring of 1975" [Phạm Xuyên, Đình Lai 1979: 105].

Aid from China: views of many twists in Vietnam–China relations

"If the 1960s and 1970s, Chinese leaders reduced aid to Vietnam because they did not approve Vietnam's negotiating with the US to deescalate the war ladder, and if during 1971–1972 they increased assistance to Vietnam to the highest as compared to the previous years, that is because they wanted to take advantage of Vietnam's negotiations with the US. Then in 1975, because of the failure in Republic of Vietnam, they used aid to cause pressure on DRV. .... It is clear that Chinese leaders' aid is not "impartial" as they often boast, but rather a tool of national expansionism and great country hegemony. Beijing's aid is just "sticks and carrots" [Phạm Xuyên, Đình Lai 1979: 124]

In this same alliance, Mao used the contradicts in Soviet-Chinese-Vietnamese relation to rectify the internal situation of China Communist Party [Chen Jian 1995: 381]. As Tran Trung Dao once mentioned, Mao interacted with high handling skill to use "peaceful evolution" to purge internal affairs [Trần Trung Đạo 2014: 111]. Mao purged Liu and Deng before and after Miyamoto's visit, an occasion for internal revision.

Vietnam – China – Russia triangle

Chinese scholar King C. Chen's idea is noteworthy: In Russia – China relations "Hanoi conducted an alliance without understanding the importance of new alliance with Moscow... greater than Hanoi had ever contemplated" [King 1987: 28]. In Vietnam – China 1979 war, in the vigilant eye at the Soviet Union and observing the evolution of the Second Indochina War, China was afraid of bogging in Cambodia like the US in Vietnam, so it did not deploy troops [King 1987: 37]. Moreover, it aimed at letting war occur outside China, letting other peoples to fight each other. That is a Chinese strategy from the time of Mao's conferring with four marshals [Pillsbury 2015: 54]. Thomas Crump agreed that Mao did not want to provide human power but only weapons and supplies to the DRV [Crump 2007: 32, 33].

There are many assumptions about the fact that the Soviet Union had limited its support of Vietnam in the 1979 Indochina War due to the Afghanistan problem and economic collapse. According to Chinese scholar, the Soviet Union limited its involvement because the Soviet Union also had to respect a treaty with China [Mân Lực 1993: 247]. Thus, the small countries' benefit here had once again been set aside by the big countries. According to Z. Bzrezinski, China has won this war because it has both forced Vietnam to restrict its activities in Cambodia and has proved that the Soviet Union could not extend its range of power [Mân Lực, 1993: 279]. Still there are other ideas by Xiaoming Zhang and Carl Thayer on these issues.

War of inheritance (Death-watch wars)

When a change in power position occurs in a country with many secrets, it can also lead to war as the following: *"This is reflected in the historical phenomenon of inheritance war (Death-watch wars)* [Blainey 1973: 68-70], *in which the deaths of kings would lead to a crisis of succession, disintegration and weakness of relationship alliances based on personal system and a general transition in balance of power … often lead to war"* [Levy 1989: 259-288]. The Vietnam – China war beginning to tense since 1978 partly had this color after the death of Mao Zedong, when Deng Xiaoping was in full control. Changing internal politics, the central kingdom's foreign direction leads to the need to attack a certain neighbor.

At the crisis at Taiwan's strait in 1958 China attacked Jinmen and Mazu in an effort to test face of the Soviet Union; China attacked India in 1960 in order to discourage the intention to protect the refugee Dalai Lama; China attacked Vietnam in 1979 in order to set up the status quo – – to implement its anti-Soviet commitment showing to the Western world and prove that the Soviet Union could not support allies [Westad 2012: 341, 351].

Global and regional politics in particular rated Vietnam as the most worried country about China's expansion of power. When China attacked Vietnam in 1979, Li Kwanyew sensed that the Vietnamese government might have sought to establish long-term security relationships with Americans [Lý Quang Diệu 2017: 69].

Concerning the outcome of the war, China's casualties estimated 21,000 deaths and 63,000 injuries [Doan Xuan Loc: 26.02.2017]. According to the Chinese Report from Kunming Military Region, in the peripd of February 17, 1979 to March 16, 1979 there were 6,954 Chinese soldiers killed and 14,800 wounded. The Vietnamese side lost 15,000 soldiers from February 17 to February 27, 1979 and another 37,000 people from February 28 to March 16, 1979 [Declassification: 15.03.2019].

For physical and material losses, each party have different way of calculating, depending on different purposes, so we might wait until the material archive to be published in the coming years to have more accurate view. But pictures from the battle fild are notorious (Figures 1-3).

Figure 1: Chinese anti-tank guns, B41 bullets, mid-range guns and machine guns captured by Vietnamese *Source:* Hải Vy, 14.02.2019.

2. Cooperation and struggle in Sino-Vietnamese relations after the 3rd Indochina war

In essence, the war lasted until 1990 with many smaller range collisions and has benn resulted in three main corollaries.

First corollary of the general geopolitical context is the formation after the war of a short-term US – China – ASEAN– NATO – Japan camp to deal with the Soviet-Vietnamese and the socialist bloc in general, until the Soviet Union disintegrated in 1991. This link was too strong, causing many losses for Vietnamese (and the Soviet Union itself) in an impasse with more than

two enemies and a rickety economy on shoulder. This consequence is the most important lesson in macro management and geopolitics.

Second corollary: 4 years after the 2nd Indochina war following by the 3rd Indochina war caused extremely harsh post-war time for Vietnam. The US believed China was separated from the communist bloc and energized China and, of course, postponed the peace roadmap with Vietnam even though in 1978 Vietnam – America ties have progressed strongly in normalization through Thach – Hien – Holbrooke contacts. Since then other warm relations such as with Japan, Europe and ASEAN has been followed. The US – China embargo has seriously affected the Vietnamese economy until the 6th Congress (1986). The Soviet Union also reevaluated the loss of its strength in the war in Afghanistan, Vietnam and Cambodia, it was true that Deng Xiaoping did "make Vietnam bleed".

Since then, Vietnam has had many specific changes to reduce ideological dogma in geopolitics towards the non-communist world that started with ASEAN (before and after 1989).

Third corollary belongs to the perception issues. Vietnam has its obvious righteousness in the fatherland-protecting war and China wanted to teach Vietnam a certain lesson. But what important is that China's action has contributed to transforming the perception of Vietnamese leaders and people about the enemy category, independence and sovereignty and socialism ideals. From the event of January 19, 1974, Vietnamese leaders learned to abolish the wrong trust that China might return Vietnam-sovereigned Paracels which China had invaded and seized from Vietnam (notably, in 1979 war, China prepared one navy full force attack to Vietnam initiated from Paracels) [Mân Lực 1993: 279]. Although the DRV cleverly recaptured Spratly to the united Vietnam in May 1975, but until the 1979 war, their awareness of ideology and independence of sovereignty changed profoundly. This is a positive foundation for later decisions.

Figure 2: Confronting the army 12 times more numerous and supported by strong firepower, military of ethnic groups in the northern border provinces actively organized fighting on the spot to hold Chinese troops while waiting for the main army. *Source:* Hải Vy, 14.02.2019

Figure 3: Many buildings were badly destroyed
Source: Hải Vy, 14.02.2019

Vietnam has still kept warm relation with Soviet Union and later on with Russia inspite of China's will to separate them. According to Carl Thayer, Soviet Union has also supported Vietnam side during the course of war [Hải Vy: 14.02.2019]. Also it was the Soviet Union deployment of navy fleet outside Tonkin Gulf that hindered a Chinese attack from the sea. Xiaoming Zhang also revealed the participation of Soviet officers in the war. The Soviet sent military advisers to assist the PAVN General Staff. Colonel General Gennadi I. Obaturov took charge of twenty officers on 19 February 1979. Per Obaturov's recommendation, the Vietnamese rushed a rocket artillery division with the newly received BM-21 Grad Russian rocket launchers to the border area to help relieve the division under the Chinese siege. One regiment of the PAVN 327th Division, which had been held as a reserve in the area south of Lang Son, moved up to join the 3rd Division to defend the city.

The PAVN's 308th, 312th, and 390th Divisions were deployed along the roads between Hanoi and Lang Son. Due to the return of the 304th, 306th, and 325th Divisions from Cambodia in early March and the reinforcement of its troupes, the General Staff in Hanoi allegedly planned to conduct a massive counterattack against the Chinese occupation forces at Lang Son. Soviet advisers were dispatched to the Vietnamese front units. One Soviet signal company was airlifted

to Hanoi for working with the PAVN General Staff. On 5 March, Beijing, however, declared its withdrawal from Vietnam [Xiaoming Zhang 2015: 105].

Solving — cooperating and struggling

From the second and the third corollaries (the reality of the national economic construction and the perception on broader geopolitics), the Vietnamese politics have made enormous changes, ridding previous thoughts and actions, thereby trying to resolve the holistic and long-term geopolitical stance withdrawn from the first corollary. Although recently, in the decade of 2010's, Vietnam has had shortage of vigilance in the protection of sovereignty, mainly because it could not control successfully interest groups associated with corrupt officials. Above all, after 1979 there took place the highly important 6th Party Congress (1986), the 7th Party Congress (1991) with Party Program 1991, the 8th Party Congress (1996), the 11th Party Congress (2011) with Party Program 2011. These forums were marked by decisions to correct the mistakes of predecessors and keep consistent to multilateral diplomacy and accompanying policies.

Compared to rather general 1930 Party Program and the 1951 Party Program (inaccurate assessment of China in Chapter 2, Article 2, Point 5), which were far different from the actual struggle of the Communist Party of Vietnam, the 1991 Party Program had better summaries in point 1 (national independence) and point 4 (international strength), paving the way for specific extrovert geopolitical documents and activities. In particular, the 1991 Party Program acknowledged that "the Party has also committed serious mistakes in the socialist revolution" [Văn kiện Đảng: 09.02.2019] with a sense of error accepting more than previous documents. The 1991 Party Congress emphasized multilateralism. The 1991 Party Program with its fourth point was somewhat suitable as a new outward direction when the Soviet Union collapsed. The 2011 Party Program also emphasized "positive international integration, creating a favorable environment for the country's development".

Domestic democratic and institutional reforms and shifts often have not been kept up with the progressive outward actions of Vietnamese policy-makers.

Vietnam's 'three no' strategy also came into being and didn't let any country to be suspicious of Hanoi's foreign policy. However, since then definitions can be interpreted in the right direction. For example, what is a military ally, what is a military base?

Note the timeline: in 1995 US and Vietnam normalized their relations, in 1991 China and Vietnam normalized relations. Vietnam joined the WTO in 2007, China joined the WTO in 2001. Vietnam always performed some years backward to the international integration as compared with China.

As of 2019, Vietnam has a total of 16 countries as strategic partners with 5 key partners namely ASEAN and Russia (2001), India (2007), China (2008), Japan, Korea and Spain (2009), Britain (2010), Germany and Italy (2011), Thailand, Indonesia, Singapore and France (2013), Malaysia and the Philippines (2015), Australia (2018). Among them 3 countries established comprehensive strategic partnerships with Vietnam: China (2008), Russia (2012) and India (2016).

The steps backward in the struggle with China was that Vietnam has allowed Chinese partners to exploit higher watershed forests, explore bauxite in the Central Highlands for many years with repeated losses, which many Vietnamese military generals have spoken up [Thu Hà:

27.02.2010]. Vietnam could not hinder China to invade the Gac Ma underwater shoal in March 14, 1988, could not solve the China's torture of Vietnamese fishermen especially from 2005 to 2019, could not protect oil partners like Mobile and Repsol to cooperate with Vietnam to explore oil in the EEZ of Vietnam. In addition, Hanoi indirectly agreed for China to enter the three Vietnamese special administrative zones that are under construction while correspondent law not yet passed. It was also a disadvantage for Vietnam because it had to deal with the land speculation of interest groups and revealed the conflict between a part of pro-Chinese mandarins and Vietnamese people.

The tug-of-war steps that brought about advantages for Vietnam were the Chinese cable cutting of exploration ships Viking II (June 9, 2011) and Binh Minh 2 (November 30, 2012), the Chinese HY981 rig stationing illegally in the EEZ of Vietnam in May 1, 2014. The fact that Chinese strongly confirmed sovereignty along with U-shaped line also apported advantages to Vietnam because China's actions were protested by almost all international community and it lost to the Philippines at the PDA court on July 12, 2016. China has failed in using the soft power in the race for Vietnam and ASEAN against other powers such as the US, Russia, India, Japan, Australia.

In economic terms Vietnam has created a stable development, though it still heavily dependends in GDP growth on FDI (more than 20%) and overseas Vietnamese remittenses (nearly 20 billion USD per year). Vietnam has signed FTAs (Free Trade Agreement) with many partners such as ASEAN (1993), Japan (2009), Chile, South Korea (2014), EAEU (2016), CPTPP (2018). Together with other ASEAN members Vietnam builds FTAs with China (2003), Korea (2007), Japan (2008), India (2010), Australia and New Zealand (2010). The problem is that in order to increase trade exchange, it is necessary to reduce logistics and other hidden costs. This is still a problem for macroeconomic management.

As for military, Vietnam maintains good relations with Russia, India and better relations with the US, Japan and recently Australia. Vietnam has begun sending military personnel to attend peacekeeping activities and MOOTW [Tia sang, 20.11.2013] that is a form of serious and effective field training.

The US-organized RIMPAC 2014 was executed with China participating, but at RIMPAC 2018 China was withdrawn (disinvited), while Vietnam, Sri Lanka and Israel joined it for the first time. Vietnam also participates as observer in the largest Asia Pacific exercises Cobra Gold, held annually by the US and Thailand. Vietnam is in top 10 country using Russian weapons [Business Insider: 7.02.2019] along with a rather close traditional relationship. Vietnam's seaports have welcomed warships from countries such as the US, India, France, England and Australia with stable frequencies since 2011, of which Russia is considered as familiar country for Cam Ranh Port.

Conclusion

China and Vietnam are natural neighbors. Collision and peace reconstruction have been common jobs since ancient times. The problem is that the parties need to consider carefully and clearly the power and the geopolitical balance with respect to each other to avoid being drawn into, or actively making war capital decisions that will harm many aspects including the psychology of generations. Vietnam, more than any other nation, understands independence, sovereignty and territorial integrity to be the highest priority for national survival.

China had a lot of internal changes but had often attacked Vietnam on holidays, Tet or confusing times of transferring the regime. This is a common occurrence. The Vietnamese ought to pay attention and act correctly.

From February 17, 1979 until now 40 years passing, the Vietnamese have increased their awareness with the way of living and cooperating with China. This is what the Chinese side can also openly acknowledge. But in the long run, the struggle and cooperation will be more difficult for Vietnam, because Vietnam's economic potential is weaker than China due to the scope of corruption and brain drain, which affect the roots and elements of Vietnam's synergy.

Considering Vietnam's new perception of China since 1969 to have been discussed, it is in a better form than it was 40 years ago. Vietnam has expanded cooperation with all countries in the world, and also keeps good traditional relations with Russia in the fields of economy, military and tourism. Talking about the Vietnam-China war in 1979, it is also an occasion to recall a close relationship with the Soviet Union and nowadays Russia. However, in the world of new technology, economy and drastic changes, the cooperation with Russia will need to rely on one's own strength. It is quite unlike the second Indochina war and the Vietnam – China 1979 clash, when ideological allies' spirit overwhelmed many things, invisibly and accidentally creating a burden for the partners and lack of self-help, leading to non-positive consequences, as analyzed above. Just like all old enemies, China now is treated as a force for cooperation and struggle at the same time, looking ahead for a new and bright future with the modern and civilized world.

References

1. Business Insider. Retrieved on February 7, 2019 from URL: https://www.businessinsider.com/russia-weapons-sales-top-countries-2018-4#7-kazakhstan-4.

2. Chen Jian (1995). China's Involvement in the Vietnam war, 1964–1969. Cambridge University Press, SOAS. University of London. Retrieved on February 9, 2019 from URL: http//www.jstor.org/stable/ 655420, accessed 3 Feb 2019

3. Crump, Thomas (2007). Asia Pacific. A History of Empire and conflict. Hambledon Continuum.

4. Declassification: number of victims in the middle of the Vietnam war in 1979. Edit.: Road happy keywords. Military History source: happy right brain memory (in Chinese). Retrieved on March 15, 2019 from URL: http://www.jiyifa.com/lishi/630146.html.

5. Doan Xuan Loc. 27 Days of Hell: When China and Vietnam Went to War. *The National Interest,* 26.02.2017. URL: https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/27-days-hell-when-china-vietnam-went-war-19596.

6. Hải quân và các tác vụ phi chiến đấu [Navy and non-combat tasks]. *Tia sang, 20.11.2013*. URL: http://tiasang.com.vn/-dien-dan/hai-quan-va-cac-tac-vu-phi-chien-dau-6969.

7. Hải Vy. Carl Thayer nêu bài học từ sự kiện 1979: Các nước nên đề phòng chiến tranh phức hợp của TQ [Carl Thayer spoke of the lesson from the 1979 event: Countries should guard China's complex war]. Retrieved on February 14, 2019 from URL: http://soha.vn/gs-carl-thayer-neu-bai-hoc-tu-su-kien-1979-cac-nuoc-nen-de-phong-chien-tranh-phuc-hop-cua-tq-20190201142957984.htm.

8. King C. Chen (1987). China War with Vietnam. Hoover Institute, Stanford University.

9. Levy, Jack S. (1989). The Diversionary Theory of War" (Chapter 11), in Manus I. Midlarsky (ed.). Handbook of War Studies. Boston: Unwin Hyman. Pp. 259–288. Retrieved on February 06, 2019 from URL: http://nghiencuuquocte.net/2013/10/20/diversionary-war-theory-critique.

10. Lý Quang Diệu (2017). One man's view of the world. Hà Nội: NXB Trẻ.

11. Mân Lực (1993). Mười năm chiến tranh Trung Việt [Ten years of the Sino-Vietnamese war]. NXB Đại học Tứ Xuyên.

12. Phạm Xuyên, Đình Lai (1979). Sự thật về quan hệ Việt Nam – Trung Quốc trong 30 năm qua [The truth about Vietnam – China relations over the past 30 years]. Hà Nội: NXB Sự Thật.

13. Pillsbury, Michael (2015). The Hundred -Year Marathon. Henny Holt & company.

14. Thu Hà. Tướng Đồng Sỹ Nguyên cảnh báo việc cho nước ngoài thuê rừng [General Dong Sy Nguyen warned of forest lease to foreign countries]. *Tuần Việt Nam,* 27.02.2010. URL: http://tuanvietnam.net/2010-02-27-tuong-dong-sy-nguyen-canh-bao-viec-cho-nuoc-ngoai-thue-rung.

15. Trần Trung Đạo (2014). Chính luận Trần Trung Đạo [Publicist Tran Hung Dao]. Hoa Kỳ: NXB Cổ Loa.

16. Văn kiện Đảng Cộng sản Việt Nam. Retrieved on February 09, 2019 from URL: http://tulieuvankien.dangcongsan.vn/Uploads/2018/6/3/14/cuonglinhcachmang.pdf.

17. Vũ Dương Ninh (2014). Lịch sử quan hệ đối ngoại Việt Nam 1940–2010 [History of foreign relations in Vietnam 1940–2010]. Hà Nội: NXB Chính trị Quốc gia.

18. Westad, Odd Arne (2012). Restless Empire. China and the world since 1750. London: The Bodley head,.

19. Xiaoming Zhang (2015). Deng Xiaoping's Long War, The Military Conflict between China and Vietnam, 1979–1991. The University of North Carolina Press Chapel Hill.

Author:

Lê Vĩnh Trương, DBA of California Southern University, research fellow of the Eastern Sea studies Foundation, Vietnam. E-mail: levinhtruongvn@gmail.com

Article history:
Received: 12.02.2019
Received in revised form: 18.03.2019
Accepted: 23.03.2019

Ле Винь Чыонг

ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА 1979 ГОДА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМЕ

Аннотация. Существует много объяснений причин, течения и результатов вьетнамо-китайской пограничной войны 1979 г. Однако ее влияние на идеологию и мышление вьетнамцев еще никем не рассматривалось. Данное исследование имеет целью восполнить этот пробел.

Первым следствием войны в общем геополитическом контексте является формирование краткосрочного объединения США – Китай – АСЕАН – НАТО – Япония для борьбы с советско-вьетнамским и социалистическим блоками в целом до распада Советского Союза в 1991 г., тяжело отразившегося на Вьетнаме. Вторым следствием стало чрезвычайно трудное послевоенное время и задержка нормализации отношений Вьетнама с США, Японией, Европой, АСЕАН. Третье следствие заключается в том, что война изменила представление вьетнамских лидеров и народа о врагах, независимости и суверенитете и социалистических идеалах. И последнее, но не менее важное: решения, принятые на основе новых взглядов и представлений вьетнамских политиков.

Ключевые слова: Китай, Советский Союз, ДРВ, КПВ, программа Партии, съезд Партии.

Автор:

Ле Винь Чыонг, DBA Южного Университета в Калифорнии, научный сотрудник Фонда изучения Восточного моря, Вьетнам. E-mail: levinhtruongvn@gmail.com

Продвижение статьи:
Дата поступления статьи: 12.02.2019
Дата поступления в переработанном виде: 18.03.2019
Принята к печати: 23.03.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10002

Yves Duchère

URBANIZATION AND LAND DISPUTES IN VIETNAM: COMPROMISES AND PROTESTS

Abstract. Urbanization is the modus operandi of Vietnam's integration into globalization and the “urban civilization” project is part of the expression of a new authoritarian norm.

The first part of the article discusses how the Vietnamese Party-State justifies its urbanization project.

The second part returns to the modalities of strengthening the control of the political-administrative apparatus over the urban manufacturing process by the way of compromise and arrangements between actors.

The last part focuses on the authoritarian nature of urbanization and addresses the increasingly sensitive protests of subordinates to the state domination.

The author concludes that those left behind in development policy and urbanization, through their everyday demonstrations, point to the failure of the authorities to build consent in the field of urbanization.

Key words: moral economy, urbanization, Vietnam, Party-State authoritarianism, resistances, administrative reforms, land clearance, protests

Based on the results of five-year doctoral research in geography conducted in the Red River Delta on the issue of acting in the urban factory in Hanoi, this research has been the subject of a book detailing stakeholder strategies, power relations and the resulting geography [Duchère 2019].

The objective of this communication is to make Vietnamese political economy clearer in the field of urban manufacturing[1] by identifying the techniques and strategies of the authorities to impose "urban civilization" as a new authoritarian norm and thereby strengthen their legitimacy.

The second objective proposes to underline the existence of resistance and infra-politics among subordinates.

The research uses a combination of methods including field surveys, bibliographic research and careful observation of socio-political events. The situations of domination that interest us are approached through the prism of the concept of "moral economy" [Scott 1992] and Antonio Gramsci's theory of "hegemony" [Gramsci 1971].

This paper is partly in line with the work of John Kleinen [2015], B. Kerkvliet [2014, 2015] on the "dialogical" politic, J. Ségard and M. Gibert [2015] on "negotiated authoritarianism", M. Gainsborough about the non-monolithic organization of the VCP or Marie Nguyễn Leroy Lân [2015] and Nguyễn Hồng Anh [2006] on dysfunctions or collusions between institutions of the

[1] We mean under urban manufacturing the "process by which the interaction between urban society and the city, in its material reality, spaces and territories, produces a specific urban perpetual transformation" [Noizet 2003].

political-administrative machine. With regard to the relationship between urban civilization, authoritarian evictions and property rights, we refer to the work of E. Harms [2016], whose book, among other things, explain how land use rights crystallize democratic aspirations for the city in an illiberal context. Other Vietnamese research, without systematically being complacent towards the authorities, prefers to give land-based protest movements an economic meaning rather than question what they tell us about the deterioration of relations between the population and its management structures [Lê Hiếu 2010; Nguyễn Duy Thăng 2004; Nguyễn Văn Sửu 2009].

I. Urbanization as a state project

a.Urbanization and administrative reforms

The urban growth rate in Vietnam equal to 3,5 %/year since 2000 [World Bank 2015: 2] and the share of urban dwellers that raises until 35,2 % in 2017 [World Development Indicators: 15.01.2019] attest to the progress of urban transition, which is accompanied by powerful metropolitan dynamics, particularly at Hồ Chí Minh city (economic capital), Hà Nội (political capital) and Đà Nẵng (city in the center of the country benefiting from the development of coastal industrialization).

The authorities still operate on a highly centralized model governed by five-year plans, which does not necessarily make it possible to think of the city in accordance with the speed of its development. The lack of transversality of urban planning (sectoral plans) also does not favour the design of development plans and effective master plans. In any case, these plans are most often bypassed by interest groups (*nhóm lợi ích*)[2].

But the Vietnamese city is not only the result of "top-down" urban planning, the inhabitants also take part in the urban factory by sneaking between laws and regulations (*lách luật*). *In situ* urbanization, from below or endogenous urbanization, then covers the same reality: urban development that is beyond the control of the authorities and that contributes to urban sprawl and building densification.

Faced with the social, economic and environmental challenges of urban development, the Party-State undertook a decentralization process from the 1990s onwards, aimed at giving local authorities, led by the provinces, more room for manoeuvre. These changes can be analyzed as a draft of decentralization (or rather deconcentration), they can just as easily be likened to a political lure allowing the central power to maintain its hold while giving the impression of opening up[3].

Political decision-making and the room for manoeuvre enjoyed by local authorities are conditioned by their connections with the central government and by their ability to modulate decisions from higher levels. It is therefore an ambivalent system based on a mixture of compromise, ideological voluntarism, trial and error and adaptation to local requirements that is being put in place.

---

[2] For TS. Lê Đăng Doanh "Interests groups in Vietnam are characterized by people who have a position, some power and relations with public servants in the budget, banking, investment, real estate, mine, forest, sea fields" [Lê Đăng Doanh 2012: 277-278). Interests groups aim private and local interest at the expense of public interest and operate in an informal and illegal space. In real estate interest groups, thanks for corruption and their relations, obtain lands and build residential area, ineffective economic exclusive zones or useless infrastructures (An Giang airport for example).

[3] About decentralization and recentralization, we refer to M. Gainsborough's book [Gainsborough 2010, chapter 3]. Nevertheless, it's important to keep in mind that localism is very developed in Vietnam.

b. “Urban civilization" as a source of legitimacy

Hà Nội, or rather its metropolitan modernization, is a state project. This modernity project led by the Ministry of Construction and the Prime Minister is embodied by the slogan: "green, civilized, modern and cultural city". This leitmotiv, chanted by the supporters of a metropolis of international standing, semantically and publicly records certain popular expectations of urban modernity (*hiện đại*). The population and the public authorities discuss and exchange ideas around a more or less shared reference framework. Through persuasion and propaganda, the authorities forge the "common sense" of populations (such as making people believe that a civilized society is necessarily an urban society). “Urban civilization” is not only a marketing slogan which emphasizes life quality and lifestyle, it’s also the conceptualization of a form of citizenship founded on exclusion [Harms 2016, chapter 2] [4].

The urban project of the Vietnamese capital is presented by the authorities as a bearer of the modern values of a contemporary society integrated into the world economy. The legitimacy of the Communist Party of Vietnam (VCP) is not only based on its ability to create wealth, comfort and prosperity. Its legitimacy also depends on its ability to engage in dialogue with the people and to allow a "controlled relaxation of domination in certain spheres of social life" whose purpose is to "provide an escape from the regime's control" [Grawitz, Leica 1985: tom 2]. So, we can define the authoritarianism of the Vietnamese regime as a soft and dialogical authoritarianism.

If the discourses [Cổng thông tin: 12.05.2018] praising the merits of a modern city connected to the world can be associated with an obvious process of legitimization of the central power, they can also serve to conceal political and economic mechanisms that are more or less clear and justifiable to the population.

Thus, the expansion of Hà Nội (Figures 1 and 2) in August 2008 is a striking example in several respects, in particular because it makes it possible to identify the values and semantic field mobilized both by the population and by the authorities through different media such as the press or Internet forums. The slowness with which the authorities communicated on the subject we consider as the lack of intention to discuss this project because it was hiding important political and land deals that benefited a handful of insiders and, at the same time, allowed a recentralization of the power [Labbé, Musil 2011: 34].

[4] *Văn minh đô thị* (urban civilization) is derived from the chinese *wenming (*文明). For the regime, as there are some civilized spaces, there are some non-civilized spaces.

Figure 1: Enlargement of the territory of Hà Nội (August 2008)

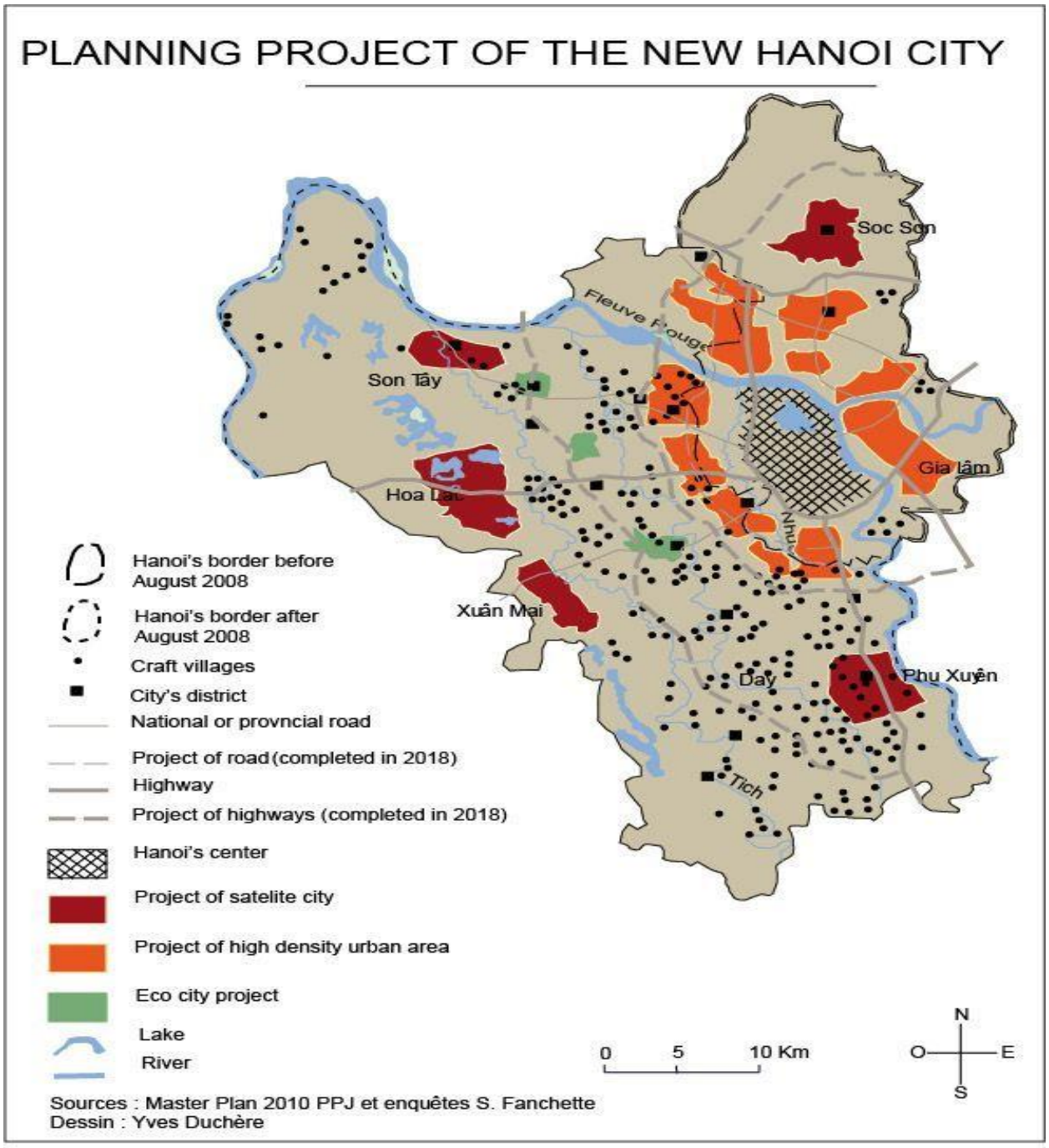
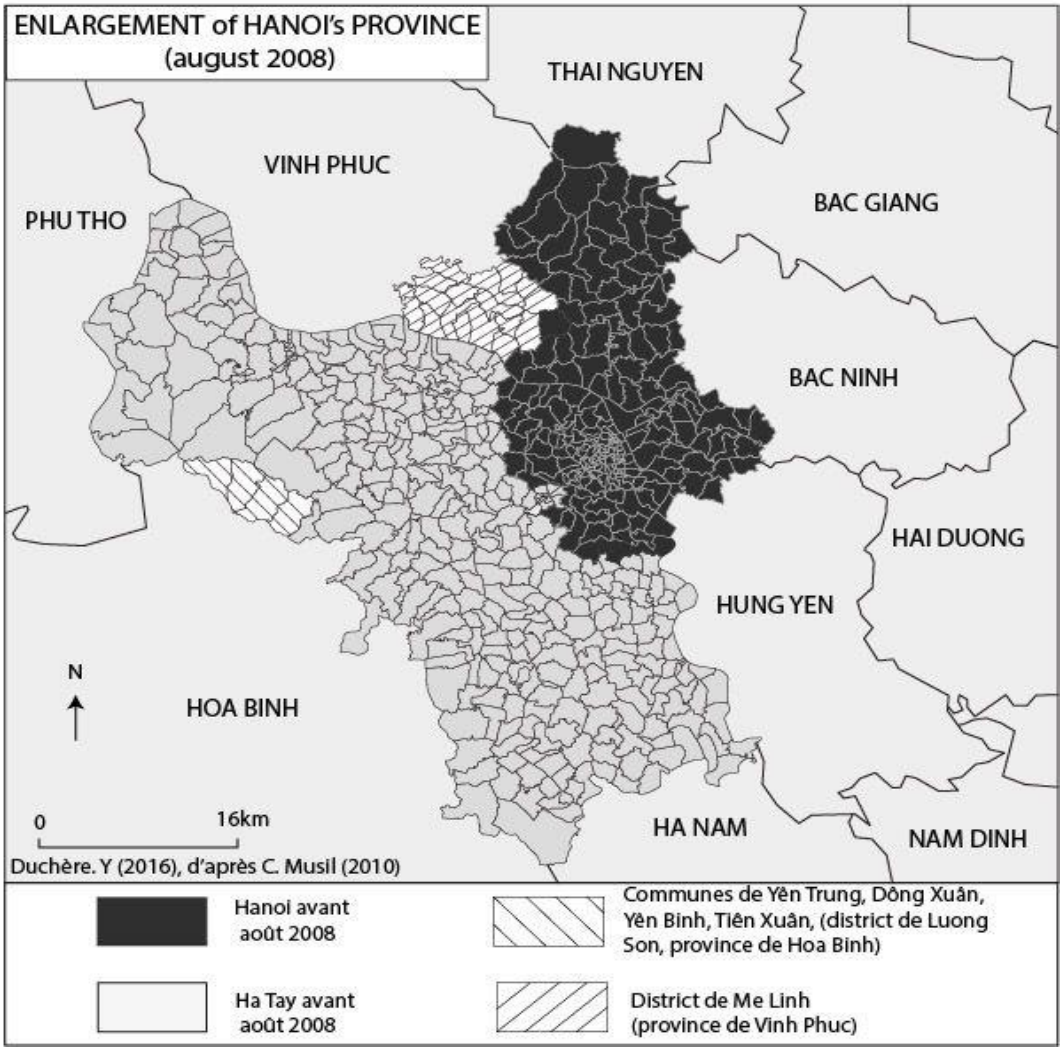


Figure 2: Planning project of the new Hanoi city



II. Party-State corporatism and decentralization of power

a. Urban manufacturing and "Party-State corporatism": from the National Assembly to the district

The urban fabric in Việt Nam is ambivalent, revealing consultation mechanisms coupled with some kinds of authoritarianism that are themselves modulated according to the territories and their challenges. What we call corporatism, once analyzed, offers the possibility of illustrating how the political center maintains its hold on the peripheries, in particular by linking various actors to each other around political and economic interests. The aim here is therefore to analyze how the administration functions are executed more on the basis of consultation/persuasion than coercion in accordance with the "negotiated authoritarianism" [Gibert, Ségard 2016: 6].

The actors of the political-administrative machine are linked to each other by sectoral or regional interests that show how political and territorial administration is marked by entryism, corporatism[5] and above all by the control of the center on all its peripheries. Indeed, the transfer of power from which these local authorities benefit is in fact one of the conditions for strengthening the weight and control of central power. This paradox is explained by the Vietnamese electoral process which, as Marie Lan Nguyen Leroy [Nguyễn Leroy Lân 2015: 60] points out, gives major importance to the provinces in the choice of candidates eligible for a seat as a deputy in the National Assembly (list for voting). This mechanism allows reciprocity and creates mutual dependence between the National Assembly and the provinces whose interests are essentially the same.

The proximity between high instances of the party and these same local authorities is also striking. As is the case in the provinces of Hà Nội region, there are many political executives with a seat on the Central Committee of the Communist Party and responsibilities at the local level. This accumulation creates obvious conflicts of interest which give to some provincial People's Committee presidents more power than a minister. The development of the metropolitan area of Hà Nội is in fact a patchwork of sectoral and regional interests linked to the clienteles that the members of the Central Committee of the Communist Party represent.

The liberalization of the land market and the increasing involvement of market forces[6] in the urban factory must not obscure the "fiscal socialism" [Kim 2009]. The relations between different levels of the administration are characterized by a system of constraints/incentives that systematically places the commune, district and provincial levels in a situation of dependence on the orientations desired by the central authorities.

In this system, if the districts and communes are responsible for implementing provincial guidelines but receive no incentives, they will try to solicit them from the population and construction-promotion companies. It is precisely when incentives are too low that acts of corruption seem to be most prevalent. However, other systems based on obtaining facilities, infrastructure or constructions, in exchange for building land for example, may exist.

b. "Refocusing" of the State at the communal and village level

The commune and ward level are the subject of particular attention by provincial authorities and even by the central State since it is the territory in which planning policies are tested, most often on an *ad hoc* basis, but also because it is here that representations relating to land use planning and management are the most conflictual.

In recent years the metropolization of Hà Nội has been accompanied by an expansion of urban space that has most often ignored the existing situation and has been accompanied by land conflicts as a result of the absence of private land ownership in a market oriented country. It is in this context that we observe a descent of the State at the village level as well as a confusion of roles and functions at this same level (the population can be an investor and the investor can be a public servant...).

[5] However, if the entryism and verticality of power ensures that the centre has control over its peripheries, we must not believe and let believe that the political actors constitute a monolithic bloc. In reality, just as society is diverse, the regime is also affected by different currents and is mainly confronted with factional struggles.

[6] Foreign direct investments in real estate increased from 0.3% in 2004 to 23.6% in 2008 [World Bank 2015: 23].

Faced with social unrest due to land issues[7] – the State and its agencies try to participate as actively as possible in local life, whether festive or associative. It is also, of course, a way to continue the work of persuasion and thus to participate actively in the making of "common sense". Rites, feasts and other celebrations, some of which were banned during the communist period, are central in Vietnamese villages and are reactivated from the beginning of *Đổi Mới*. As Benoit de Tréglodé [2012: 95-128] reminds us, the cult of national heroes pursues a political objective since this type of cult is most often organized by the local party and proposes to unite around the tradition of the centralizing state.

While during the communist period population management structures were most often used to contain and organize village activities, the post-*Đổi Mới* period is characterized by the emergence of new associative actors (NGOs, clubs, "volunteer associations")[8] that are sources of social innovations. These new village organizations are in addition to the mass associations organized under the aegis of the Vietnamese Fatherland Front, which they do not compete with. Presented as independent of the public authorities, these new social structures are in fact often placed under the supervision of a ministry. Created at different levels around the defence of heritage, the promotion of crafts or the practice of a sport, art or religion, these associations are regularly invited to participate in meetings at district and provincial level. Through a process of nationalization of associations, the public authorities maintain their control over these structures, which are thought to be independent and for which the analogy with a possible counter-power is unthinkable.

Agreeing with a descent of the State into the village where it was already present, or a "refocusing"[9], these new social spaces are nevertheless the place where social changes and innovations are promoted that allow the political-administrative machine to delegate certain missions to the local level without calling into question the major balances of power.

Finally, development and construction companies, public authorities and residents jointly participate in the urban factory. In some cases, the actors can be at the same time residents, administrators and investors. This is not without a number of conflicts of interest, particularly when local politicians are actively involved in investment projects requiring "land releases". Nevertheless, when local administrators are involved in investment projects, they are most often involved indirectly, as partners, associates or "facilitators"[10]. In fact, members of the local administration try to negotiate their place in the metropolization process, taking advantage of their network of influence and their power of coercion and decision-making in municipal affairs. Thus, gradually, we are witnessing a reactivation of relations with local notabilities.

---

[7] Between 2008 and 2011 the number of complaints and charges about land issues increased from 187,037 to 236,466 [Báo cáo 304/BC-CP: 26.10.2012]. According to the same report, 70% of complaints and other administrative appeals filed with various public institutions related to land issues.

[8] More than 700 civic organizations were created between 1986 and 2005 at Hà Nội and Hồ Chí Minh city [Wischermann and Vinh 2003: 4].

[9] Recentralization means that the center tries to reassert its control on lower levels, as the village level [Gainsborough 2010, ch. 3].

[10] There was registered the increase in the population's feeling of injustice and total number of land-related complaints related to expropriations carried out by the State, including 70 % related to the amount of compensation and relocation (compensation is indeed considered too low compared to "free market" prices) [Báo cáo 304/BC-CP: 26.10.2012].

III. Popular response to the urbanization

a. Clearance of land or eviction?

Since the land laws of 2003 and 2014, land recuperations and the feeling of injustice has increased[11]. The land has become a notorious lever of enrichment that allows emerging middle class[12] to accumulate capital by taking advantage of its relationships with power. The State grants land to investors, sets up a system of dual land prices, facilitates "land clearance" and creates an institutional environment that is largely beneficial to market forces[13]. The prices proposed by the administration (*giá nhà nước*) are much lower than those of the market and the land then appears to be "priceless" [Pandolfi 2009]. This situation gives rise to a feeling of injustice among the population, particularly in agricultural villages on the outskirts of urban areas where land has become one of the modern levers of capital accumulation. The method of calculating the price of land differs according to the type of land. In this system, agricultural land is significantly undervalued compared to other land.

The need to build "urban civilization" justifies what the authorities call "clearance" of land presented as essential for the modernization of the country. "Attractiveness", "competitiveness", "investment", "modernization" are all terms[14] used by public authorities to shape representations of the transition to the urban era in which “the power to evict is founded on the right to own” [Harms 2016: introduction]. Vietnamese urban civilization is built on a denial of the right to the city. The land seizures illustrate the symbolic and physical violence from which it is built. For Erik Harms, “mass evictions and emergence of property rights go hand in hand. Likewise, the production of civilized spaces of new urban living is founded on mass dispossession” [Harms 2016: 219]. The expression of this new authoritarian norm is justified in an ambivalent way by the authorities and shows the use of different, even opposing, ideological registers. The phase of justification, awareness and pedagogy borrows from the values and concepts of the market economy, while in response to popular criticism and discontent, the words of the market economy are abandoned in favour of those of nationalism, socialism and revolution.

In a classic way, we also find in the press certain recurring qualifiers that dishonor those who dared to protest, such as in the town of Đồng Tâm in April 2017, for example. Among these adjectives are reactionaries (*phản động*), traitors to the nation, extremists (*quá khích*) who are described as "disorder professionals" ("*nghề ăn nên làm ra của mấy mấy kẻ chính tri*") working for the collapse of the state, social instability and the disintegration of national unity while being financed by foreign and reactionary organizations [Nhân Dân: 11.09.2018].

---

[11] There was registered the increase in the population's feeling of injustice and total number of land-related complaints related to expropriations carried out by the State, including 70 % related to the amount of compensation and relocation (compensation is indeed considered too low compared to "free market" prices) [Báo cáo 304/BC-CP: 26.10.2012].

[12] Above 15 USD per person and per day (7.7 % of the population in 2010 and 13 % of the population in 2016) [World Bank 2018: 1, 13]. For more details on the question of middle class in Vietnam see one more [Van Nguyen Marshall et al. 2012].

[13] It is argued that the land pricing mechanism is intentionally designed by the state to attract investment [Truong and Pereira 2011: 35].

[14] We note also that the word “capitalism” still remains highly connoted and is therefore not used in this context.

b. From daily discontent to demonstration

If many peasants in the suburban area of Hà Nội appear to be victims of the modalities of land seizure, the analysis of their speeches and representations makes it possible to better define the framework of the exploitation of which they are victims and above all the limits beyond which domination is no longer, for them, "tolerable".

Concealment, cunning, the art of sneaking into the law (*lách luật*) or even the use of force (*phá rào*), are the possibilities open to the inhabitants and constitute as many material resistances. But, when the inhabitants of the peri-urban area, for example, put in place spatial strategies for the extension of housing or craft spaces, what is important to highlight is the way in which these strategies are justified. The inhabitants construct their statements from and within the framework of the dominant ideology according to which the party is the central institution to which authority legitimately belongs. Individuals involved in informal and illegal forms of urbanization on agricultural land do not hesitate to recall that these lands have been won by the struggle:

"*We, the humble peasants of the Vietnamese people, had to live under Chinese rule for a thousand years and under colonial oppression for a hundred years. Today, we own the country, we live in a socialist regime, but we become "homeless" in the very place where we fought a few decades ago, in the very place where we sacrificed our lives*" (letter of protest sent to Prime Minister Nguyễn Tấn Dũng in 2012) [Duchère 2019: 189].

While some well-known national artists such as the singer Mai Khôi or the rappers Son Nah and Sendoh try to echo the "voiceless", it is also important to note that the villagers also produce real protest songs sung during sit-ins, occupations and other demonstrations.

Since the 1990s, the Vietnamese Party-State as demonstrated a renewed pragmatism and rethought in the light of the challenges posed by economic and social development. Exchanges, negotiations, compromises and other consultations with the people modulate the political authoritarianism of the authorities but do not protect them from demonstrations of anger on the part of the people when they believe that the public theatre of domination and injustice must stop. Generally, the public expression of the feeling of injustice occurs when, on a specific subject, here land evictions, all remedies have been exhausted and when the taboo must be broken publicly in order to engage the public responsibility of the authorities. But in Vietnam, as in other authoritarian regimes, the possibility of free popular expression is severely limited.

The expression of this anger and protest is not in fact economically determined. These violent demonstrations are moments of expression of dignity that reflect a general and increasingly obvious disavowal by the population towards its management structures. In addition to the protests in Thaí Bình in April 1997 and those in the highlands in 2001, a series of events must now be added, which agree in the sense of an ever-increasing defiance of the population towards their management structures. Thus, the case of Đoàn Văn Vươn in 2012 at Haỉ Phòng, the clashes and hostage-taking at Đồng Tâm (district of Mỹ Đức, Hà Nội, 2018) or the tensions surrounding the Ecopark project (Hà Nội) add to the population's long list of outbursts of anger against its administration.

Figure 3: Protests in the peripheries of Hanoi

If, according to the press reports, popular protest rallies are, for the authorities, the work of "scum" or "extremists", it must be noted that these events are multiplying, intensifying and that citizens are diversifying their modes of action, in particular by broadening the base of their demands. The events of June 2018 began with opposition to a proposed SEZ (Special Economic Zone) project in which Chinese (like any other) investors are benefiting from 99-year leases[15]. The risk feared by the demonstrators is that these areas will be managed autonomously by Chinese nationals, so it is a question of sovereignty that is obviously part of a historical conflict between China and Vietnam. However, beyond the land claims and national momentum observed during these events, other messages, less relegated by the Vietnamese press, were conveyed. If in the processions one could read "No land rental to China, even for a day" or "China, out of Vietnam!", other slogans openly criticized the cyber-security law adopted on June 12, 2018 or, and this is rare enough to mention, the Vietnamese Communist Party itself.

[15] From May 23 to 28, 2018 the Vietnamese Parliament met to discuss a draft Law on Administrative and Economic Units to be granted for 99 years to foreign companies located in three strategic coastal areas of the country.

Figure 4: Protests in the peripheries of Hanoi

Conclusion

With a growth rate of 7.08 % in 2018, a GDP per capita of USD 2587 [GSO: 28.12.2018] and an urban transition already well under way, Việt Nam is undoubtedly working on its development and integration into the networks of globalization. The urban and civilizational ambition of the Party-State contributes to its legitimacy but does not protect it from the increase in inequalities and, above all, from the growing sense of injustice among populations that do not all benefit from urbanization. To address the threats facing it, the CPV is monitoring and trying to anticipate the possibility of an overflow from the population. Through iterative governance, arrangements and compromises, authorities still manage to convince within its administration but faces greater difficulties with regard to a part of the population that does not benefit from the economic spin-offs of growth.

Those left behind in development policy and urbanization, through their everyday speeches and protests, point to the failure of the authorities to build consent in the field of urbanization. It is also noted that, unlike a commonplace frequently mentioned, manifestations of anger or disagreement are not only the consequence of economic situations but also have much to do with

dignity and respect for the social contract that binds, in principle, the population to its management structures.

References

1. Báo cáo Chính phủ no. 304/BC-CP [Governmental report], 26.10.2012.
2. Cổng thông tin điện tử Chính phủ Thành phố Hồ Chí Minh (Cổng thông tin). Muốn hiện đại, nghĩa tình phải xây dựng văn minh đô thị [Modernity requires the construction of urban civilization]. Retrieved on May 12, 2018 from URL: http://tphcm.chinhphu.vn/muon-hien-dai-nghia-tinh-phai-xay-dung-van-minh-do-thi.
3. De Tréglodé, B. (2012). Héros et révolution au Viet-Nam [Heros and revolution in Vietnam]. NUS Press - University of Hawaii Press, 2012. 244 p.
4. Duchère, Y. (2019). Hà Nội et sa région. Une géographie du compromis en régime autoritaire [Hanoi and its region. A geography of compromise in authoritarian regime]. Paris: Les Indes Savantes, 265 p.
5. Duong Lan (2018). An Authoritarian State-Society Cooperation - An examination of the state-society relations in Vietnam with regard to LGBT civil society organizations. Master thesis. University of Leiden.
6. Gainsborough, M. (2010). Vietnam, Rethinking the State. Londres: Zed Books, 49 p.
7. Gibert, M., Ségard, J. (2015). L'aménagement urbain au Việt Nam, vecteur d'un autoritarisme négocié [Urban planning at Vietnam, a vector of negotiated authoritarianism]. *Justice spatiale*, n° 8. URL: http://www.jssj.org.
8. General Statistic Office of Vietnam (GSO) [Tổng cục thống kê Việt Nam] (2018). URL: http://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=382&idmid=2&ItemID=19041.
9. Gramsci, A. (1971). The prison notebooks. Columbia University Press, 2032 p.
10. Grawitz, M., Leica, J. (1985). Traité de sciences politiques [Political Science Treaty].PUF, 752 p.
11. Harms, E. (2016). Luxury and rubble. Civility and dispossession in the New Saigon. University of California Press, 304 p.
12. Kerkevliet, B. (2014). Protests over Land in Vietnam: Rightful Resistance and More. *Journal of Vietnamese Studies*, vol. 9 (3), pp. 19–54.
13. Kim, A. (2009). Land Takings in the Private Interest: Comparisons of Urban Land Development Controversies in the United States, China, and Vietnam. *Cityscape* 11.1, pp. 19–32.
14. Kleinen, J. (2015). Vietnam: One-Party State and the Mimicry of Civil Society. *Carnet de l'IRA- SEC, Occasional Paper, Investigation Series*, n° 3, 127 p.
15. Labbé, D., Musil, C. (2011). L'extension des limites administratives de Hà Nội : un exercice de recomposition territoriale en tension [The extension of Hanoi's administrative limits: Territorial restructuring in tension]. *Cybergeo: European Journal of Geography*.
16. Lê Đăng Doanh (2012). Đổi mới tư duy và cải cách thể chế những yêu cầu từ thực tiễn [Renewal of thinking and institutional reforms, the requirements of reality] In: Tô Trung Thành và Nguyễn Trí Dũng. Từ bất ổn vĩ mô đến con đường tái cơ cấu [From macro instability to the path of restructuring]. Nhà Xuất Bản Tri Thức.

17. Lê Hiếu (2010). Về vấn đề chuyển đổi mục đích sử dụng đất nông nghiệp trong quá trình công nghiệp hóa, đô thị hóa [About the problem of converting agricultural land for industrialization and urbanization]. *Tạp Chí Quản Lý Nhà Nước* [*Management Public Review*], n° 174, pp. 34–38.

18. Nguyễn Duy Thăng (2004). Tác động của đô thị hoá đến nghèo khổ và phân tầng xã hội : nghiên cứu trường hợp vùng ven Hà Nội [Impact of urbanization on poverty and social stratification : a case study in the Hanoi suburban area]. *Sociology*, 3 (87), pp. 62–70.

19. Nguyễn Hồng Anh (2006). La Répartition des Compétences Entre Pouvoir Central et Pouvoir Local Au Viêt Nam [The Distribution of Competences Between Central and Local Power in Vietnam]. Administration et management public, 2006, 6 p.

20. Nguyễn Hải, H. (2016). Resilience of the Communist Party of Vietnam's Authoritarian Regime since Đổi Mới. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35, 2, pp. 31–55.

21. Nguyễn Leroy Lân, M. (2015). Les enjeux de la nouvelle réforme foncière au Vietnam [The challenges of the new land reform in Vietnam]. Carnets de l'IRASEC, 90 p.

22. Nguyen Van Marschall et al. (2012). The reinvention of distinction: modernity and the middle class in urban Vietnam. Springer, 176 p.

23. Nguyễn Văn Sửu (2009). Agricultural Land Conversion and Its Effects on Vietnamese Farmers. *Focal-European Journal of Anthropology*, no.54: 2, pp. 106–113.

24. Noizet, H. (2013). Fabrique urbaine In : Jacques Lévy et Michel Lussault (ed.). Dictionnaire de la géographie et de l'espace des sociétés [Dictionnary of geography societies spaces], Berlin.

25. Pandolfi, L. (2001). Hà Nội 1986–2000, une terre sans prix. Réforme foncière et urbanisation au Việt Nam [Hà Nội 1986 –2000, a priceless land]. Thèse de doctorat. Institut Français d'Urbanisme / Université Paris VIII. 563 p.

26. Phản nước, hại dân và phục vụ mưu mưu đồ chính trị cá nhân [Against the State and the People, and in the service of their personal interests]. *Nhân Dân*, 11.09.2018.

27. Salemink, O. (2003). Disjunctive Developments: The Politics of good governance and civil society in Vietnam. EIDOS.

28. Scott, J. (1992). Domination and the arts of resistance. Hidden transcripts. Yale University Press. 272 p.

29. Truong, T.T., Pereira, R. (2011). Consequences of the two-price system for land in the land and housing market in Ho Chi Minh City, Vietnam. *Habitat Int*. 35, pp. 30–39.

30. Wischermann, J. and Nguyễn Quang Vinh (2003). The Relationship between Civic Organizations and Governmental Organizations in Vietnam: Selected Findings of an Empirical Survey In: Kerkvliet, B., Heng, R., and Koh D. (eds.), Getting Organized in Vietnam – Moving in and around the Socialist State. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, pp. 185–233.

31. World Bank (2015). Vietnam affordable housing. A way forward. 106 p. URL : http://documents.worldbank.org/curated/en/240541467995097856/pdf/100706-WP-P150619-PUBLIC-Box393231B-2015-10-16-05-45.pdf.

32. World Bank (2018). Climbing the ladder: poverty reduction and shared prosperity in Vietnam. Washington, D.C.: http://documents.worldbank.org/curated/en/206981522843253122/Climbing-the-ladder-poverty-reduction-and-shared-prosperity-in-Vietnam.

33. World Development Indicators. Retrieved on January 15, 2019 from URL:. https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=VN

Author:

Yves Duchère, Ph.D. (geography), Research associate in the Centre of Population and Development studies (UMR–196), Paris Descartes-IRD, France. E-mail: yduchere@gmail.com

Article history:
Received: 30.12.2018
Received in revised form: 22.03.2019
Accepted: 25.03.2019

Ив Дюшер

УРБАНИЗАЦИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ ВО ВЬЕТНАМЕ: КОМПРОМИССЫ И ПРОТЕСТЫ

Аннотация. Урбанизацию автор понимает как способ интеграции Вьетнама в процесс глобализации, а проект «городской цивилизации» — как выражение новой авторитарной нормы.

В первой части статьи показано, как Партия–Государство во Вьетнаме оправдывает свой гегемонистский проект урбанизации.

Во второй части раскрыта модель усиления контроля политико-административного аппарата над происходящими в городах процессами на основе компромиссов и договоренностей между сторонами.

Последняя часть посвящена авторитарному характеру урбанизации и затрагивает все более деликатный вопрос о сопротивлении (материальном, идеологическом).

Ключевые слова: моральная экономика, урбанизация, Вьетнам, государственная партия, авторитаризм, сопротивление.

Автор:

Ив Дюшер, к.геогр.н., научный сотрудник Центра населения и развития, Институт исследования проблем развития, Парижский университет Декарта, Франция. E-mail: yduchere@gmail.com

Продвижение статьи:
Дата поступления: 30.12.2018
Дата поступления в переработанном виде: 22.03.2019
Принята к печати: 25.03.2019

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10003

Evgeny Kanaev, Nguyen Quang Thuong, Vi Thi Huong Hue

THE DIGITALIZATION OF BUSINESS: VIETNAM'S PERSPECTIVE

Abstract. As the digitalization becomes the key factor to raise the competitiveness of companies, as well as of the investment attractiveness of recipient countries, the Socialist Republic of Vietnam (SRV) may find it difficult to benefit from this process. The research question is why Vietnam, in spite of successful efforts to increase its investment attractiveness, may miss opportunities presented by the emerging digital business environment. The academic novelty of the paper account for the reveal of the repercussions generated by the global trend towards the digitalization of businesses for Vietnam.

The approach to the research question is based upon general academic methods like observation, study of documents and comparison. The primary sources of the paper, a significant part of which is published in the Vietnamese language, include the statistics of Ministry of Finance of Vietnam, Ministry of planning and investment of Vietnam, interviews with the SRV's government officials, as well as the UNCTAD and the World Bank reports.

The principal findings of the study reveal that while Vietnam has succeeded in strengthening its attractiveness as an investment destination, the country still possesses insufficient resources to respond to the forthcoming global digitalization of businesses and incentivize companies to continue investing in the SRV. In this connection, a set of recommendations on how to rectify maters is presented by the authors.

Key words: business, digitalization, Vietnam, investment attractiveness, FDI inflows, e-commerce, competitiveness.

Introduction

The present stage of globalization based upon the digital penetration in all spheres of human lives presents businesses with unique possibilities. This seems to be clearly understood by both companies and countries in which they operate including the Socialist Republic of Vietnam.

As a country with rising ambitions underpinned by considerable potential, the SRV attaches paramount importance to improving its conditions for doing business in order to attract foreign investment and continue long-term and sustainable economic growth. While this remains work in progress, success has been noticeable.

At the same time, while the business sector is turning increasingly digital, Vietnam may not be able to respond to this imperative of time. To address this problem and give recommendations on how to make it less serious is a timely and relevant exercise.

While selective aspects of this problem have been addressed by K.Shwab, R.Baldwin, A.Gleeson, Bui Nhat Quang, Nguyen Thang, Pham Thi Thanh Binh, Bui Thi Ngoc Lan, Nguyen

Hoang Ha, Huynh Thanh Dat, Nguyen Anh Duong, Do Thi Nhan Thien, Duong Thi Trang, a nuanced research linking the global trends with the SRV's specific capacities and constraints has not been conducted thus far. This allows the authors not only to trace the key trends shaping the business digitalization in the SRV but also to present their recommendations on how to make Vietnam's policy more efficient than it currently is.

Starting from the identification of the most important reasons behind the current motives of businesses to move digital, the authors proceed with an assessment of the conditions of doing business in the SRV to finally turn to its readiness to respond to the forthcoming digital business milieu. The conclusion summarizes the foregoing analysis.

The Digitalization of Business as a Global Trend

A noticeable feature of the present-day globalization is the advent of the Fourth Industrial Revolution based upon the interpenetration of physical, biological and digital worlds with profound aftereffects on all aspects of human lives [Schwab 2016]. From the business perspective, a unique convergence of three strategically important factors comes into play.

The first accounts for the *simultaneous* (*emphasis added*) possibility to respond to the expectations of both stakeholders and customers. For companies, especially in the B2C sector, offering goods and services in the 24/7/365 format can attract more customers than any other kind of advertising may generate. Sale webinars, customer forums and digital CRM instruments allow both expanding the target audience and improving the customer loyalty.

With regard to customers, their growing and more sophisticated demand makes businesses compete with clients' best experience. As J.Walker observed, "Customers want specific services tailored to their needs and they expect businesses to understand those needs. They aren't satisfied with just ordering products, they want recommendations about what to order next… and want to track when the shipments will arrive. This requires data and lots of it" [Walker 2017].

To further substantiate this point, the strategic forecasts of businesses, especially in the retail sector, cannot ignore the expectations of the technologically-savvy millennials. To work with them is vital as with a course of time the targeted traffic will materialize in their increased satisfaction and loyalty with prospects for long-term revenues.

The second perspective stems from the current logic of the globalization. According to Richard Baldwin, the production of goods and services is between the so-called "second" and "third" unbundling. While the former is based on the ICT revolution and cost-savings relate to the dissemination of ideas, the latter means that in the future the digital technologies will allow the "digital presence" of people while in reality they may be at vast distances [Baldwin 2016]. If this logic even partially grasps the essence of the global evolution, for businesses to *go digital* is the (*emphasis added*) matter of survival. Otherwise the company will not be affected by the forthcoming innovations including the Internet of Things (IoT), telepresence and tele-robotics, as well as will not develop cyber-security competences.

The third perspective offered by the Fourth Industrial Revolution suggests more nuanced targeting the human nature in order to generate more revenues. The digital marketing can not only appeal to the functional characteristics of products, but also play on the emotional and the social fields. By means of digital advertising, more nuanced targeting human emotions like love, friendship, children and parent care etc. becomes possible. Equally, the on-lineself-positioning of

businesses as socially responsible, like supportive of the green growth or diseases combating (as exemplified by Avon's campaign to help women combat the breast cancer) can resonate in the hearts and minds of consumers with their enhanced loyalty to the company or the brand as a likely aftereffect.

Understanding these trends, it would be naïve to expect that the way towards digitalization of business activity will be paved with roses as many problems will have to be overcome. Among them, of note is a likely contradiction between the data openness and the data security. The direct brand-to-customer connection cannot but generate misunderstanding between brand producers and retailers, whose relations have been fostered for decades. As the competition between businesses for customers intensifies, the quality of products will have to be enhanced at an exponential rate, a requirement which not many companies will be able to meet.

In sum, the digitalization of business strategy as an instrument to increase the company's global competitiveness is a pressing imperative. This seems to be well understood by both companies and countries in which they conduct their business activity. From the country perspective, of special interest is Vietnam as its forthcoming ASEAN chairmanship in 2020 coincides with the deadline for the implementation of the ASEAN ICT Masterplan 2020 which is aimed at "propelling ASEAN towards a digitally enabled economy that is secure, sustainable, and transformative". In this document, the ICT dimension of business as an enabler of raising ASEAN economic competitiveness is given special significance [The ASEAN ICT Masterplan 2020].

At the same time, the digitalization of business environment will bear fruit in case favorable conditions for doing business, mainly in the form of investment attractiveness, have been created. More than that, necessary pre-requisites for moving digital should also exist. Arguably, these are the key, if not indispensable, factors behind success.

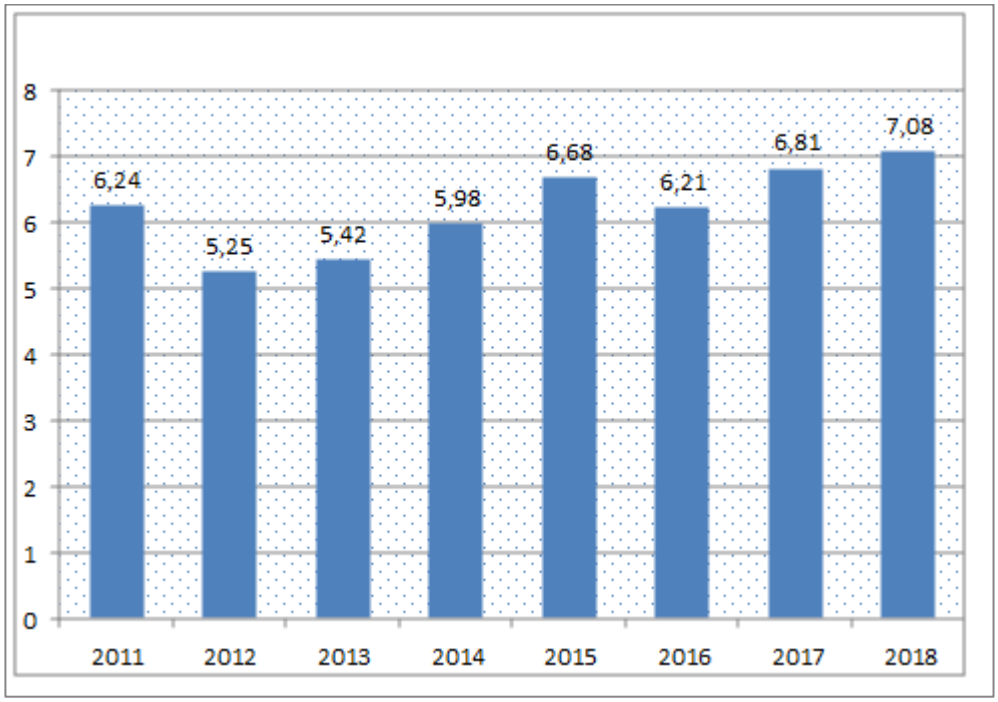
Raising Investment Attractiveness as the SRV's Priority

The socio-economic reforms undertaken since the late 1980s have carried strong implications for Vietnam's economy. As a result of more than 30 years of Doi Moi with its focus on developing the market-oriented economy, Vietnam has emerged from a low-income to a middle-income country.

Located at the intersection of continental and maritime Southeast Asia, Vietnam possesses numerous strategic advantages. It borders the main economic powerhouse of the contemporary world — the People's Republic of China. With its coastline extending to 3000 km, as well as with the proximity to the world's busy SLOCs, Vietnam is well positioned to construct deep-water ports and get involved in global trade. The stable political system in Vietnam provides a solid foundation for investors' confidence.

High and sustainable rates of economic growth over the years have traditionally been a lure for investors, improving Vietnam's international competitiveness. The GDP grew an average of 5 to 7 % per year in the period of 2000–2018 [GSO:28.12.2018] (Figure 1), and in 2017, Vietnam was ranked one of the most promising investment destinations in Asia [UNCTAD 2017]. In 2018, the country registered approximately USD 35.46 billion in foreign direct investment while implemented capital reached USD 19.1 billion — the highest amount since 2010 [Foreign Investment Agency 2018] (Figure 2).

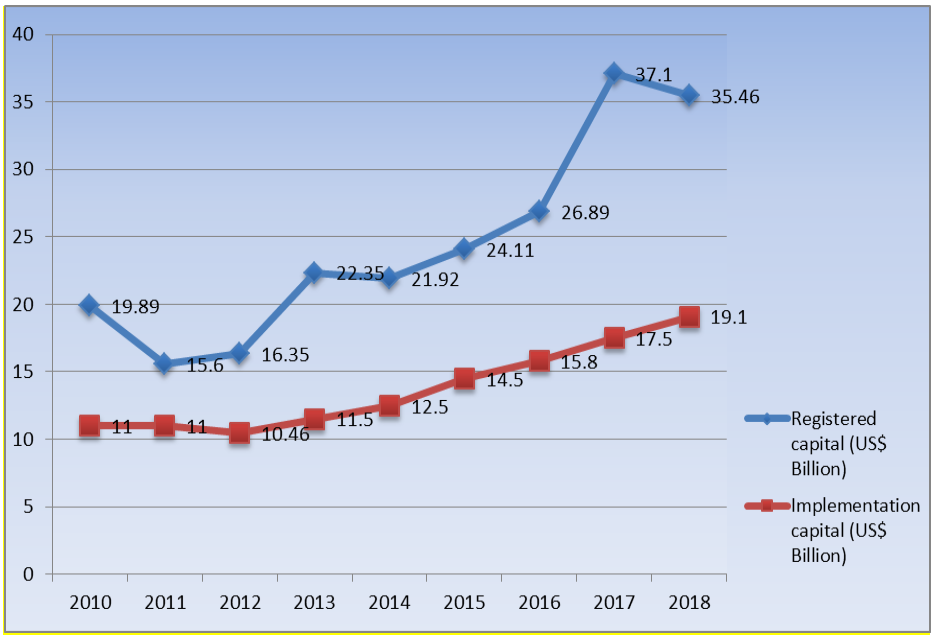
Figure 1: Annual GDP Growth Rate of Vietnam at Constant 2010 Prices, %



Source: General Statistics office of Vietnam. 2018

The investment destinations are presented by not only traditional sectors like electronics, garments and footwear. Money flows go to renewable energy projects, high-tech agriculture and industries, as well as to retail and e-commerce [Duong Thị Trang 2018]. Vietnam receives the majority of its FDI inflows from Asian countries, mainly Japan, the Republic of Korea and Singapore [Foreign Investment Agency 2018].

Figure 2: Foreign Direct Investment Inflow (Licensed Projects) in the period 2010–2018



Source: General Statistics Office of Vietnam 2017, Foreign Investment Agency Vietnam 2018

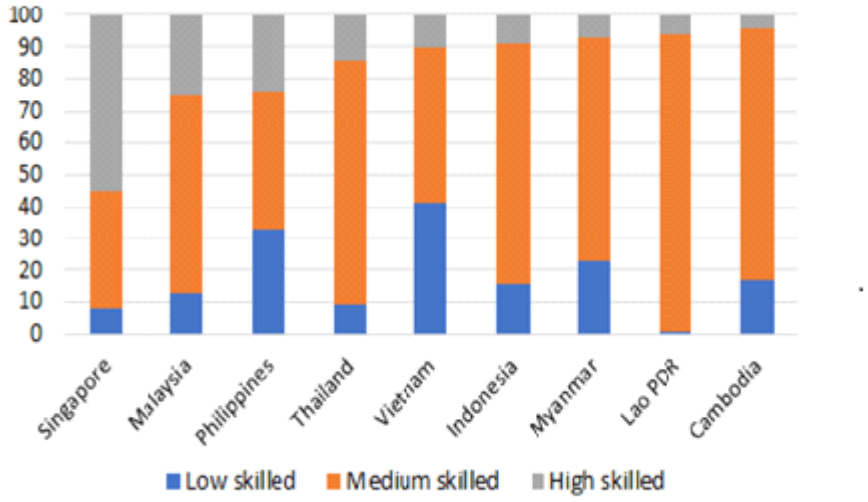
Part of Vietnam's investment attractiveness is its "golden population structure". With over 95 million residents, Vietnam possesses 14th largest population in the world. About 60 % of the SRV's citizens are under 35 years old [Nhân dân: 1.12.2018], which results in two working people per one dependent person. Vietnamese man-power is well trained while its cost is among the cheapest in Asia. The aftereffect of these developments is felt today as a relocation of industries from China to Vietnam, as long as China becomes more expensive [Dân trí: 30.11.2018].

Vietnam participates in multilateral and bilateral free trade agreements (FTAs). This allows Vietnam to study and later on apply the best practices of trade and investment cooperation, as well as to develop its institutional frameworks, thus further raising its competitiveness. These efforts are appreciated by multinationals, which is exemplified by Samsung decision to establish in Vietnam its biggest factory [Cafef 2018].

With the specific relevance to the Fourth Industrial Revolution, let's note the fact that while it stimulates the economic growth based mainly on technological innovation Vietnam's "success story" is premised mainly on raw material manufacturing, low skilled and cheap labor. Vietnam's existing enterprises are small businesses with limited capital potential, lack of qualified person-power, as well as relatively low support of R&D. Vietnamese low skilled labor percentage (41 %) is the biggest in ASEAN [Nhân dân: 1.12.2018] (Figure 3).

As the Fourth Industrial Revolution gains speed, technological startups are of big relevance. The label "Made in Vietnam" should be replaced by "Researched and developed in Vietnam".

Figure 3. Employment Share in the Economy (%)



Source: World Economic Forum 2016:4

Despite the SRV's willingness to improve its business climate underpinned by practical measures, difficulties do remain. The most significant are cumbersome bureaucratic procedures, not always transparent legal regulations, a complicated tax system, infrastructure deficiencies.

Overall, the degree to which Vietnam has succeeded in improving conditions for doing business can be seen from its 68th rank in the Ease of Doing Business report (among 190 economies) [Trading economics 2018]. Although not tremendously impressive, this suggests a potential for further growth. At the same time, Vietnam may find it problematic to respond to the upcoming digitalization of business and create the digital milieu conducive for incentivizing foreign companies to increase investment in the SRV.

Vietnam's Digital Business Journey: an Interim Assessment

As the digitalization of strategy becomes an imperative for businesses, Vietnam tries to keep abreast of these developments and respond to investors' expectations. As a result, the modern technologies relevant to the Industry 4.0, including the 4G and 5G telecommunications networks, as well as e-commerce, are developing in Vietnam.

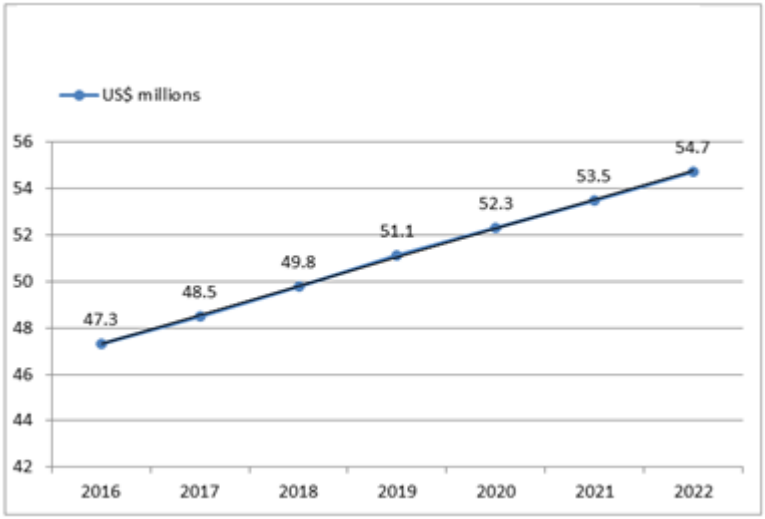
According to Euromonitor, by 2020 in Vietnam the revenues generated by the sales online and those from devices like cell phones or tablets of e-commerce companies Tiki, Lazada, Shopee, Sendo, as well as of retailers that have online sales channels, will reach USD 2.5 billion (two times as much as in 2017). By 2022, this figure is expected to account for USD 4.6 billion [Forbes Vietnam: 30.11.2018].

The increase of online sales will be stimulated by the upcoming urbanization as the share of urban population is projected to increase to 36.4 % and 41.6% by 2020 and 2030 respectively [Forbes Vietnam: 30.11.2018].

While assessing the potential of Vietnam's e-commerce sector, it is worthy of note that in 2017 48.5 million users made their purchases in online stores while by 2022 this figure is expected to rise to 54.7 % (Figure 4).

.

Figure 4. The Number of Users of Online Shopping in Vietnam (Current and Projected)



Source: Viet management consulting group 2018

Among the mostly developed directions of on-line sales, the key are mass consumption goods distributed through on-line platforms like Lazada, Sendo, Tiki, Shopee and the like, as well

as interpersonal sales in the C2C format, mainly through Facebook [Webico 2017]. The B2B sector, conservative by its nature, is reluctant to intensify on-line sales.

Summing up main obstacles along the SRV's way to digitalize its business milieu, the following can be mentioned. Firstly, the factor of infrastructure matters as the last-mile delivery remains a serious problem. The state of Vietnam's transport infrastructure, in comparison with other ASEAN countries, is presented in Figure 5.

Secondly, the lack of confidence in on-line payments remains a hurdle. As many Vietnamese are accustomed to buy in brick-and-mortar (or, putting it differently, "physical") stores, they have natural apprehensions about the safety of payments. For instance, for Vietnamese elderly people what to do and who is responsible if a payment is made but not confirmed is a serious problem.

Figure 5. ASEAN Countries Ranking in Transport Infrastructure (2016-2017)

	Country	Rank	Score
1	Singapore	2	6.5
2	Malaysia	11	5.7
3	Indonesia	36	4.5
4	Thailand	37	4.5
5	Vietnam	63	3.8
6	Brunei Darussalam	70	3.5
7	Philippines	90	3.2
8	Cambodia	102	2.9
9	Laos	110	2.8

Myanmar was not included in the 2016-2017 report. Score values are on a 1-7 scale.
Source: World Economic Forum

Source: World Economic Forum 2017: 10

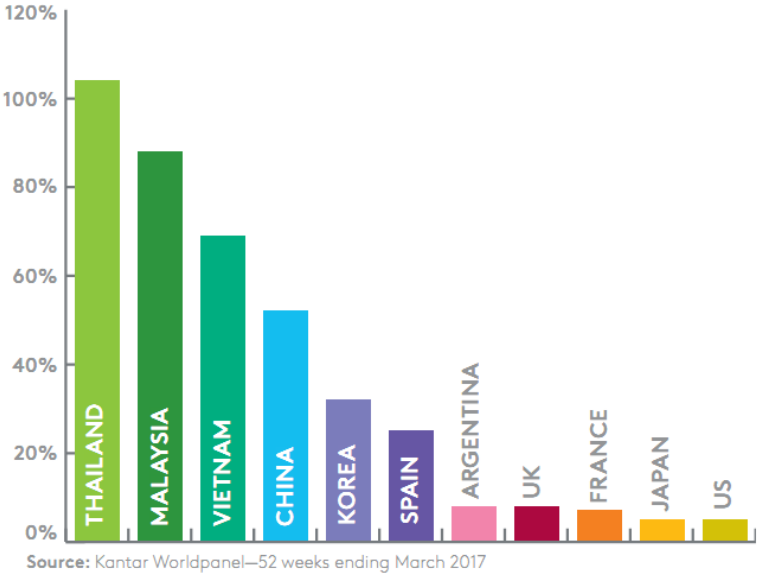
Thirdly and perhaps most importantly, Vietnam's on-line platforms cannot compete with the giants of the IT industry which have already entrenched in the global market. According to Asian Development Bank, "… globally, Google currently controls 90 % of search advertising, Facebook controls 77 % of mobile social traffic and Amazon has 75 % of the e-book market" [ADB 2017]. For obvious reasons Vietnam's on-line platforms cannot outperform these companies.

These difficulties, possibly except the last one, require urgent steps as the digitalization of businesses all over the world is developing at an astonishing speed. Urgent steps include the personalization of traffic, omni-chanelling on-line sales, expanding the development of electronic document turnover, as well as the improvement of the last-mile delivery. These measures will allow Vietnam's e-commerce sector to maintain its growth which is currently among the highest in the world [Figure 6].

In sum, Vietnam's digital business milieu, while evolving, is still in its infancy. To sustain its favorable momentum the digitalization of business needs administrative and legal support, the

development of human resources, as well as the overall improvement of ICT infrastructure with the focus on the 4G and 5G networks.

Figure 6. The Fastest Growing E-commerce Markets in the World, 2017



Source: Hanoi time 2017

Conclusion

Given that the digitalization of business becomes an irreversible trend, to ignore it becomes a receipt for backwardness. If so, strategic measures to improve the competitiveness of any international economic actor, be it a company or a state, should be implemented, and if necessary reformulated, in favor of strengthening its digital dimension.

Seen from Vietnam's perspective, its success in improving conditions for doing business, as evidenced by the rise of FDI inflows and the growing interest of multinationals, is indisputable. In the short-term perspective, this will allow the SRV to continue its growth. This is likely to be appreciated by ASEAN states during the forthcoming Vietnam's ASEAN chairmanship in 2020. Also, it will allow the association to rise its international credentials as the priority of the ASEAN Economic Community–2025 goals.

In the long-term perspective, however, Vietnam might be unable to grasp the emerging possibilities as the foundations for digitalization of businesses are rather shaky. In this light, much will depend upon the timely implementation of remedial measures, including those suggested by the authors, as an important prerequisite for success.

References

1. ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017, p. 11. Retrieved on December 2, 2018 from

URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/379401/asean-fourth-industrial-revolution-rci.pdf.

2. Baldwin, R. (2016) The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, MA: Belknap Press.

3. Bùi Nhật Quang (2017). Khởi nghiệp đổi mới sáng tạo ở Việt Nam trong bối cảnh cách mạng công nghiệp lần thứ tư [Startups and innovation in Vietnam in the context of the fourth industrial revolution]. *Tạp chí Khoa học xã hội Việt Nam [Vietnam Social Science Magazine]*, số 10, tr. 35–52.

4. Cafef. (2018). Việt Nam đã trở thành ngôi nhà thứ hai của Samsung [Vietnam became second home of Samsung]. Retrieved on December 2, 2018 from URL: http://cafef.vn/viet-nam-da-tro-thanh-ngoi-nha-thu-hai-cua-samsung-20181004171450729.chn.

5. Dân trí. (2018). Chủ tịch Amcham: Việt Nam đang có lợi trong cuộc chiến thương mại Mỹ – Trung [Director of AmCham: Vietnam stands to benefit in US – China Trade war]. Retrieved on November 30, 2018 from URL: https://dantri.com.vn/kinh-doanh/chu-tich-amcham-viet-nam-dang-co-loi-trong-cuoc-chien-thuong-mai-my-trung-20181204105433469.htm.

6. Dương Thị Trang (2018). Thu hút nguồn vốn FDI vào lĩnh vực nông nghiệp công nghệ cao ở Việt Nam [FDI flows in high-tech agriculture in Vietnam]. *Tạp chí Tài chính [Financial Magazine]*. Retrieved on December 1, 2018 from URL: http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu--trao-doi/trao-doi-binh-luan/thu-hut-nguon-von-fdi-vao-linh-vuc-nong-nghiep-cong-nghe-cao-o-viet-nam-142805.html.

7. General Statistics office (GSO) (2018). The economic-social overview of Vietnam in 2018. Retrieved on December 28, 2018 from URL: https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=382&idmid=2& ItemID=19041.

8. Foreign Investment Agency. Ministry of Planning and Investment of Vietnam (2018). Foreign investment in Vietnam in 2018 [Cục đầu tư nước ngoài. Bộ kế hoạch đầu tư. Tình hình thu hút đầu tư nước ngoài năm 2018]. Retrieved on January 2, 2019 from URL: http://fia.mpi.gov.vn/tinbai/6109/Tinh-hinh-thu-hut-Dau-tu-nuoc-ngoai-nam-2018.

9. Forbes Vietnam (2018). Thương mại điện tử Việt Nam dự báo đạt 2,5 tỉ đô la Mỹ năm 2020 [E-commerce in Vietnam is estimated to reach US$ 2.5 billion by 2020]. Retrieved on November 30, 2018 from URL: https://forbesvietnam.com.vn/kinh-doanh/thuong-mai-dien-tu-viet-nam-du-bao-dat-25-ti-do-la-my-nam-2020-4085.html.

10. Hanoi time (2017). Vietnam: One of countries with world's highest e-commerce growth rate. Retrieved on December 3, 2018 from URL: http://www.hanoitimes.vn/economy/trade-service/2017/11/81e0bbbe/vietnam-one-of-countries-with-world-s-highest-e-commerce-growth-rate.

11. Nhân Dân (2018). Thực hiện Nghị quyết TƯ 6, khóa XII về Tăng cường công tác dân số trong tình hình mới. Tận dụng "cơ cấu dân số vàng" để phát triển đất nước [Implementation the resolution of 6th Plenum of the 12th Central Committee about strengthening the population work in the new situation: making use of "Golden population structure" for developing]. Retrieved on December 1, 2018 from URL: http://www.nhandan.com.vn/suckhoe/tin-tuc/item/35407202-tan-dung-co-cau-dan-so-vang-de-phat-trien-dat-nuoc.html.

12. Niên giám thống kê (Tóm tắt) (2017). Tổng cục Thống kê. [Statistical summary book of Vietnam. 2017. General Statistics Office].

13. Nguyễn Ánh Dương, Đỗ Thị Nhân Thiện (2018). Tăng trưởng kinh tế trong trung hạn: Thực trạng và yêu cầu đặt ra [Economic growth on mid-term: Reality and requirements]. *Tạp chí tài chính* [*Financial Magazine*]. Retrieved on December 2, 2018 from URL: http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu--trao-doi/trao-doi-binh-luan/tang-truong-kinh-te-trong-trung-han-thuc-trang-va-yeu-cau-dat-ra-135551.html.

14. Nguyễn Hoàng Hà (2018). Cách mạng công nghiệp lần thứ tư: Thách thức và cơ hội cho phát triển. Viện chiến lược phát triển [The 4th industrial revolution: Challenges and opportunities for development. Vietnam Institute for development strategies]. Retrieved on January 2, 2019 from URL: http://vids.mpi.gov.vn/13/820.html.

15. Nguyễn Thắng (2016). CMCN4: Một số đặc trưng, tác động và hàm ý chính sách cho Việt Nam [IR4.0: Some characteristics, impacts and recommendations for Vietnam]. Retrieved on January3, 2019 from URL: http://ngkt.mofa.gov.vn/cmcn4-mot-so-dac-trung-tac-dong-va-ham-y-chinh-sach-cho-viet-nam.

16. Ousmane, Dione (2018). Công nghiệp 4.0 — Nắm bắt đột phá cho sự phát triển của Việt Nam. [Industry 4.0 — Seize the breakthrough for development of Vietnam]. Retrieved on January 3, 2019 from URL: https://www.worldbank.org/vi/news/speech/2018/07/17/industry-4-harnessing-disruption-for-vietnams-development.

17. Phạm Thị Thanh Binh (2018). Kinh tế tư nhân: Động lực quan trọng trong phát triển kinh tế Việt Nam [Private economic: Important driving force for Vietnam's economic development]. Retrieved on January 3, 2019 from URL: http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu--trao-doi/trao-doi-binh-luan/kinh-te-tu-nhan-dong-luc-quan-trong-trong-phat-trien-kinh-te-viet-nam-134456.html.

18. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. Cologny/Geneva: the World Economic Forum, 2016.

19. The ASEAN ICT Masterplan 2020. Retrieved on December 3, 2018 from URL: https://www.asean.org/storage/images/2015/November/ICT/15b%20--%20AIM%202020 Publication_Final.pdf.

20. Trading economics (2018). Ease of Doing Business in Vietnam. Retrieved on December 1, 2018 from URL: https://tradingeconomics.com/vietnam/ease-of-doing-business.

21. Viện Nghiên cứu Chính sách Kinh tế (2019). Làn vốn tỷ USD rời Trung Quốc, đổ vào Việt Nam, bất động sản hưởng lợi thế nào? [Vietnam Institute for Economic Policy Research. Capital flow of billion USD is leaving China to Vietnam, how will real estate be profit?]. Retrieved on January 4, 2019 from URL: http://vepr.org.vn/533/news-detail/1798540/vepr-tren-bao-chi/lan-von-ty-usd-roi-trung-quoc-do-vao-viet-nam-bat-dong-san-huong-loi-the-nao-.html.

22. Viet management consulting group (2018). Chỉ số thương mại điện tử ở Việt Nam năm 2018 [E-bussiness index of Vietnam in 2018]. Retrieved on December 1, 2018 from URL: http://vmcg.vn/chi-so-thuong-mai-dien-tu-o-viet-nam-nam-2018.

23. VOV (2018). Chất lượng lao động Việt Nam đang ở đâu? Phỏng vấn ông Đào Quang Vinh, Viện trưởng Viện Khoa học Lao động và Xã hội [How is quality of Vietnamese labor? Interview with Mr. Dao Quang Vinh, Director of Institute of Labor and Socialogy]. Retrieved on December 2, 2018 from URL: https://vov.vn/tin-24h/chat-luong-lao-dong-viet-nam-dang-o-dau-729777.vov.

24. UNCTAD (2017). World investment report 2017. Retrieved on December 5, 2018 from URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf.

25. Walker, J. (2017). 7 Reasons Why Your Business Needs to Go Digital by the End of 2015. Monitis. A TeamViewer Company. Retrieved on November 9, 2018 from URL: http://www.monitis.com/blog/7-reasons-why-your-business-needs-to-go-digital-by-the-end-of-2015.

26. Webico (2017). Tổng quan thực trạng tình hình thương mại điện tử ở Việt Nam hiện nay năm 2017 [General situation of e-commerce in Vietnam in 2017]. Retrieved on December 1, 2018 from URL: https://www.webico.vn/tong-quan-thuc-trang-tinh-hinh-thuong-mai-dien-tu-o-viet-nam-hien-nay-nam.

27. World Bank (2016). Vietnam 2035: Toward Prosperity, Creativity, Equity, and Democracy. Retrieved on December 1, 2018 from URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/996421479825859721/pdf/103435-v2-PUBLIC.pdf.

28. World Economic Forum (2016). Human Capital Outlook. Association of Southeast Asian Nations. Kuala Lumpur. P. 4.

29. World Economic Forum (2017). The Global Competitiveness Report 2016–2017. Retrieved on December 5, 2018 from URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf.

30. World economic Forum (2018). Readiness for the Future of Production Report. Cologny/Geneva. P. 12.

Authors:

Kanaev Evgeny A., Doctor of Sciences (History), Professor, School of International Affairs, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. Leading researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia. E-mail: ekanaev@hse.ru

Nguyễn Quang Thường, Doctor of Sciences (Engineering), Professor, State University of Management, Moscow, Russia. E-mail: tikhonovrus@gmail.com

Vi Thị Hương Huế, graduate student, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: speistella@gmail.com

Article history:
Received: 22.12.2018
Received in revised form: 29.01.2019
Accepted: 23.02.2019

Е.А.Канаев, Нгуен Куанг Тхыонг, Ви Тхи Хыонг Хюэ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВЬЕТНАМА

Аннотация. На фоне превращения цифровизации в ключевой фактор роста конкурентоспособности компаний, а также повышения инвестиционной привлекательности стран-реципиентов, Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) будет сложно воспользоваться выгодами этого процесса. Исследовательский вопрос данной работы заключается в том, почему Вьетнам, несмотря на успешные усилия по повышению своей инвестиционной привлекательности, может упустить возможности, предоставляемые формирующейся цифровой бизнес-средой. Научная новизна данной статьи состоит в выявлении последствий глобальной тенденции к диджитализации деловой активности для Вьетнама.

В основе подхода к раскрытию темы лежат такие общенаучные методы, как наблюдение, изучение документов и сравнение. Значительная часть источниковой базы статьи представлена публикациями на вьетнамском языке и включает статистические данные Министерства финансов, Министерства планирования и инвестиций Вьетнама, интервью с представителями правительства СРВ, а также доклады ЮНКТАД и Мирового банка.

Основные результаты исследования свидетельствуют, что несмотря на достигнутые Вьетнамом успехи в повышении своей инвестиционной привлекательности, стране не хватает ресурсов для ответа на предстоящую цифровизацию деловой активности в глобальном масштабе и стимулирования компаний продолжать инвестировать в экономику СРВ. В этой связи авторами предложен комплекс рекомендаций по исправлению ситуации.

Ключевые слова: деловая активность, цифровизация, Вьетнам, инвестиционная привлекательность, приток ЗПИ, электронная торговля, конкурентоспособность.

Авторы:

Канаев Евгений Александрович, д.и.н., профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального научно-исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова. E-mail: ekanaev@hse.ru

Нгуен Куанг Тхыонг, д.т.н., профессор Московского университета управления, Москва, Россия. E-mail: tikhonovrus@gmail.com

Ви Тхи Хыонг Хюэ, магистрант факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия. E-mail: speistella@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 22.12.2018
Дата поступления в переработанном виде: 29.01.2019
Принята к печати: 23.02.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10004

Фам Куинь Фыонг

ТРАНСГЕНДЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМЕ: МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ[1]

Аннотация: 24 ноября 2015 года Национальное Собрание СРВ внесло поправки в Гражданский кодекс, официально разрешив проведение хирургических операций по смене пола (SRS) во Вьетнаме и признав на законодательном уровне права трансгендеров, перенесших подобные операции (статья 37). Это важное достижение в борьбе лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ) за признание своих прав. Однако трансгендеры все еще сталкиваются с проблемами. Хотя обе группы: транс-женщины (трансгендеры, сменившие пол с мужского на женский) и транс-мужчины (трансгендеры, сменившие пол с женского на мужской) сталкиваются с социальными предрассудками, первые более уязвимы, изолированы и чаще подвергаются маргинализации в патриархальном обществе, где главенствуют мужчины. В статье анализируются проблемы и барьеры, с которыми сталкиваются трансгендеры в целом и женщины-трансгендеры в частности в поисках средств к существованию. Автор статьи считает, что социальные предрассудки лишают трансгендеров работы и вынуждают их жить в нищете.

Ключевые слова: трансгендеры, предрассудки, средства к существованию, бедность.

Введение

24 ноября 2015 года ознаменовало начало важного этапа в жизни вьетнамского общества. В этот день Национальное собрание внесло поправки в Гражданский кодекс, официально разрешив проведение хирургических операций по смене пола (SRS). Данная новость получила радостный отклик во вьетнамском сообществе трансгендеров. До недавнего времени термин «трансгендер» все еще был относительно новым, странным, и трансгендеры не были признаны во вьетнамском обществе[2]. Учитывая легализацию проведения хирургических операций по смене пола, трансгендеры теперь могут жить, будучи верными внутреннему восприятию самих себя, хотя трудности и проблемы для них все еще остаются.

Трансгендеры делятся на две группы: *транс-женщины* (трансгендеры, сменившие пол с мужского на женский) и *транс-мужчины* (трансгендеры, сменившие пол с женского на мужской. Из двух групп первая сталкивается с б**о**льшим числом барьеров и проблем, чем вторая. В патриархальном обществе, где главенствуют мужчины, транс-мужчины

[1] Статья Фам Куинь Фыонг на эту тему опубликована на английском языке в журнале Vietnam Social Science, N 1 (177), 2017, pp. 83–92. Предлагаем перевод этой статьи на русский язык, доработанный с участием автора редакцией журнала «Вьетнамские исследования».

[2] Официальных данных о транссексуалах во Вьетнаме не было. Тем не менее мировые опросы показывают, что от 0,1% до 0,5% населения являются трансгендерами. См. Jody L. Herman et al. 2016.

изначально легче принимаются обществом, рассматривающим их как девочек с личностью «*пацанки*», пока те соблюдают социальные нормы вступления в брак, рождения детей и «построения семьи» [UNDP, USAID 2014]. Женственных мальчиков называют унизительными словами *ái, ẻo lả, bệnh hoạn* — «слабый», «женоподобный», «больной» и нуждающийся в «лечении» и «исправлении». Именно поэтому проблемы у транс-женщин намного тяжелее, чем у транс-мужчин, особенно это касается добывания средств к существованию.

В данной статье рассматриваются вопросы условий труда транс-женщин, особенно в г. Хошимине, где они более открыто проявляют себя, и те многочисленные барьеры, с которыми сталкиваются в настоящее время транс-женщины в своих попытках выжить. Статья основана на исследованиях, проведенных автором в рамках проектов Института изучения общества, экономики и окружающей среды (iSEE) по общим вопросам трансгендеров в 2012 г. и по поиску транс-женщинами средств к существованию в конце 2013 г. В статье доказывается, что травля и дискриминация в семье, школе и обществе являются препятствиями для получения образования, устройства на работу и общего развития трансгендеров. Другими словами, хотя проведение хирургических операций по смене пола было легализировано в январе 2017 года, трансгендеры в целом и транс-женщины в частности все еще подвергаются маргинализации в обществе, ограниченном стандартами, которые не допускают различий в выражении половой принадлежности.

Характеристика трансгендеров во Вьетнаме

Транс-женщины во Вьетнаме привлекают большее внимание исследователей, чем транс-мужчины. Однако они часто включаются в группу мужчин-гомосексуалистов, MCM (мужчин, занимающихся сексом с мужчинами), хотя также называются *«bóng lộ»* (открытые геи) и отличаются от *«bóng kín»* (скрытые геи) [Heiman, Cao Le Van 1975; Proschan 2002; Colby, 2004; Blanc 2005; Khuat Thu Hong 2005; Vũ Ngọc Bao, Girault 2005; Vũ Ngọc Bao 2008].

Люди, сменившие свой биологический пол, зачастую именуются в дискриминационной манере *«pê-đê»* (унизительное прозвище геев), *«ô môi»* — лесбиянки, *«bóng lộ»* — открытые геи и т. д. В Ханое трансгендеры ведут спокойную жизнь, неохотно выражают свои предпочтения, редко появляются одни в общественных местах. Хошимин, напротив, кажется более открытым, там общественная деятельность активна, и трангендеры имеют больше возможностей для самовыражения [Phạm Quỳnh Phương, Lê Quang Bình, Mai Thanh Tú 2012].

Поэтому в первые десятилетия после войны можно было встретить колесящие по южным провинциям ансамбли поющих транс-женщин, в последнее время выступающие чаще на похоронах, тогда как на Севере трансгендеры очень редко появляются на публике или прячутся, принимая участие в религиозных мероприятиях, таких как *«lên đồng»* (ритуал медиумов, который переводится как «вход в транс»). По культурным и религиозным причинам, с одной стороны, вьетнамское общество принимало участие трансгендеров в исполнении религиозных ритуалов, предоставляя трансгендерам, играющим роль посредника в общении с космосом, определенный социальный статус. С другой стороны, общество до сих пор не принимает «отклонения» в гендерных стереотипах [UNDP, USAID

2014]. Трансгендеры страдают от суровых предрассудков и дискриминации в семье, школе и обществе [CCHIP 2013; iSEE 2010; Phạm Quỳnh Phương 2013].

Учитывая развитие Интернета во Вьетнаме и особенно начиная с 2008 г., когда была создана первая организация ЛГБТ (ее полное название «Связь через обмен информацией» (ICS), теперь она известна как «ICS»), кампания в поддержку прав ЛГБТ-сообщества получила достаточное развитие. Результатом таких усилий стало принятие Национальным собранием поправок в Гражданский кодекс, которые легализуют проведение хирургических операций по смене пола. Однако проблема поиска средств к существованию для трансгендеров все также остается насущной.

Трудоустройство трансгендеров

«Я проходила собеседование у многих работодателей, но меня ни разу не взяли на работу. Компании, уличные магазины, рестораны и т.д... Я подавала заявки везде, где требовался продавец или помощник, но ни один из хозяев не принял меня, потому что им требовался мужчина либо женщина, а не трансгендер, как я... Я хотела бы, чтобы приличные рабочие места были доступны для людей «третьего мира», подобных мне. На данный момент я являюсь секс-работником, потому что я не могу получить какую-либо другую работу... Я просто надеюсь, что люди предоставят нам, гомосексуалистам, возможности для работы» (Y.K., 22 года, г. Хошимин).

История транс-женщины Y.K. показывает, что отчаяние привело ее к последнему прибежищу — быть секс-работником каждую ночь в парке, лишь бы заработать на жизнь, и это не единственный случай.

Отсутствие работы, приводящее к бедности членов ЛГБТ-сообщества, представляет серьезную проблему. В трех исследованиях CARE International во Вьетнаме [Elias, Lee 29.06.2012; Elias, Lee 30.05.2012; Elias, Lee: 03.07.2012] отмечено, что основными причинами бедности среди них являются предрассудки и дискриминация. И среди ЛГБТ-сообщества трудоустройство является одной из самых больших проблем для трансгендеров, особенно для группы транс-женщин. Чтобы получить представление о вопросе, в конце 2013 г. Институт изучения общества, экономики и окружающей среды (iSEE), спонсируемый CARE International, провел онлайн-опрос транс-женщин. Результаты показывают, что из 233 ответивших транс-женщин[3] всего 39 (17,49 %) работали полный рабочий день, 18,4 % респондентов все еще были в школе и никогда раньше не работали, остальные учились и работали одновременно (17 %) или не имели регулярной работы (8,52 %). В частности, 21% работали до этого, но затем стали безработными.

[3] Онлайн-опросник был создан на Surveymonkey.com, ведущем в мире веб-сайте, предоставляющем инструменты для сбора данных. Баннер со ссылкой на онлайн-анкету был размещен на Thegioithu3.vn, крупнейшем форуме транссексуалов во Вьетнаме, число членов которого достигло 135 526 в течение 3 месяцев (май, июнь и июль 2013 года). В то же время ссылка была распространена на страницах ICS и iSEE на Facebook, к которым присоединились многие из ЛГБТ-сообщества, а также через электронные письма и сообщения знакомым исследователей в сообществе. В некоторых случаях эти люди пересылали ссылку друзьям в своем сообществе. В течение только одного месяца с момента загрузки опросника 223 женщины-трансгендеры (MTF) воспользовались ссылкой для ответа на вопросник (с фильтром IP). Среди них 50% проживают в Хошимине, 10% в Ханое, а остальные в провинциях, таких как Донгнай, Анзянг, Бариа-Вунгтау, Кантхо, Тэйнинь и Тиензянг.

Среди тех, кто работал полный или неполный рабочий день (89 человек), большинство (34,8 %) работали в частных компаниях, гостиницах, ресторанах; 15,7 % были заняты в семейном бизнесе; у 12,4 % были свои фирмы; 10 % работали в государственных учреждениях, а остальные были профессиональными певцами, актерами, парикмахерами и визажистами, певцами на похоронах и празднествах, работниками секс-бизнеса и т. д. Что касается тех, кто не смог найти работу, из 123 человек, которые ответили на этот вопрос, 35% сказали, что они получили отказ в работе из-за своего внешнего вида, а 31,7 % получили отказ, потому что у них не было достаточной квалификации и опыта. В действительности, для многих из тех, кто получил отказ в работе из-за «отсутствия квалификации и опыта», настоящая причина заключалась в том, что потенциальные работодатели не принимали их внешний вид.

Наши углубленные собеседования с 18 женщинами-транссексуалами также показывают, что, хотя они прилагали все усилия для трудоустройства, лишь немногие преуспели. Даже из тех, кто нашел работу, 18 % были вынуждены изменить свой внешний вид, почти 15 % терпят насмешки своих менеджеров или коллег, 16,3 % столкнулись с несправедливым обращением и 13 % были уволены, потому что выглядели женоподобно или были трансгендером.

Барьеры для трансгендеров

Результаты опроса показывают, что для трансгендеров существует целый лабиринт барьеров. Как только они решают остаться верными себе, независимо от того, проведена хирургическая операция или нет, все трансгендеры прикладывают усилия для изменения своей внешности и поведения согласно «стандартам» или ожиданиям от гендерного стереотипа. Транс-женщины должны использовать противозачаточные таблетки с эстрогенами и прогестероном, а транс-мужчины используют тестостерон, чтобы увеличить уровень женских или мужских гормонов, которые сделают их тела более женственными или мужественными. Оставаться верным себе означает, что трансгендеры должны выражать себя отлично от представителей их биологического пола, и, соответственно, это является началом процесса, полного трудностей и проблем в отношениях с семьей и в поисках партнера, травли и неравенства в поиске работы, рисков для здоровья.

Самым большим барьером является травля со стороны семьи, школы и общества, то, как трансгендеров обзывают и как к ним относятся. Транс-женщины (MTF) часто оскорбительно именуются *«pê-đê», «ái nam ái nữ»* (гермафродит), *«bóng», «đồng cô», «xăng pha nhớt»* (бензин пополам с вязким маслом), *«lại cái»* («помесь с женщиной» — вьетнамский уничижительный эквивалент слова «гей»), тогда как транс-мужчин (FTM) обычно называют *«ô môi»* (лесбиянка). В патриархальном обществе, где главенствуют мужчины, мужчины-транссексуалы, которые считаются девочками с личностью «пацанки», не страдают от травли и дискриминации так, как транс-женщины. Для людей, которые решили одеваться, как женщины, с операцией по смене пола или нет, социальная травля является самым большим препятствием в поисках работы. Предрассудки в отношении транссексуалов, когда их считают «извращенными», «больными», «ворами» и т.д., привели к тому, что очень немногие работодатели принимают их. В то время как мужчины-

гомосексуалисты (геи) могут скрывать свою ориентацию, работать в офисе, выступать на публике, а также участвовать во многих художественных конкурсах, у транс-женщин практически нет никаких возможностей, и очень немногие из них могут появляться на публике. Транс-женщину Хыонг Зянг Идол можно назвать самым успешным примером. Она рассматривается как символ усилий сообщества трансгендеров в борьбе с предрассудками.

Отсутствие образования / квалификации является первым барьером для транс-женщин в поисках работы. Поскольку транс-мужчины (FTM) меньше страдают от травли и сами являются более жесткими, более готовыми противостоять проблемам, многие из них окончили университеты. Между тем большинство транс-женщин (MTF) не в состоянии справиться с травлей в учебном заведении, что приводит к отчислению из вузов и колледжей.

Углубленные собеседования также показывают, что очень немногие могут продолжить обучение, чтобы получить достаточную квалификацию для подачи заявок на работу в государственных учреждениях. Это связано также с тем, что, в отличие от геев и лесбиянок, которые узнают о своей сексуальной ориентации только в период полового созревания и могут скрыть ее, транс-женщины с юного возраста не могут скрыть свою гендерную идентичность из-за их стремления к внешнему выражению. Поэтому травля и дискриминация по отношению к ним начинается уже в школе. Имеющая низкую уверенность в себе из-за отсутствия квалификации и невысокого уровня образования, транс-женщина говорит:

«Боже, я больше всего люблю работу в офисе. Я хотела бы стать правительственным чиновником. Я также хотела бы быть учителем. Если я образованна, когда я подаю заявку на работу, они подумают, что их компания нуждается в человеке с таким образованием, который может выполнять эту работу. Им может понадобиться переводчик с английского. Они подумают, что «эта девушка — транссексуал, но она может делать перевод с английского и на английский, поэтому мы можем принять ее». Так оно и есть. В противном случае, если я недостаточно образованна и не имею большого опыта или навыков, кто примет меня, настолько неквалифицированного кандидата».

Многие транс-женщины считают, что, даже если они получают высшее образование и квалификацию, они все равно не смогут найти работу. Следовательно, многие молодые транс-женщины не мотивированы на то, чтобы закончить вуз: *«Я бы училась только ради призвания и никогда больше не буду учиться для перехода на более высокую ступень образования... Даже если я закончу 12-й класс и получу высшее образование, учитывая мой пол, меня никто не возьмет. Теперь мне нужна профессиональная квалификация, а не учебная»*. Они даже не смею мечтать о получении работы, как многие другие: *«Я никогда не мечтала о лучшей работе, чем в прачечной или в баре, где я работала раньше. В моей рабочей карточке стоит пол «мужской», а не «женский». Я не претендую на работу в крупных компаниях, высокие должности и высокооплачиваемые места для образованных».*

Транс-женщина, которая закончила колледж, но все еще не смогла устроиться на работу, говорит: *«Поскольку закон не признал другого пола, у трансгендеров нет возможности искать легальные профессии. Никто не хочет быть секс-работником. Но, честно говоря, кроме секс-бизнеса, мы не можем найти другую работу. И почему мы*

должны петь на похоронах, почему бы не попеть в чайных или местах, связанных с музыкой, почему на похоронах? Потому, что правительство не признает трансгендеров, и, следовательно, мы не можем найти достойного способа, чтобы заработать на жизнь. Нам приходится что-то делать, чтобы выживать».

Таким образом, если для других людей чем выше образование, тем больше возможностей, для транссексуалов все не так просто. Помимо образования, большое влияние могут имеют другие факторы, такие как гендерное выражение и общественная травля. Следовательно, даже для людей, которые получили степень бакалавра, будущее все еще представляется очень туманным. Постоянно сталкиваясь с трудностями при поиске работы, многие вынуждены заниматься унизительным трудом, чтобы заработать на жизнь, например, заниматься сексом за деньги или выступать на похоронах. Такие занятия, в свою очередь, ставят на них дополнительное социальное клеймо.

Очевидно, что многие транс-женщины не могут вырваться из порочного круга. Из-за социального клейма они не могут получить образование и квалификацию. Без квалификации они не могут подать заявку на работу и, следовательно, чтобы заработать на жизнь, они должны заниматься унизительным трудом, таким как представления на ярмарках, пение на похоронах и секс-бизнес. Из-за этих занятий они подвергаются дальнейшей социальной травле и постоянно живут в нищете. И выхода из этого порочного круга не видно.

Барьеры на пути к трудоустройству для транс-женщин также возникают из-за проблем со здоровьем и их собственных гендерных предрассудков. Поскольку транс-женщины более хрупкие, чем мужчины, из-за употребления гормонов либо хирургического вмешательства, приводящих к ухудшению их здоровья, большинство из них ищут нетрудную работу, соответствующую их физическому состоянию. Однако при поиске работы несоответствие между полом, указанным в их резюме, и их внешним видом заставляет работодателей немедленно отказать им. Или мужской пол в резюме заставляет их искать только тяжелый ручной труд для мужчин. И если их приняли на работу, вскоре из-за плохого состояния здоровья они перестают с ней справляться, уходят сами или их увольняют.

«Моя соседка нашла мне работу... Она сказала, что я буду работать с 6 до 11 утра и получать в день 70 тыс. донгов (3 долл.). Это была хорошая сумма. Я думала, что мне нужно будет мыть посуду, убирать дом или что-то в этом роде. Соседка посоветовала мне отрезать волосы и надеть рубашку или мужскую футболку. Она также сказала, что я должна носить брюки, иначе мои ноги обгорят. Я думала, что мне придется сидеть на солнце, поэтому согласилась. Я постриглась покороче и надела мужскую одежду. Оказалось, меня наняли охранником на стоянку мотоциклов. Боже, я была очень слаба от приема гормонов и не могла переносить мотоциклы. Тем не менее [в первый день работы] я таскала мотоциклы в течение трех часов, а затем попросила хозяйку отпустить меня домой, сказав, что я очень устала. Мои руки висели, как плети, в лице не было ни кровинки. Два следующих дня я была больна».

Гендерные предрассудки против самих себя — проблема восприятия «женственности» — среди транс-женщин часто являются препятствием к получению работы. Те, кто подвергся операции или публично выразил свою женскую идентичность, хотят выбрать работу, которая считается легкой, «женской» работой. Поскольку они сами

чувствуют, что должны приспосабливаться к «стандартам» общества в плане *мужественности – женственности*, транс-женщинам становится трудно работать на тех местах, которые считаются мужскими, таких как водители мотоциклов-такси, водители автомобилей, каменщики или охранники стоянок мотоциклов. Кроме того, они очень обеспокоены тем, как на их внешний вид будут влиять условия работы, т.е. работа, требующая нахождения на солнце, может нанести вред их коже.

Таким образом, вопрос занятости транс-женщин тесно связан с их гендерной идентичностью и выражением этой идентичности. Чем больше они скрывают свою гендерную идентичность, тем больше рабочих мест доступно для них как для мужчин. Чем больше они выражают себя внешне как женщины, тем меньше у них возможностей получить работу. Транс-женщина, которая дала нам интервью в Хошимине, сказала: *«В целом, выглядя как мужчины, мы можем устроиться на работу, но как женщины не получим никакой»*. Поэтому, когда они смело решаются быть верными себе — «быть женщиной», это также означает, что они становятся на тернистый путь поиска средств к существованию, а многие впадут в нищету. Это заставляет многих трансгендеров делать очень трудный выбор между получением работы или их истинным «я». Транс-женщина в Ханое сказала, что она проведет операцию по изменению пола и будет полностью жить как женщина только в том случае, если / когда будет компания, которая согласится дать ей работу. Но пока она одевается, как мужчина и только по вечерам позволяет себе выйти в женском образе, чтобы облегчить себе жизнь. Однако есть и другие последствия того, что они предпочитают жить в своем «неподлинном» облике. Из-за стремления к трудоустройству многие транс-женщины должны скрывать свою гендерную идентичность, что часто вызывает у них грусть, депрессию, беспокойство и отражается на их психическом здоровье.

Отношение общества к трансгендерам

Государство осуществило немало программ, направленных на социально уязвимые группы. Будучи «обездоленной» группа со многими существующими проблемами, транссексуалы, похоже, живут «за пределами зоны покрытия». В то время как ряд социальных групп, как женщины, живущие с ВИЧ-СПИДом, работники секс-бизнеса, наркоманы, люди на пороге нищеты и т.д., считаются социальными группами, которые нуждаются в помощи, на трансгендеров с очень специфическими трудностями в плане экономических и социальных возможностей не обращают внимания. Они не могут пользоваться фондами кредитования или программами профессиональной подготовки. Они даже не способны поменять документ, удостоверяющий личность, в соответствии с их истинным полом — из-за различий между их именем и внешним видом. В надежде получить средства для создания бизнеса многие транс-женщины в Хошимине упорно искали помощи, но всегда терпели неудачу:

«У меня нет удостоверения личности, и поэтому я не могу взять кредит в банке. Когда я попросил помощи у родителей, они обратились за поддержкой к местным властям, чтобы я мог пойти на курсы парикмахеров. Им сказали, что есть программа обучения для бедных детей, которую я могу пройти. Но даже за программу, предназначенную для обучения малоимущих детей, меня попросили заплатить 12

миллионов донгов. Подумайте об этом, у меня даже не было 200 тысяч, не говоря уже о 12 миллионах. Поэтому я подумал, что не должен их беспокоить, а должен заимствовать из других источников. Однако люди смотрели на мои семейные условия и сомневались, могу ли я сделать это, учитывая, что я был слишком молод, и никто из них не хотел давать мне деньги».

Живя «за пределами зоны покрытия», когда трансгендеры сталкиваются с проблемами со здоровьем, они не знают, куда идти, кого спрашивать и где искать информацию для помощи. Не имея возможности изменить имя или пол, трансгендеры ведут жизнь вне закона. В случае изнасилования они не могут предъявить иск преступнику, поскольку преступление считается изнасилованием только в том случае, если жертва является женщиной. Как и любому взрослому гражданину, им нужна работа, чтобы выжить.

Тем не менее с резюме, как у мужчины, и внешностью, как у женщины, они легко отвергаются при подаче заявления на работу. Живя за пределами зоны покрытия, при этом не имея капитала, необходимого для создания бизнеса, многие транс-женщины должны прибегать к жизни «вне закона», например, к секс-работе и выступлению на похоронах, что вызывает дальнейшее отторжение со стороны общества. По мнению некоторых трансгендеров, общество, похоже, не дискриминирует так называемых «прекрасных» трансгендеров, таких как Синди Тай Тай или Хыонг Зянг Идол и т.д., в то же время сохраняя особые предрассудки в отношении «уродливых» трансгендеров — тех, кто позиционируют себя как женщины, но все еще имеет много мужских черт, особенно во внешности. Между тем, поскольку число успешных транс-женщин, подобных тем, кто состоялся в шоу-бизнесе, невелико, большинство из них по-прежнему сталкиваются с бесчисленными трудностями в своем стремлении жить и оставаться верными тому, кто они есть на самом деле.

Заключение

Хотя транс-женщинам во Вьетнаме стали уделять больше внимания только в течение последних лет, раскрытие подробностей их жизни показывает, что это особая социальная группа с очень специфическими трудностями в отношении образования, психического и физического здоровья и, особенно добывания средств к существованию. Им приходится сталкиваться с различными препятствиями на пути к трудоустройству, включая барьеры, связанные с образованием, здоровьем, собственным восприятием и особенно травлей со стороны семьи, школы, начальства и коллег. Их выбор «крайних мер», т.е. секс-работы или пения на похоронах, с одной стороны, отражает единственную возможность для некоторых трансгендеров выжить. С другой стороны, он действует как форма неповиновения и восстания против общества, травящего их. Поскольку право на экономическое участие можно понимать как то, что каждый гражданин имеет равные возможности в области профессиональной подготовки, профессиональной ориентации, поиска работы, привлечения средств для создания бизнеса и т.д., и это не ограничивается какими-либо факторами, которые отличают его от окружающего сообщества, очевидно, что это право транс-женщин было нарушено.

С точки зрения возможностей транс-женщины могут выполнять самую разную работу. Как показывает онлайн-опрос этого исследования, их прошлый опыт работы демонстрирует большое разнообразие мест. Однако из-за ограничений в отношении здоровья, а также их восприятия *мужественности – женственности*, транс-женщины, как правило, хотят «легких» рабочих мест. Из-за желания выразить свою истинную гендерную идентичность и реализовать себя как женщина после многих лет жизни в образе мужчины транс-женщины любят работу, которая позволяет им демонстрировать свой внешний вид, например, петь, быть моделью, выступать на сцене, или работу, связанную с индустрией красоты, такую как стилист или парикмахер.

Изменения в Гражданском кодексе 2015 г., признавая права трансгендеров на изменение пола, знаменуют собой важную веху в их истории. Это сделало отношение к ним вьетнамского общества гораздо более открытым, чем раньше. Многие трансгендеры публично появляются в СМИ. Общество признает их потребности и законные права. Завоевание Хыонг Зянг титула королевы красоты на международном конкурсе трансгендеров в 2018 г. укрепило их позиции во Вьетнаме.

Тем не менее проблема остается еще очень серьезной. Через три года после внесения изменений в Гражданский кодекс законопроект об изменении пола еще не представлен в парламент страны. Хотя Министерство здравоохранения завершило все необходимые процедуры и собрало все необходимые документы для внесения данного законопроекта в Национальное собрание, этот вопрос не рассматривается как первоочередной, т.к. министерство должно представить еще четыре других законопроекта. С другой стороны, данный законопроект не получил полного одобрения сообщества трансгендеров в той его части, которая определяет, что люди, желающие быть признанными людьми другого пола, обязаны проходить гормональную терапию и делать операции на груди и половых органах. По различным причинам, связанным с экономическим положением или состоянием здоровья, многие хотят быть признанными трансгендерами, не подвергаясь операции по смене пола.

Таким образом, трансгендеры все еще ждут решения своей проблемы и не могут полноценно использовать свои основные права.

Список литературы

1. Blanc, M-E. Social Construction of Male Homosexuality in Vietnam. Some Keys to Understanding and Implications for HIV Prevention Strategy [Бланк М.-Е. Мужская иерархия. Гомосексуализм во Вьетнаме. Некоторые ключи к пониманию и применению стратегии профилактики ВИЧ]// International Social Science Journal [Международный социологический журнал], 2005, Vol. 57 (186), pp. 661–673.

2. CCHIP. The Untold Stories [Нерассказанные истории]. Hanoi: Encyclopaedia Publishing House, 2013.

3. Colby, D. et al. Men Who Have Sex with Men: A Review. [Колби Д. и др. Мужчины, которые занимаются сексом с мужчинами: обзор]//AIDS Education and Prevention [Знания о СПИДе и его предотвращении], 2004, Vol. 16 (1), pp. 45–54.

4. Doan, P.L. Queers in the American City: Transgendered Perceptions of Urban Space [Доан П.Л. Геи в американском городе: трансгендерное восприятие городского

пространства]// Gender, Place and Culture [Пол, место и культура], 2007, Vol. 14 (1), pp. 57–74.

5. Elias, Rebecca and Lee, Hannah. Underlying Causes of Poverty and Vulnerability Workshop Report — Male Sex Workers [Элиас Р., Ли Х. Главные причины бедности и уязвимости. — Секс-работники мужского пола. Отчет о семинаре] // CARE Vietnam, 29.06.2012.

6. Elias, Rebecca and Lee, Hannah. Underlying Causes of Poverty and Vulnerability Workshop Report — Sexual Minorities: Homosexual Men and Women [Элиас Р., Ли Х. Главные причины бедности и уязвимости. Гомосексуалисты мужского и женского пола. Отчет о семинаре] // CARE Vietnam, 3.07.2012.

7. Elias, Rebecca and Lee, Hannah. Underlying Causes of Poverty and Vulnerability Workshop Report — Sexual Minorities: Transgender [Элиас Р., Ли Х. Главные причины бедности и уязвимости — Сексуальные меньшинства: трансгендеры. Отчет о семинаре] // CARE Vietnam, 30.05.2012.

8. Heiman, E. M. & Cao Le Van. Transexualism in Vietnam [Хейман Е.М., Као Ле Ван. Транссексуальность во Вьетнаме] // Archives of Sexual Behaviours [Архивы сексуального поведения], 1975, Vol. 4 (1), pp. 89–95.

9. Herman, Jody L. et al. (2016). How Many Adults Identify as Transgender in the United States [Сколько взрослых считают себя трангендерами в США]. The Williams Institute.. URL: http://williamsinstitute.law.ucla.edu/wp-content/uploads/How-Many-Adults-Identify-as-Transgender-in-the-United-States.pdf.

10. iSEE. Báo cáo nghiên cứu “Kỳ thị và phân biệt đối xử với người LGBT sử dụng dịch vụ y tế” [Отчет о научно-исследовательской работе «Клеймо и дискриминация в отношении ЛГБТ, использующих медицинские услуги], 2010.

11. Khuat Thu Hong. Men Who Have Sex with Men in Hanoi: Social Profile and Sexual Health Issues [Кхуат Тху Хонг. Мужчины, имеющие половые отношения с мужчинами, в Ханое: проблемы социального профиля и сексуального здоровья]. ISDS: The POLICY Project, 2005.

12. Nhiều bệnh viện ở Việt Nam đủ năng lực để phẫu thuật chuyển giới [Многие больницы во Вьетнаме способны делать операции по смене пола], 28.06.2018. URL: https://news.zing.vn/nhieu-benh-vien-o-viet-nam-du-nang-luc-de-phau-thuat-chuyen-gioi-post855603.html.

13. Peletz, M. Transgenderism and Gender Pluralism in Southeast Asia since early modern times [Пелец М. Трансгендерность и гендерный плюрализм в Юго-Восточной Азии с начала современного периода] // Current Anthropology [Современная антропология], 2006, Vol. 47 (2). P.309–340.

14. Phạm Quỳnh Phương. Người đồng tính, song tính, chuyển giới ở Việt Nam — Tổng luận các nghiên cứu [Фам Куинь Фыонг. Гомосексуалисты, бисексуалы и трансгендеры во Вьетнаме — обобщение исследований]. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội, 2013.

15. Phạm Quỳnh Phương, Lê Quang Bình, Thanh Tú. Khát vọng được là chính mình: người chuyển giới ở Việt Nam [Фам Куинь Фыонг, Ле Куанг Бинь, Тхань Ту. Мечта быть верным себе: трансгендеры во Вьетнаме]. Hà Nội: Nxb Thế giới, 2012.

16. Proschan, Frank. Eunuch Mandarins, Soldats Mamzelles, Effeminate Boys, and Graceless Women: French Colonial Constructions of Vietnamese Genders [Прошан Ф.

Китайские евнухи, солдатские девушки, женоподобные мальчики и непристойные женщины: французская колониальная половая структура во Вьетнаме] // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies [GLQ: журнал исследований лесбиянок и геев], 2002, Vol. 8 (4). P.435–467.

17. UNDP, USAID. Being an LGBT Person in Asia: Vietnam's National Report [Быть представителем ЛГБТ в Азии: национальный доклад по Вьетнаму]. Bangkok, 2014.

18. Vũ Ngọc Bảo & Girault, P. Đối mặt với sự thật: Tình dục đồng giới nam (MSM) và HIV/AIDS [By Нгок Бао, Жиро П. Столкновение с правдой: мужчины, занимающиеся сексом с мужчинами (МСМ) и ВИЧ/СПИД] // Giới, Tình dục và Sức khỏe tình dục [Пол, секс и сексуальное здоровье], số 5, CIHP. Hà Nội: Nxb Thế giới, 2005.

19. Vũ Ngọc Bảo et al. Male Sexuality in Vietnam: The Case of Male-to-Male Sex [By Нгок Бао и др. Мужская сексуальность во Вьетнаме: случаи половых отношений мужчин с мужчинами] // Sexual Health [Сексуальное здоровье], 2008, 1, pp.83–88.

Автор:

Фам Куинь Фыонг, канд. наук, доцент Института исследования культуры Вьетнамской академии общественных наук. Email: quynh.phuong206@gmail.com

Продвижение статьи:
Дата поступления: 28.11.2018
Дата поступления в переработанном виде: 23.03.2019
Принята к печати: 26.03.2019

Pham Quynh Phuong

TRANSGENDER PERSONS IN CONTEMPORARY VIETNAM: MARGINALISATION AND LIVELIHOOD CHALLENGES

Abstract: On 24 November 2015, the National Assembly passed the amended Civil Code, which officially legalises sex reassignment surgery (SRS) in Vietnam and introduces the right to legal gender recognition for transgender people who have undergone such surgery (Article 37). It is an important breakthrough, marking the efforts by the movement of lesbian, gay, bisexual and transgender (LGBT) people for equality. However, transgender persons have still been facing challenges. While both the groups of trans women (or transgender women, or MTF: Male to Female) and trans men (or transgender men, or FTM: Female to Male) encounter social prejudices, the former are more vulnerable, isolated and marginalised in a patriarchal and male-dominated society. This article analyses a number of challenges and barriers faced by transgender persons in general, and the MTF in particular, regarding their livelihoods, and argues that social prejudices have driven transgender persons to the point of desperation in their search for livelihood and made them prone to poverty.

Keywords: Transgender, prejudice, livelihood, poverty.

References

1. Blanc, M-E (2005). Social Construction of Male Homosexuality in Vietnam. Some Keys to Understanding and Implications for HIV Prevention Strategy. *International Social Science Journal,* Vol. 57 (186), pp. 661-673.

2. CCHIP (2013).Những câu chuyện chưa kể [The Untold Stories]. Hà Nội: Nxb Từ điển Bách khoa.

3. Colby, D. et al. (2004). Men Who Have Sex with Men: A Review. *AIDS Education and Prevention,* Vol. 16 (1), pp. 45-54.

4. Doan, P.L (2007). Queers in the American City: Transgendered Perceptions of Urban Space. *Gender, Place and Culture,* Vol. 14 (1), pp. 57–74.

5. Elias, Rebecca and Lee, Hannah (2012). Underlying Causes of Poverty and Vulnerability Workshop Report – Male Sex Workers. *CARE Vietnam*, 29 June.

6. Elias, Rebecca and Lee, Hannah (2012). Underlying Causes of Poverty and Vulnerability Workshop Report – Sexual Minorities: Homosexual Men and Women. *CARE Vietnam,* 3 July.

7. Elias, Rebecca and Lee, Hannah (2012). Underlying Causes of Poverty and Vulnerability Workshop Report - Sexual Minorities: Transgender. *CARE Vietnam*, 30 May.

8. Heiman, E. M. & Cao Le Van, (1975). Transexualism in Vietnam. *Archives of Sexual Behaviours,* Vol. 4 (1), pp.89-95.

9. Herman, Jody L. et al. (2017). Disproportionality and Disparities among Sexual Minority Youth in Custody. Journal of Youth and Adolescence, Vol.46, Issue 7, pp. 1547–1561.

10. iSEE (2010). Báo cáo nghiên cứu "Kỳ thị và phân biệt đối xử với người LGBT sử dụng dịch vụ y tế" [Research report "Stigma and Discrimination against LGBT People Using Healthcare Services"].

11. Khuat Thu Hong (2005). Men Who Have Sex with Men in Hanoi: Social Profile and Sexual Health Issues. *ISDS: The POLICY Project.*

12. Nhiều bệnh viện ở Việt Nam đủ năng lực để phẫu thuật chuyển giới [Many Vietnamese hospitals are able to perform sex change operations], 28.06.2018. URL: https://news.zing.vn/nhieu-benh-vien-o-viet-nam-du-nang-luc-de-phau-thuat-chuyen-gioi-post855603.html.

13. Peletz, M. (2006). Transgenderism and Gender Pluralism in Southeast Asia since early modern times. *Current Anthropology*, Vol. 47 (2), pp. 309–340.

14. Phạm Quỳnh Phương (2013). Người đồng tính, song tính, chuyển giới ở Việt Nam — Tổng luận các nghiên cứu [Homosexual, Bisexual and Transgender Persons in Vietnam — A Collection of Studies]. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội.

15. Phạm Quỳnh Phương, Lê Quang Bình, Mai Thanh Tú (2012). Khát vọng được là chính mình: người chuyển giới ở Việt Nam, [The Dream to Be True to Oneself: Transgender Persons in Vietnam]. Hà Nọi: Nxb Thế giới.

16. Proschan, Frank (2002). Eunuch Mandarins, Soldats Mamzelles, Effeminate Boys, and Graceless Women: French Colonial Constructions of Vietnamese Genders. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, Vol. 8 (4), pp. 435–467.

17. UNDP, USAID (2014). Là LGBT ở châu Á: Báo cáo Quốc gia Việt Nam, Bangkok [Being an LGBT Person in Asia: Vietnam's National Report, Bangkok].

18. Vũ Ngọc Bảo & Girault, P. (2005). Đối mặt với sự thật: Tình dục đồng giới nam (MSM) và HIV/AIDS. [Facing the Truth: Men Having Sex with Men (MSM) and HIV/AIDS]. *Gender, Sex and Sexual Health,* N5. Hà Nọi: Nxb Thế giới.

19. Vũ Ngọc Bảo et al. (2008). Male Sexuality in Vietnam: The Case of Male-to-Male Sex. *Sexual Health*, 1, pp.83–88.

Author:

Phạm Quỳnh Phương, PhD, Assistant professor, Institute of Cultural Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. Email: quynh.phuong206@gmail.com

Article history:
Received: 28.11.2018
Received in revised form:23.03.2019
Accepted: 26.03.2019

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10005

М.А. Сюннерберг

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВЬЕТНАМЕ (конец XIX в.–1976)

Аннотация. В статье на основе изучения нормативных правовых актов анализируется развитие вьетнамского законодательства в области семейно-брачных отношений с конца XIX в., когда Вьетнам стал составной частью французской колониальной империи, до объединения страны в 1976 г. Демонстрируется эволюция государственного нормирования многих аспектов семейной жизни в эти важнейшие периоды истории страны – возраста и условий вступления в брак, состава семьи и характера взаимоотношений внутри неё, возможности подать на развод и др. Показано, насколько своевременно и в какой степени государство реагировало на актуальные для вьетнамской общественной мысли вопросы, связанные с семейной жизнью, и, наоборот, как само общество воспринимало кодификационные изменения в столь традиционной по духу сфере.

Ключевые слова: семья во Вьетнаме, семейное законодательство, женщины во Вьетнаме, законы о браке и семье.

Введение

Семейно-брачные отношения составляют основу жизни любого общества. Для Вьетнама, где культ предков стал фундаментом религиозной жизни страны и где само общество на протяжении веков было построено во многом по семейно-клановому принципу, вопросы семьи приобретают дополнительную важность и непреходящую актуальность.

Особый интерес вызывает то, как в зависимости от того или иного исторического периода и политической конъюнктуры меняется государственное семейное законодательство — насколько чутко власти реагируют на духовные изменения в обществе и насколько важной в ключевые для государства исторические моменты становится семейная сфера. В этом отношении XX век, когда Вьетнам претерпел коренные социокультурные изменения и пережил судьбоносные для собственной истории события, даёт богатейший материал для исследователя.

Но не меньшего внимания заслуживает и то, как общество воспринимает государственную новаторскую деятельность в семейной сфере. Учёт этого аспекта помогает понять, в какой степени государству удаётся формировать и регулировать нормы семейной жизни — не только в теории на уровне закона, но и в реальной повседневной жизни своего населения.

Этими двумя положениями обусловливается методологический принцип работы, применённый в настоящей статье. Автор рассматривает законодательные тексты не только как «вещь в себе», а именно как форму восприятия властями общественных умонастроений.

Исследование базируется на первичных источниках, в качестве которых задействованы составленный французской колониальной администрацией Гражданский кодекс Тонкина 1931 г., законы и подзаконные акты (указы) Демократической Республики Вьетнам и существовавшей в течение 20 лет Республики Вьетнам. Отметим, что ГК Тонкина и Закон о семье РВ — крайне редкие источники, практически не исследованные даже в самом Вьетнаме, не говоря уже о России.

Состояние научной разработки темы вьетнамской семьи позволяет исследователю сверять свои наблюдения с опытом предшественников, благо семейная проблематика затрагивалась не только вьетнамскими, но и западными учёными[1]. Выбранный в качестве сюжета данной статьи один из её аспектов — семейное законодательство — представляет интерес как с социально-исторической точки зрения, так и даже чисто с юридической — тем более что последняя в отечественной вьетнамистике практически не разработана.

Законодательные изменения в семейной сфере в колониальный период

С выдвижением с начала XV в. в государственной идеологии на передний план конфуцианской этики, согласно которой семья представляет собой государство в миниатюре, а наведение порядка в государстве зависит от управления семьями, вьетнамские власти уделяли особое внимание вопросам взаимоотношений мужчин и женщин и гармоничному развитию семейных отношений.

Законодательство феодального Вьетнама носило характер уголовного права — семейные отношения регулировались именно в его рамках. Вопросам семьи и брака посвящены большие разделы двух крупнейших вьетнамских кодексов уголовных законов — Кодекса Династии [Поздние] Ле конца XV в. и Кодекса императора Зя Лонга начала XIX в.

Влияние конфуцианства не ограничивалось сферой только лишь государственной идеологии. Как отмечает видный вьетнамский культуролог Чан Динь Хыоу, «конфуцианство оказало влияние всесторонне сверху донизу, посредством того, что государство вошло в общество и в каждую семью» [Чан Динь Хыоу 1989: 25]. Именно конфуцианская мораль, а не государственное законодательство сформировала тот тип семейных отношений, который господствовал в стране на начало XX в.[2]

В колониальный период усвоение частью вьетнамского общества иного восприятия личностной и семейной жизни вкупе с осознанием архаичного характера существующих вьетнамских стереотипов привело к пересмотру многих традиционных ценностей. Полемика,

---

[1] Наиболее знаковая западная работа по вьетнамской семье — французского ученого Л. Кадьера [Cadiere 1930]. Тем не менее работ, посвященных именно семейному законодательству, довольно мало. Среди них стоит отметить следующие: Bui Thi Mung 2015, Derrida 1961. Много документов проанализировано в посвященной статусу женщин в ДРВ работе французского историка Ж. Будареля [Boudarel 1970].

[2] Подробное описание традиционной вьетнамской семьи с особым акцентом на положении женщин подготовлено автором настоящей статьи в рамках рукописи монографии «История развития прав женщин во Вьетнаме». Краткое, но весьма ёмкое описание традиционной семейной модели – см.: Филимонова Т.Н. Конфликт между семьёй и личностью в романах Нят Линя «Решительный разрыв» и «Холод» // Вьетнамские исследования. Вып. 4. М., 2014. С. 314–315.

возникшая вследствие этого, хорошо прослеживается в различных статьях передовых журналов и в художественной литературе, основной темой которой и стала семейная проблематика в том или ином ее проявлении[3]. Наибольшему обсуждению подверглись такие типичные для конфуцианского мировоззрения и в том или ином виде закреплённые в феодальных законах обычаи, как: 1) многожёнство и связанная с ним иерархия женщин внутри семьи (мать мужа, главная жена, младшие жёны); 2) отсутствие личной свободы при вступлении в брак; 3) права родителей в отношении совершеннолетних детей (в т.ч. возможность жениха и невесты жить отдельно от родителей); 4) обязательность подношения свадебных даров семье невесте для заключения брака; 5) возможность женщины подать на развод; 6) право женщины повторно выйти замуж в случае смерти мужа.

В самой Франции к моменту колониальных завоеваний действовал выработанный Наполеоном Бонапартом в 1804 г. и с тех пор постоянно дополнявшийся Гражданский кодекс, оказавший огромное влияние на развитие законодательства во всём мире. Наличие подобного кодификационного опыта безусловно должно было найти применение в деятельности Франции в своих колониальных владениях, в т.ч. и во Вьетнаме. Дополнительный интерес представляет, насколько французы соотнесли вырабатываемые для своих владений документы с собственным кодексом.

С юридической точки зрения Вьетнам в составе Индокитайского Союза был представлен тремя регионами с разным правовым статусом и соответственно с разным законодательством. Гражданско-правовые, в т.ч. и семейные отношения, регулировались в соответствии с Гражданским кодексом Тонкина 1931 г. (Северный Вьетнам)[4], Гражданским кодексом Аннама 1936 г. (Центральный Вьетнам) и Кратким кодексом Кохинхины 1883 г. (Южный Вьетнам). Как видим, лишь в колонии Кохинхине новое право появилось довольно быстро, в остальных двух частях страны этого пришлось ждать несколько десятилетий, в течение которых местное население жило в соответствии с нормами устаревшего Кодекса Зя Лонга. Важно оговорить, что на города, переданные Франции на правах концессии — Ханой, Хайфон и Дананг, — распространялся кодекс Кохинхины, а не соответствующих частей страны. С момента публикации указанных кодексов семейно-брачные отношения во Вьетнаме регулировались гражданским, а не уголовным законодательством.

Подход колониальных властей и вьетнамской государственной элиты к выработке законодательных норм в области семейных отношений хорошо выражен во фразе императора Кхай Диня: «Правительство протектората, взяв на себя миссию составления законодательства, не имеет намерения нанести вред тем традициям, которые составляют основу вьетнамского общества, равно как и вводить нововведения, которые не были бы гармоничны с обычаями жителей. Составители нового законодательства искали в предыдущих вьетнамских законодательных актах те положения, которые не утратили своей актуальности и которые составляют основу гражданского права; в тех случаях, когда

[3] Тем, кто хочет более подробно и в то же время в лаконичном виде ознакомиться с содержанием полемики между сторонниками старого и нового и аргументацией каждой из сторон, можно порекомендовать две работы того времени — публицистическую статью Нгуен Ба Хока «К вопросу о свободном браке» [Nguyễn Bá Học. Bàn về nghĩa tự do kết hôn // Nam Phong tạp chí, №27, 09/1919. Tr. 231–235] и эпизод в суде в романе Нят Линя «Решительный разрыв» 1936 г. [Nhất Linh. Đoạn tuyệt. Hà Nội, 2015].

[4] Подробнее о ГК Тонкина и журнале, в котором он публиковался, – см. [Сюннерберг 2017].

в законе что-то не прописано, следует руководствоваться обычаем» [цит. по Boudarel 1970: 499–500].

В результате все кодексы колониального времени действительно соотносились со многими «основами вьетнамского общества» и даже в теории не решали многих из тех проблем, что столь бурно обсуждались вьетнамской интеллигенцией в 1920–1930-е гг. Это касается как созданного еще в XIX в. Краткого кодекса для Кохинхины, так и принятых спустя полвека кодексов для Тонкина и Аннама.

Главная характеристика вьетнамской семьи — полигамия — осталась неизменной. В кодексах оговаривалось, что существуют два вида официального брака — со старшей женой и с младшей женой (ст. 79 ГК Тонкина). Ст. 80–81 ГК Тонкина регламентировали порядок женитьбы на главной и второстепенной жене.

Важнейший вопрос, связанный с осознанием вьетнамца себя как личности, — свобода вступления в брак — был решён традиционным способом. Без согласия родителей молодые люди, даже достигнув совершеннолетия, вступить в брак по-прежнему не могли (ст. 77–78 ГК Тонкина). Фактически это подкрепляло многовековую практику заключения брака в интересах семьи и посредством самой семьи, а не конкретных личностей.

Важным событием в истории развития семьи во Вьетнаме стала чёткая регламентация возраста вступления в брак. Минимальный возраст для этого согласно КК Кохинхины составлял 16 лет для юношей и 14 лет для девушек [Bùi Thị Mừng 2015: 54; Nguyen Tu Lan Huong: 18.12.2018]. Этот возраст повторял теоретические предписания, сделанные ещё в «Книге ритуалов» (Ли цзи — одном из главном канонов конфуцианства), которые упоминались в Кодексе Зя Лонга. Тем самым составители кодекса в очередной раз демонстрировали уважение к вьетнамским традициям и нежелание идти наперекор им.

В выработанных спустя полвека законодательствах для Севера и Центра вопрос был решён новаторски. Минимальный возраст был поднят — до 18 лет для юношей и 15 лет для девушек (Ст. 73 ГК Тонкина). Тем не менее оставались компромиссные варианты: «в случае, если имеется уважительная причина, глава общины может найти решение для снятия ограничений по возрасту. Но молодой человек обязательно должен достичь возраста 15, а девушка 12 лет» (ст. 75). В теории это должно было хотя бы отчасти решить такой один из наиболее критикуемых вьетнамской интеллигенцией пережитков прошлого, как «принудительные ранние браки» (вьет. tảo hôn). В реальности подобные браки сохранились, и с этим пережитком пришлось в течение долгого времени бороться и независимой вьетнамской власти после 1945 г.

О равноправии полов речи также не было — согласно статьям 95–103 ГК Тонкина, мужчина являлся главой семьи и нёс ответственность не только за свои действия, но и за действия своих жен. Они же в свою очередь не могли осуществить многих действий социального характера без соответствующего разрешения мужа. Если же та или иная жена собиралась подать в суд на мужа, то вначале она должна была получить согласие со стороны представителя низшей судебной инстанции (ст. 99).

Пожалуй, наиболее прогрессивным моментом в плане защиты прав женщин стали нормы ГК Тонкина в отношении развода, которому был отведён отдельный раздел документа. Согласно ст. 116, решение о разводе принималось только судом, а мужчине запрещено самовольно бросать жену. Показательно, что причины для развода оговаривались отдельно для мужчин (ст. 118) и для женщин (ст. 119), в то время как ст. 120 перечисляла

общие случаи для обоих супругов. Причём у женщин нашлось даже больше причин — четыре против трёх мужских. Впрочем, супружеская измена осталась причиной только для мужчины. Для подачи на развод женщине не было нужно согласия мужа (ст. 123).

Были подтверждены особые права вдов, которые после смерти мужа рассматривались как «принявшие все его права в доме» (ст. 344) и «имеюшие все права главы семьи в отношении своих собственных совершеннолетних детей и детей от младших жён» (ст. 345).

Оговорённый в ГК Тонкина и Аннама минимальный брачный возраст был аналогичен тому, что отражён в Кодексе Наполеона — 18 и 15 лет (ст. 144). Кодекс Наполеона также признавал верховенство мужа в семье — ст. 213 («мужу как главе семьи принадлежит выбор места нахождения семейного хозяйства; жена обязана жить со своим мужем…»). И также накладывал определённые ограничения на свободу вступающих в брак — согласно ст. 148 «несовершеннолетние[5] не могут вступить в брак без согласия отца и матери; в случае разногласия достаточно согласия отца» [Наполеон 2013: 125–132]. Но, как видим, слепого перенесения норм французского кодекса на вьетнамские реалии не было — в своей кодификационной деятельности французы действительно соотносились с местными обычаями. Поэтому изначально минимальный возраст для вступления в брак в Кохинхине оказался ниже французского, в стране сохранялась не предусмотренная французской правовой практикой полигамия.

Существенным образом на реальное положение во вьетнамское семье колониальное законодательство не повлияло. В условиях незнания вьетнамцами законов и превалирования обычая над ними только целенаправленные систематические действия властей по имплементации законодательных норм в реальную жизнь могли бы что-то изменить в этом отношении. Однако этого французами и вьетнамской монархической элитой сделано не было.

Семейное законодательство в Демократической Республике Вьетнам (1945–1975)

После Августовской революции, провозглашения независимости и установления нового общественно-политического строя в стране по-прежнему действовало установленное еще при французах гражданское законодательство, что подтверждалось Указом Председателя временного правительства ДРВ Хо Ши Мина от 10 октября 1945 г. Нововведением стало то, что Ханой и Хайфон теперь были включены в сферу Гражданского кодекса Северного Вьетнама, а Дананг — кодекса Центрального Вьетнама. Все эти документы должны были действовать вплоть до выработки нового законодательства, единого для всей территории страны.

В социальной сфере основополагающим моментом в принятых государственных документах стала интенция на уравнение женщин в правах с мужчинами, что в дальнейшем стало фундаментом новых семейных отношений во всей стране. Принятая в ноябре 1946 г. первая в истории Вьетнама Конституция окончательно закрепила равноправие мужчин и женщин во всех сферах общественно-политической жизни страны. Статья 6 декларировала, что «все граждане Вьетнама обладают равными правами во всех областях деятельности:

[5] Изначально под ними подразумевались юноши моложе 25 лет и девушки моложе 21 года, а с 1907 г. для обоих полов совершеннолетними считались лица, достигшие 21 года.

политической, экономической и культурной». В 7-й статье гарантировалось, что «все граждане Вьетнама равноправны перед законом, все могут принимать участие в политической жизни и в зависимости от своих талантов и возможностей в деле строительства государства». Равноправие женщин подчёркивалось в Конституции 1946 г. в рамках отдельной 9-й статьи: «Женщины имеют равные права с мужчинами во всех сферах жизни» [Hiến pháp 1946: 10.12.2018].

Важнейшим фактором, помешавшим выработке собственного семейного законодательства, стала начавшаяся уже в декабре 1946 г. война против Франции, стремившейся вернуть свои колониальные владения. В военных условиях, когда всё руководство новоиспеченного вьетнамского государства было эвакуировано в труднодоступные отдалённые горные районы, а все крупнейшие города перешли под контроль французов, говорить о какой-то реально действующей вьетнамской центральной власти затруднительно. А для неё, в свою очередь, первостепенными стали вопросы физического выживания и организации вооружённого сопротивления. В результате в независимом Вьетнаме действие законов колониальной эпохи затянулось на несколько лет.

Тем не менее даже в годы военных действий не оставался в стороне и семейно-бытовой аспект женских прав. Важнейшим документом стал Указ №97 «О внесении изменений в нормы гражданского законодательства» от 22 мая 1950 г. [Sắc lệnh 97/SL 1950: 10.12.2018]. Фактически это стало первой во Вьетнаме попыткой кардинального пересмотра на государственном уровне многовековой системы семейно-брачных отношений. Попыткой намного более прогрессивной, чем были колониальные ГК Тонкина и Аннама в 1930-х гг. и более конкретной и детализированной, чем прописанная в Конституции 1946 г. статья, согласно которой «женщины имели равные права с мужчинами во всех сферах жизни». Положения ранее действовавших колониальных законов, вступающие в противоречие с вновь опубликованным, лишались юридической силы.

Наконец-то был законодательно решён один из наиболее злободневных вопросов для всего общества — свободы молодых людей вступать в брак без согласия родителей. Согласно статье 2, «совершеннолетние дети не обязаны получать согласие родителей при вступлении в брак». Статья 7 уточняла, что совершеннолетними считаются дети с 18 лет, и с тех пор, «даже если они проживают с родителями, они имеют право на самостоятельную жизнь».

Статья 5 закрепляла равноправие мужчин и женщин внутри семьи, в то время как статья 6 подтверждала все права замужней женщины в вопросах, связанных с домашним хозяйством.

Однако, несмотря на наличие этих прогрессивных в плане защиты женских прав статей, вопрос многожёнства Указом решён не был. В отличие от предыдущих кодексов в этом документе не прописывалось, что возможны два вида брака (со старшей женой и с младшими), но и полигамия не запрещалась. Этот важнейший аспект семейных отношений был обойдён стороной.

В отличие от Гражданских кодексов 1930-х гг. стало возможным заключение брака во время траура по умершему супругу/супруге. Однако для женщин всё же было сделано исключение — они не могли повторно выйти замуж в течение 10 месяцев после смерти супруга. Такая оговорка была вызвана не столько консервативными представлениями о женской чести, сколько стремлением избежать проблем установления отцовства, если

вдова была беременной. Если же она могла доказать, что не является беременной или что она вынашивает ребёнка от предыдущего мужа, то она могла повторно выйти замуж и в этот период (статья 3).

В ноябре 1950 г. был издан Указ №159/SL «Об изменении норм в процедуре развода» [Sắc lệnh 159/SL 1950: 10.12.2018]. Супруги обладали равными правами на подачу заявления о разводе. В ст. 2 регламентировались пять причин для развода, которые были одинаковыми как для мужчин, так и для женщин:

– измена;

– заключение под стражу;

– сумасшествие или неизлечимая болезнь;

– уход из дома более чем на 2 года без уважительной причины;

– характер супругов не подходит друг другу до такой степени, что они не могут продолжать совместное проживание.

Несмотря на всю прогрессивность данных указов, их воздействие на ситуацию с семейно-брачными отношениями в целом было незначительным. В условиях продолжавшейся вплоть до лета 1954 г. полномасштабной войны, когда правительство ДРВ контролировало лишь отдалённые территории, по-другому вряд ли и могло быть.

В первые послевоенные годы руководство ДРВ в первую очередь было занято восстановлением страны, а во-вторых, ожидало предусмотренного Женевскими соглашениями 1954 г. объединения государства с целью выработки законодательства для всей территории страны. После провала объединения северовьетнамским властям пришлось потратить определённое время на приспособление к новой военно-политической ситуации. В результате активная кодификационная деятельность развернулась лишь спустя 5 лет после окончания войны — в 1959 г. В июле того года была издана Директива № 772-TATC «О прекращении действия феодальных и колониальных законов», только с этого момента прекратилась юридическая сила законов колониального времени.

В области семейно-брачных отношений Национальным собранием 29 декабря 1959 г. был принят «Закон о браке и семье» («Luật hôn nhân và gia đình»), который вступил в силу 3 февраля 1960 г. Закон включал 6 глав и 35 статей и был сформулирован достаточно общо, многие формулировки и явления в дальнейшем нуждались в уточнении. Но именно этот документ впервые именно на уровне государственного закона в условиях реального контроля центральной властью ДРВ своей территории включил в себя государственное регулирование и кардинально новое видение многих вопросов, столь волнующих вьетнамское общество в первой половине XX в., — равноправие полов, свободу вступления в брак, обычай принудительного раннего брака, многожёнство и т.д.

В законе впервые фигурирует понятие «прогрессивного брака» (вьет. hôn nhân dựa trên nguyên tắc tiến bộ). Согласно ст. 1, «государство гарантирует полное осуществление свободного и прогрессивного, моногамного брака, основанного на равноправии полов, охрану интересов женщины и ребенка с целью построения счастливой, демократичной и благополучной семьи, все члены которой солидарны, любят друг друга и активно помогают друг другу».

Пожалуй, наиболее прогрессивным моментом стал принцип моногамности — Законом было официально запрещено многожёнство. Это прописано в первой статье

и отдельно оговорено в 3-й статье: «запрещено брать вторых/младших жен» (вьет. Cấm lấy vợ lẽ), а также в 5-й: «состоящим в браке запрещено вступать в ещё один брак».

Ст. 4 подтверждала зафиксированную 4 годами ранее в Указе «О внесении изменений в нормы гражданского законодательства» свободу вступления в брак: «достигшие возраста вступления в брак юноша и девушка совершенно добровольно сами решают вопрос женитьбы; никто не вправе заставить их вступить в брак и никто не вправе мешать их браку».

Был сделан особый акцент на равноправие женщин и на недопустимость пренебрежительного к ним отношения. Так, в ст. 2 была упомянута поговорка «уважать мужчин и пренебрежительно относиться к женщинам» (вьет. trọng nam khinh nữ) и подчёркнуто, что новый закон ставит цель искоренить подобное отношение как один «из пережитков феодализма». Ст. 12 подчёркивала, что «в семье жена и муж равны во всех отношениях». Были подчёркнуты и равные права девочек с мальчиками — согласно ст. 19 «мальчики и девочки имеют равные права и обязанности внутри семьи».

В рамках борьбы с таким феодальным пережитком, как обычай ранних браков, важным законодательным изменением стало повышение минимально допустимого возраста вступления в брак. Согласно статье 6, «заключение брака возможно только по достижении 18 лет для девушек и 20 лет для молодых людей». Отметим, что минимально допустимый возраст (он же сохраняется и в настоящее время) был поднят довольно радикально, превратив Вьетнам в страну с весьма поздним минимально возможным возрастом для заключения брака.

Важными статьями, знаменующими попытку властей реализовать тезис об «искоренении пережитков феодализма», являются статьи 7 и 8 Закона 1959 г. Так, статья 7 закрепляла невмешательство траура в церемонию бракосочетания, а статья 8 разрешала вдове повторно выходить замуж, и государство гарантировало защиту прав повторно вышедшей замуж женщины в отношении своих детей и имущества.

Было подтверждено равное с мужчинами право женщин на развод, которому была посвящена отдельная глава (ст. 25–33). Любопытно, что в отличие от посвященного только разводу Указу №159 «Об изменении норм в процедуре развода» 1950 г. в данном Законе не были перечислены причины для развода. Государство пришло к пониманию того, что в реальности причин для развода может быть огромное множество, и все они слишком различны, чтобы их все было возможно упомянуть в рамках одного документа.

Основополагающим документом ДРВ стала принятая 31 декабря 1959 г. новая Конституция. В отличие от текста 1946 г. в ней было больше внимания уделено семейно-брачным отношениям и правам женщин, которые были расписаны более подробно и детализировано. Правам женщин была посвящена отдельная, 24-я статья: «Женщины ДРВ имеют равные с мужчинами права в политической, экономической, культурной, общественной и семейной жизни и деятельности». В этой же статье подтверждалось право женщин на одинаковый размер оплаты соразмерного с мужчинами труда, право на получение зарплаты до и после родов.

Однако вновь, как и в ситуациях с предыдущими законодательными документами, на реальное положение женщин в обществе и на отношение к их правам влияли не столько

законы как таковые, сколько господствовавшие в обществе представления о роли и месте женщины[6]. Но в отличие от предыдущих лет вьетнамские власти подошли к женскому вопросу более основательно — не только принятием закона, но и программой по претворению его в жизнь. Государство понимало, что столь радикальные изменения не могут быть достигнуты только лишь публикацией закона без систематической разъяснительной работы на местах. Большую помощь как в разъяснении сути нового законодательства, так и, что важнее, в разрешении реальных проблемных ситуаций, сыграли различные общественные организации и в особенности Союз женщин Вьетнама.

Семейное законодательство в Республике Вьетнам (1955–1975)

Согласно принятой 26 октября 1956 г. Конституции РВ «государство признавало семью основой общества», а также «поощряло и помогало образованию семей, осуществлению семейной миссии, особенно в вынашивании плода, рождении детей и уходе за ними» (ст. 25). Непосредственно отражённое в тексте Основного закона признание за семьёй основополагающей роли в жизни общества стало отличительной чертой южновьетнамского государства.

За 20 лет существования Республики Вьетнам семейной сфере было посвящено три крупных документа: Закон о браке и семье 1959 г., Указ по семейным отношениям 1964 г. и Гражданский кодекс 1972 г.

Первым государственным законом, регламентирующим исключительно семейно-брачные отношения, в истории вьетнамского права стал разработанный ещё в 1957 г. Чан Ле Суан (супругой Нго Динь Ню, главного идеолога государства) Закон о семье (тж. известен как Закон 1/59)[7]. Принятый после длительных обсуждений в Национальном собрании (на что понадобилось 32 сессии) в январе 1959 г., он стал аналогом северовьетнамского «Закона о браке и семье». По замыслу разработчиков, Закон должен был конкретизировать 25-ю статью Конституции: укрепить семью и возвысить роль женщины в ней — жена уравнивалась в правах с мужем [Derrida 1961: 60)].

В целом южновьетнамский закон имел более сложную структуру (отчасти схожую с Кодексом Наполеона), был более подробным и массивным, чем аналогичный на Севере. Закон 1/59 состоял из 4 титулов[8], которые подразделялись на главы, разделы и статьи. Последних в сумме насчитывалось 135.

Согласно первой же статье Закона о семье в стране упразднялось многожёнство. Помимо этого в ст. 7 подчёркивалось, что «запрещено заключать повторный брак без расторжения первого». Укреплению семьи и общественной морали, с точки зрения идеологов РВ, также должен был содействовать запрет на сожительство («совместное проживание мужчины и женщины, не состоящих в браке»), которому был уделён отдельный, пусть и небольшой, титул.

---

[6] Детальнее о несоответствии реальной ситуации принятому закону и усилиях государства по преодолению этого недостатка см. [Boudarel 1970: 509–515].

[7] Подробный разбор данного Закона см. [Derrida 1961].

[8] Именно так принято переводить на русский язык самый первый структурный элемент Кодекса Наполеона (фр. — Titre). Учитывая его влияние на южновьетнамское законодательство, мы выбрали именно его и для данного Закона.

Особое внимание было уделено вопросам детей — признанию отцовства и усыновлению (этим вопросам посвящены 3 и 4 титулы и в сумме более 50 статей).

Несмотря на лучшую структурированность, больший объём всего документа и больший охват семейных проблем, южновьетнамский закон в ряде существенных моментов оказался менее новаторским в сравнении с аналогичным на Севере и, соответственно, более схожим с законами предыдущего времени[9]. Возраст вступления в брак оказался близок к традиционному и к тому, который был отражён в колониальных Гражданских кодексах —— 15 лет для девушек и 18 лет для юношей. Однако в сравнении с действовавшим к тому моментом Кратким кодексом Кохинхины это тоже был шаг вперёд.

При этом родители или глава рода могли в судебном порядке оспорить бракосочетание (ст. 17). Согласно ст. 2 помолвка не считалась действительной до тех пор, пока семья жены не получит традиционные свадебные подарки [Law 1/59: 20.12.2018].

В целях укрепления семьи Законом запрещалось сожительство без регистрации брака.

Другим юридическим аспектом, в теории укрепляющим семью, а на деле ущемляющим права супругов, стало то, что Закон фактически не допускал развода. Формально подать на развод было можно, но каждый случай требовал согласования в высших инстанциях вплоть до утверждения лично президентом Республики. На деле при таком подходе развод становился невозможным.

Возможно, большая в сравнении с ДРВ приверженность РВ устоявшимся в обществе традициям и ритуалам объясняется фигурой ее президента — человека весьма консервативного. Также вероятно, что недопущением кардинальных перемен в семейно-брачной сфере правительство хотело избежать дополнительных социальных потрясений, которые ему были крайне невыгодны в условиях противостояния с ДРВ.

С другой стороны, в некоторых моментах закон, наоборот, не соответствовал вьетнамским семейным традициям. Так, ряд исследователей видят влияние католической этики (напомним, что руководители РВ были католиками) на дух закона, особенно в части, касающейся расторжения брака [Derrida 1961: 54; Boudarel 1970: 507].

После свержения Нго Динь Зьема и падения первой Республики в ноябре 1963 г. в правовом регулировании семейно-брачных отношений произошли некоторые изменения, но они носили частный характер. В июле 1964 г. был издан указ 15/64, заменявший собой Закон I/59. Минимальный возраст для вступления в брак для девушек был увеличен с 15 до 16 лет. Этот же возраст подтверждался и в принятом в 1972 г. Гражданском кодексе Республики Вьетнам. Право главы семьи (вьет. quyền gia trưởng) по-прежнему принадлежало мужчине, что резко контрастировало с аналогичными законами Северного Вьетнама, где последовательно декларировались «равные права мужа и жены во всех вопросах семейной жизни».

[9] Это подтверждала и сама Чан Ле Суан, заявляя, что данный закон уважает предписания Гражданских кодексов Кохинхины, Тонкина и Аннама, если они не противоречат духу настоящего закона [Law 1/59: 20.12.2018].

Итоги исследования

В результате изучения нормативно-правовой базы мы пришли к следующим выводам:

1. В семейном законодательстве колониальной эпохи перемены в общественной мысли были отражены весьма в незначительной степени. Колониальные власти всячески подчёркивали свое желание не разрушать местные традиции и гармонизировать с ними кодификационную деятельность. Пожалуй, главным достижением этой поры стал перевод семейно-брачных отношений из сферы уголовного права в гражданское.

2. Многие аспекты семейной жизни были прописаны в гражданских кодексах Тонкина и Аннама более подробно и систематизировано. Но кардинальных изменений в семейной жизни не предусматривалось — в стране сохранялась полигамия, отсутствовала свобода вступления в брак, подчёркивалось верховенство мужа над женой. Сопоставление французского и выработанного для Вьетнама законодательства позволяет увидеть, что последнее на фоне первого не было таким уж отсталым с точки зрения эмансипации женщин и детей.

3. Кардинальные изменения в моделировании государством семейно-брачных норм произошли только после достижения Вьетнамом независимости в 1945 г. Для руководства ДРВ было крайне важно закрепить в семейной сфере те глубинные социальные преобразования, которые они проводили с момента Августовской революции, в т.ч. борьбу с пережитками феодального строя. Задолго до публикации Закона о браке и семье в ДРВ были изданы специализированные указы, коренным образом меняющие семейные устои.

4. Сопоставление семейных кодексов ДРВ и РВ показывает, что, несмотря на меньший объем документа, подход властей ДРВ к регламентации семейных отношений оказался более кардинальным, чем в РВ – разрешены разводы, запрещено требование предоставления свадебных даров, декларировалась свобода молодых людей при вступлении в брак.

Список литературы

1. Наполеон Бонапарт. Гражданский кодекс. М.: Эксмо, 2013.

2. Сюннерберг М. А. Франко-вьетнамский «Правовой журнал» как источник о семейно-брачных отношениях в позднем колониальном Вьетнаме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2017, № 36. С. 243–262.

3. Bình An. Chế độ hôn nhân xưa [Брак в прошлом]. URL: http://plo.vn/plo/che-do-hon-nhan-xua-385950.html (дата обращения 10.12.2018).

4. Boudarel G. L’evolution du statut de la femme dans la Republique democratique du Vietnam [Бударель Г. Эволюция положения женщины в ДРВ] // Tiers-Monde. Tome 11, № 42-43, 1970.

5. Bùi Thị Mừng. Chế định kết hôn trong luật hôn nhân và gia đình. Vấn đề lý luận và thực tiễn. Luận án tiến sĩ luật học [Буй Тхи Мынг. Предписания о вступлении в брак в законах о браке и семье. Теоретические и практические проблемы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук]. Hà Nội, 2015.

6. Dân luật thi hành tại các tòa Nam án Bắc kỳ [Гражданский кодекс, применяемый в судах вьетнамской юрисдикции в Тонкине] // Pháp Viện báo. 1931–1932.

7. Derrida F. Une loi «sur la famille» au Sud-Vietnam [Деррида Ф. Закон «о семье» в Южном Вьетнаме] // Revue internationale de droit comparé [Международный журнал сравнительного права], Vol. 13, N°1, Janvier–Mars 1961. P. 57–77. URL: https://www.persee.fr/doc/ridc_0035-3337_1961_num_13_1_12969 (дата обращения: 18.12.2018).

8. Cadiere L. La famille et la religion en pays annamite [Кадьер Л. Семья и религия в стране аннамитов // Bulletin des amis du vieux Hue [Бюллетень друзей старого Хюэ], 1930, №4. P. 353–414.

9. Hiến pháp Việt Nam Dân chủ Cộng hòa 1946 [Конституция ДРВ 1946 г.]. URL: http://moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=536 (дата обращения: 10.12.2018).

10. Hiến pháp Việt Nam Dân chủ Cộng hòa, 1959 [Конституция ДРВ 1959 г.]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1959-Viet-Nam-Dan-Chu-Cong-Hoa-36855.aspx (дата обращения: 10.12.2018).

11. Law 1/59 “Family code” of Republic of Vietnam. URL: https://www.vietnam.ttu.edu/reports/images.php?img=/images/msu/6-20-1D1-116-UA17-95_000490.pdf (дата обращения: 20.12.2018).

12. Luật hôn nhân và gia đình năm 1959 [Закон о семье и браке 1959 г.]. URL: https://thukyluat.vn/vb/luat-hon-nhan-va-gia-dinh-1959-8ff9.html (дата обращения: 10.12.2018).

13. Nguyen Tu Lan Huong. Mariage, famille, lois et coutumes vietnamiennes a travers les siecles [Нгуен Ту Лан Хыонг. Брак, семья, законы и обычаи во Вьетнаме на протяжении веков]. URL: https://lanolineblog.files.wordpress.com/2016/08/mariage.pdf (дата обращения: 18.12.2018).

14. Sắc lệnh 97/SL ngày 22.05.1950 [Указ №97/SL от 22 мая 1950 г.]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Sac-lenh-97-SL-sua-doi-quy-le-che-dinh-dan-luat/36573/noi-dung.aspx (дата обращения: 10.12.2018).

15. Sắc lệnh 159/SL ngày 17.11.1950 [Указ №159/SL от 17 ноября 1950 г.]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Sac-lenh-159-SL-quy-dinh-van-de-ly-hon/36626/noi-dung.aspx (дата обращения: 10.12.2018).

16. Trần Đình Hượu. Về gia đình truyền thống Việt Nam với ảnh hưởng Nho giáo [Традиционная вьетнамская семья и влияние конфуцианства] // Xã hội học [Общественные науки], 1989, №2. P. 25–38.

Автор:

Сюннерберг Максим Алексеевич, к.и.н., доцент Института стран Азии и Африки МГУ им.М.В. Ломоносова. E-mail: hongik@mail.ru

Продвижение статьи:
Дата поступления: 26.12.2018
Дата поступления в переработанном виде: 22.01.2019
Принята к печати: 23.02.2019

M.A. Syunnerberg

DEVELOPMENT OF FAMILY LEGISLATION IN VIETNAM (LATE XIX CENTURY–1976)

Abstract. The article analyzes the development of Vietnamese legislation in the aspect of family and marriage relations since the late XIX century, when Vietnam became an integral part of the French Indochina (Indochinese Union), until the country's unification in 1976. The study is based on the laws and regulations, including very rare materials, that are little studied even in Vietnam, and they are first introduced into scientific circulation in Russian Vietnamese studies.

This study also demonstrates the evolution of state regulation of family life during the given period — age and conditions of marriage, family composition and the nature of relationships within it, the ability to file for divorce, etc. It is also shown how timely and to what extent the state responded to family life issues relevant to Vietnamese social thought, and, vice versa, how society itself perceived codification changes in such a traditional sphere.

Keywords: family in Vietnam, family law, women in Vietnam, laws on marriage and family.

References

1. Napoleon Bonapart (2013). Grazdansky kodeks [Civil code]. M.: Eksmo.
2. Syunnerberg, M.A. (2017). Franko-vietnamskii «Pravovoi zhurnal» kak istochnik o semeino-brachnykh otnosheniyakh v pozdnem kolonial'nom Vietname [Franco-Vietnamese journal "Phap Vien bao" as a source of family-marriage relations in the late colonial Vietnam] in: Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: actual problems of development], No 36. M.: IV RAN. S. 243–262.
3. Bình An. Chế độ hôn nhân xưa [Marriage in old Vietnam]. Retrieved on 10.12.2018 from URL: http://plo.vn/plo/che-do-hon-nhan-xua-385950.html.
4. Boudarel G. (1970). L'evolution du statut de la femme dans la Republique democratique du Vietnam [The changing status of women in the Democratic Republic of Vietnam]. *Tiers-Monde*, t. 11, № 42–43.
5. Bùi Thị Mừng (2015). Chế định kết hôn trong luật hôn nhân và gia đình. Vấn đề lý luận và thực tiễn. Luận án tiến sĩ luật học [Marriage regulation in marriage and family law. Theoretical and practical issues. Ph.D. thesis]. Hà Nội.
6. Cadiere L (1930). La famille et la religion en pays annamite [Family and religion in Annamese country]. *Bulletin des amis du vieux Hue [Bulletin of Friends of the Old Hue]*, № 4, pp. 353–414.
7. Dân luật thi hành tại các tòa Nam án Bắc kỳ (1931) [Civil law enforced in the Vietnam Court of Tonkin]. *Pháp Viện báo*.
8. Derrida F. (1961). Une loi «sur la famille» au Sud-Vietnam [A "Family Law" in South Vietnam]. *Revue internationale de droit comparé [International Journal of Comparative Law]*, Vol. 13 N°1, pp. 57–77. Retrieved on 18.12.2018 from URL: https://www.persee.fr/doc/ridc_0035-3337_1961_num_13_1_12969.
9. Hiến pháp Việt Nam Dân chủ Cộng hòa năm 1946 [The Constitution of the Democratic Republic of Vietnam in 1946]. Retrived on 10.12.2018 from URL: http://moj.gov.vn/vbpq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=536.

10. Hiến pháp Việt Nam Dân chủ Cộng hòa năm 1959 [The Constitution of the Democratic Republic of Vietnam in 1959]. Retrived on 10.12.2018 from URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1959-Viet-Nam-Dan-Chu-Cong-Hoa-36855.aspx.

11. Law 1/59 "Family code" of Republic of Vietnam. Retrived on 20.12.2018 from URL: https://www.vietnam.ttu.edu/reports/images.php?img=/images/msu/6-20-1D1-116-UA17-95_000490.pdf .

12. Luật hôn nhân và gia đình năm 1959 [Marriage and Family Law, 1959]. Retrived on 10.12.2018 from URL: https://thukyluat.vn/vb/luat-hon-nhan-va-gia-dinh-1959-8ff9.html.

13. Nguyen Tu Lan Huong. Mariage, famille, lois et coutumes vietnamiennes a travers les siecles [Vietnamese marriage, family, laws and customs throughout the centuries]. Retrived on 18.12.2018 from URL: https://lanolineblog.files.wordpress.com/2016/08/mariage.pdf.

14. Sắc lệnh 97/SL ngày 22.05.1950 [Decree No. 97/SL of May 22, 1950]. Retrived on 10.12.2018 from URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Sac-lenh-97-SL-sua-doi-quy-le-che-dinh-dan-luat/36573/noi-dung.aspx.

15. Sắc lệnh 159/SL ngày 17.11.1950 [Decree No. 159/SL of November 17, 1950]. Retrived on 10.12.2018 from URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Sac-lenh-159-SL-quy-dinh-van-de-ly-hon/36626/noi-dung.aspx.

16. Trần Đình Hượu (1989). Về gia đình truyền thống Việt Nam với ảnh hưởng Nho giáo [About the traditional Vietnamese family with Confucian influence]. *Xã hội học*, №2. P. 25–38.

Author:

Syunnerberg Maxim A., Ph.D., Assistant professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: hongik@mail.ru

Article history:
Received: 26.12.2018
Received in revised form: 22.01.2019
Accepted: 23.03.2019

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10006

Ле Тхи Зук Ту

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ВЬЕТНАМСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПЕРИОДА ОБНОВЛЕНИЯ[1]

Аннотация: В средние века во Вьетнаме конфуцианские проза и поэзия выполняли в основном функции нравоучительную, коммуникативную и развлекательную, поэтому в то время литература не рассматривалась как товар. В начале XX в. Тан Да (1889–1939) стал первым литератором, кто внедрил новый взгляд на писательство, которое стало рассматриваться как способ зарабатывать на жизнь, и представители литературных кругов поняли, что их произведения также могут быть товаром, управляемым рыночным механизмом. В период проведения во Вьетнаме политики *Đổi mới*, или Обновления, рыночная экономика и глобальная сеть цифровой коммуникации Интернет оказали огромное влияние на литературу, таким образом возвещая новую эпоху развития вьетнамской литературы.

Ключевые слова: рыночная экономика, вьетнамская литература, Обновление.

Введение

В первые десятилетия XX в. страдающий от безнадежной любви поэт Тан Да покинул родные края и отправился в город. Городская жизнь оказала огромное влияние на мышление Тан Да, его чувства и отношение к жизни, что заставило его изменить свое понимание литературы. Сначала Тан Да рассматривал писательство как один из видов развлечений — игру, а себя в качестве игрока. Поэтому, оценивая достоинства произведений, он обращал больше внимания на красоту слов, в которых видел подлинное великолепие литературы, чем на содержание произведений. С переменами в своей жизни Тан Да изменил и представление о литературном творчестве. Рассматривая писательство в качестве способа заработка, подобно многим другим работам, он решил заняться этой деятельностью и «продавать литературу на улицах, служа тем самым Небу». Другими словами, Тан Да стал первым писателем, который признал, что литература является таким же продуктом потребления. Следуя за ним, другие писатели Вьетнама также постепенно осознали данную роль литературы. Фан Куи Бить писал, что, расуждая о таких крупных сооружениях, как Оперный театр, Дворец генерал-губернатора, мост Лонг Биен, возведенных в начале XX в., многие конфуцианцы решили «сломать свои кисти

[1] Статья Ле Тхи Зук Ту на эту тему опубликована на английском языке в журнале Vietnam Social Science, N3 (179), 2017, pp. 78–84. Предлагаем перевод этой статьи на русский язык, доработанный с участием автора редакцией журнала «Вьетнамские исследования».

и научиться пользоваться [западными] железными ручками»[2]. Эта фраза в некоторой степени отражает влияние, которое оказала колониальная рыночная экономика на писателей того времени.

С началом политики Обновления (1986 г.) эта концепция все больше интересовала писателей и исследователей, поскольку рыночная экономика оказывала сильное влияние на все аспекты социального развития. На Национальной научной конференции *«Литературное творчество во Вьетнаме в эпоху Обновления: состояние и перспективы»* в Институте литературы Вьетнамской академии общественных наук 28 мая 2015 г. Во Ван Нён и Нгуен Фыонг Тхюи представили доклад «Рыночная литература в г. Хошимине», в котором показали процесс воздействия рынка на литературный процесс в крупнейшем городе Вьетнама. В докладе утверждается, что «рыночная литература не является новой тенденцией во Вьетнаме. С начала XX в. на Юге развивалось «создание романов для массового читателя», существовало понятие «литературы потребления». В настоящее время такая литература удовлетворяет потребность в развлечении, прежде всего молодого поколения, утверждают авторы доклада: «Авторы — молодые люди... Сюжеты произведений вращаются вокруг темы любви, романтический стиль письма далек от реальности, опыт писателей скуден... Доминирование этой темы отчасти является следствием импорта романтической китайской литературы, а также запросов читателей». Исследователи также подчеркнули, что «рыночная литература теснейшим образом связана с литературой в Сети».

Публикуемая статья основана на докладе, сделанном на Национальной научной конференции *«Литературный рынок и рыночная литература: теория и практика»* 29 августа 2016 г. в Институте литературы. Положения статьи о развитии вьетнамской литературы в период Обновления явились результатом анализа литературных произведений при подготовке Словаря вьетнамской прозы с 2000 по 2015 гг., вышедшего в 2018 г. в ханойском Издательстве общественных наук. Автор также опубликовал в отечественных научных журналах ряд статей о связи литературы с эпохой, такие как «Картина вьетнамской прозы начала XXI в.», «Язык современной вьетнамской прозы» и др., этому посвящена его кандидатская диссертация, руководимые автором студенты изучают отношения между элитарной и массовой (сетевой) литературой. Опираясь на полученные данные, автор делает вывод, что рыночная литература периода Обновления является не только молодежной литературой, и ее появление связано не только со спросом на развлечения, но и с потребностью обновления творческого метода для вьетнамских писателей разных поколений. Автор также считает, что впечатляющие изменения во вьетнамской литературе после 1986 г. вызваны не только демократическими преобразованиями и духом открытости, но, если смотреть глубже, и влиянием подъема экономики страны вкупе с приходом цифровых методов коммуникации. Это действительно важные вопросы для читателей, которые хотят глубже понять причины изменения вьетнамского литературного ландшафта после долгого времени, когда литература служила только для «пропаганды, агитации и мобилизации». Рассмотрению этих вопросов на основе

[2] Цит. по: Dương Kim Thoa. Quan niệm văn chương của Tản Đà [Зыонг Ким Тхоа. Литературная концепция Тан Да]. Báo Đà Nẵng, 28.10.2013. URL: https://www.baodanang.vn/channel/5417/201310/quan-niem-van-chuong-cua-tan-da-2282025

анализа конкретных аспектов литературной ситуации во Вьетнаме и посвящена данная статья.

При проведении исследования использовался системный подход, при котором литература рассматривается во взаимосвязях с политикой, экономикой, культурой, а также методы социологии культуры и междисциплинарные методы.

Влияние рыночной экономики на писателей Вьетнама с последней четверти XX в.

Писатель Нгуен Нгок как-то отметил, что вьетнамская литература в период перед Обновлением двигалась по инерции, что объясняет огромный разрыв между запросами читателей и литературой того времени. Поэтому вместо книг, которые их не удовлетворяли, читатели выбирали либо переводы иностранной литературы, либо вьетнамскую классику. Нгуен Нгок называет «инерцией» тот факт, что вьетнамская литература находилась вне рыночной экономики, и писатели все еще полагали, что ее целью являлась пропаганда, важнейшая государственная задача военного времени. После 1986 г. во Вьетнаме началась эпоха Обновления. Рыночная экономика, ее динамика и прагматизм заставили вьетнамцев отказаться от чисто «эпического» взгляда на жизнь, которого они придерживались в период войны. Старые способы измерения ценностей и старые стандарты, столкнувшись со сложной структурой современной жизни, не могли оставаться нетронутыми. «Во время войны и межличностные, и общественные отношения сжаты до единого типа отношений жизни и смерти (…). Огонь войны уничтожил мелочность и запутанность повседневной жизни. В мирное время все должно было измениться. Жить в мире также означает столкновение с повседневной обыденностью (…)» [Nguyên Ngọc 1991]. Это оказывает прямое воздействие не только на жизнь в обществе в целом, но и на литературную деятельность в частности во всех ее аспектах, начиная с написания произведения и заканчивая его изданием. Когда писатели сталкиваются с коренным изменением жизненных ценностей, им приходится искать способы обновления своего литературного стиля, чтобы идти в ногу со временем. Писатель Нгуен Кхай заявлял: «Раньше, когда мы встречались, то говорили друг с другом о *đạo* (мораль); теперь же обсуждаем *đời* (жизнь)» [Nguyễn Khải 1997]. Жизнь в эпоху рыночной экономики и международной требует от писателей изменения всех тем произведений и рассуждений так, чтобы это соответствовало современным запросам и вкусам читателей, а также отвечало их образу мыслей. В то же время ситуация предоставляет оптимальные условия для полной реализации писательских способностей: «Наша эра — эра открытости, что вдохновляет нас писать. Я люблю сегодняшний день, поскольку он полон красного и черного, изменений и неожиданностей, что действительно является стимулом для освоения писателями новых высот» [Nguyễn Khải 1997]. Главенство «повседневной рутины» можно рассматривать как толчок к изменениям в мышлении писателей, который помог им избежать прежней «монотонности красок» и однобокой позиции идеализации. Это также заложило основу для таких явлений, как «негероические» черты и «десакрализация», которые обычно упоминаются в современной литературной критике при оценке создания образа героя в более человеческом, реалистичном виде, нежели раньше. Кроме того, появилось новое понимание войны, которое предполагает, что война означает смерть и разрушение, некое место, где люди «блуждают, не находя убежища» [Bảo Ninh 2011]. Можно услышать искренний голос, исходящий из самого сердца Нгоана, командира батальона, выбирающего между

преданностью и выгодой: «Неважно, что происходит, самое время вернуться в Ханой. Как можно измерить то, что человек отдал своей стране и армии? Что касается меня, я прослужил в армии достаточно долго. Сейчас условия жизни моей семьи, моей жены и детей такие же, как были. Кто позаботится обо мне, кроме меня?» [Nguyên Bảo 2005]. «Нормализация» образов героев без канонизации исторических персон — это тот способ, посредством которого современные писатели сокращают разрыв между литературой и реальной жизнью и соединяют элитарную литературу с массовой. В своем историческом романе «*Церемония принятия присяги*» Нгуен Куанг Тхан подробно описывает некультурное и даже грубое поведение короля Ле Лоя в день победы: «Нгуен Хан увидел, как король поднес ко рту куриную ногу, выпивая вместе солдатами, а распахнутая одежда оголяла живот монарха... Нгуен Хан отвернулся и вышел» [Nguyễn Quang Thân 2009]. В рассказе «*Целомудрие*» Нгуен Хюи Тхиеп не показывает короля, совершающего славные боевые подвиги. Вместо этого герой показан глазами Винь Хоа…, или, скорее, через его отношения с женщиной. «Известный на весь мир своими подвигами» герой, встретив Винь Хоа, красивую и свежую, как весенний росток, «внезапно задрожал, ослеп и уронил бокал изысканного вина». После, услышав новость о казни ее отца, король «не завязав волосы, босиком побежал, непрестанно спотыкаясь, к Винь Хоа, чтобы рассказать о смерти Кхая» [Nguyễn Huy Thiệp 2007]. После публикации таких произведений, как «*Печаль войны*», «*Целомудрие*» и «*Церемония принятия присяги*», вспыхнули ожесточенные дебаты, в которых критики высказывали противоположные точки зрения: некоторые высоко оценили творчество Тхиепа, а некоторые решительно выступали против. Такая реакция является ярким свидетельством глубокого влияния рыночной экономики на вьетнамскую литературу. В конце концов, главная проблема заключается в том, нравится ли это читателю.

Эстетика восприятия — это литературоведческое понятие, используемое для описания отношений между писателями, произведениями и читателями. Восприятие является ключевой проблемой эпохи рыночной экономики. Любой отвергнутый (не приятый/ не одобренный) рынком товар будет выброшен. Особо остро реагируют на это те, кто уважает и превозносит традиционные ценности, считающиеся вечными и священными. Между тем большинство заявляет: «Мы пишем/читаем литературные произведения, а не увековечиваем/изучаем историю». Прогрессивный дух и идеи обновления среди писателей и читателей современности также отражены во мнениях, что способ, которым упомянутые выше произведения изображают жизнь, правдив и диалектичен, воплощает идеи демократии, которые могут быть поняты только в эпоху международной интеграции. Это то, что изменило обновленную вьетнамскую литературу, и реальность показывает, что, если писатель может своевременно удовлетворить требования жизни, его работы будут позитивно восприняты читателями. Типичным примером является детский писатель Нгуен Нят Ань. На его творчество обрушилось большое количество критики. Хотя каждый человек по-своему интерпретирует его феномен, многие сходятся во мнении, что привлекательными его произведения делает гармоничное сочетание двух элементов — образовательной и развлекательной функций. Такая прекрасная комбинация является «главным ключом» к завоеванию произведениями Нгуен Нят Аня любви читателей, как юных, так и взрослых. Читая его произведения, дети (и взрослые) учатся любить свою малую родину и свою страну, уважать дружбу, любить семью, соседей и друзей. Особенно

важно то, что читатели получают уроки не с помощью заключенных в произведениях наставлений или приказов, а погружаясь в описанные события, слова, игры, наполненные наивностью и радостью детства. Можно сказать, что произведения Нгуен Нят Аня помогают детям прожить настоящее детство, а взрослым – вновь окунуться в ностальгические воспоминания о нем.

Влияние рыночной экономики на литературный язык

Если язык является основным материалом литературных произведений, то в этом аспекте современной литературы под воздействием рыночной экономики произошли радикальные изменения.

В литературе Вьетнама после Августовской революции и до Обновления использовались торжественные формулировки и прославляющие речи, соответствующие господствующему тону героических времен, но сейчас такой языковой стиль стал совершенно неуместным, и это не могло не отразиться на обществе, ценности которого находятся в непрерывном изменении. Во многих современных прозаических произведениях можно увидеть новый стиль языка, более приземленный и приближенный к повседневному разговорному языку. Неформальная и дерзкая манера речи, например использование местоимений «*mày*», «*tao*» или даже грубых слов и выражений («Какая же ты собака!"[3], «распутник» и т.д.) часто появляется в произведениях таких авторов, как Нгуен Хюи Тхиеп, Фам Тхи Хоай, Та Зюи Ань, Хо Ань Тхай, Тхуан, Нгуен Бинь Фыонг, и принимается читателями именно потому, что этот языковой стиль может правдиво описать сложность повседневной жизни и многосторонние отношения современных людей. Например, в романе «*Сидеть*» Нгуен Бинь Фыонг написал: «Кхан сказал: «Если ты ненавидишь чьи-то кишки, он будет худшим (…). Тан почесал шею, думая о том, что Кау — человек завистливый и обладает мерзким характером» [Nguyễn Bình Phương 2013]. Или в романе *«Париж, 11 августа»* Тхуан написала: «Май Лан сказала: «Ты еще несовершеннолетняя. Если он осмелится прикоснуться к тебе, я подам на него в суд, и тогда он разорится». Ми[4] ответила: «Но вы уже знаете, что я с ним спала» [Thuận 2005]. Читая подобные диалоги, можно наблюдать тот хаос, что творится в жизни людей в наше время. Неслучайно в ряде произведений Нгуен Хюи Тхиепа, Нгуен Тхи Хоая, Нгуен Бинь Фыонга, Та Зюи Аня, Нгуен Динь Ту и других часто встречаются грубые выражения и ругательства в речи всех типов героев. Используя язык в такой манере, писатели не только хотят показать, что литература является правдивой копией реальной жизни, но и выразить беспокойство о том, как низко пало человеческое достоинство, и это наблюдается среди людей всех возрастов, в каждой сфере жизни.

Кроме употребления грубых и дерзких выражений, современная литература также наполнена так называемым «эротическим языком». Появление такого типа языка произошло из-за интенсивного влияния современной жизни на общество. Красота человеческого тела, особенно женского, которая в прошлом должна была быть прикрыта или описана метафорически, теперь превозносится как совершенная красота человека. В современной вьетнамской литературе эта красота стала предметом изображения, авторы,

[3] Назвать кого-либо собакой во вьетнамском языке является унижением.
[4] Имя дочери Лан.

не колеблясь, описывают в деталях такие эротичные части тела, как грудь, ягодицы, бедра и язык. В романах писательницы Тхуан есть много таких описаний, как «распускающаяся, как цветок, молодая грудь», «упругие округлые ягодицы» или «длинные стройные бедра». В романе Нгуен Бинь Фыонга *«Сидеть»* женская красота описывается в связи с плодовитостью и пробуждением желания: «Под той крышей находились женщины с тонкими талиями, распущенными волосами, раскинутыми короткими ногами и торчащими сосками, напоминающими угольки, венчающие обнаженные светло-коричневые груди»; «Тело Минь по-прежнему стройное, с округлыми упругими грудями» [Nguyễn Bình Phương 2013]. Точно так же в историческом романе Нгуен Суан Кханя *«Богиня гор»* красота женских персонажей описывается в связи с плодовитостью: «белая кожа, полное тело, пухлые щеки и большая грудь напоминают *ам зьо тить*[5]» [Nguyễn Xuân Khánh 2006]. Кроме красоты плодовитости, смело описывается сексуальный инстинкт женщин: «Суан ничего больше не слышала, ее губы прильнули к его губам. Она вся горела желанием» [Y Ban 2008]; «Тиеп чувствовала ее смелость и проницательность, ощущая собственное свежее привлекательное тело» [Dạ Ngân 2005]. Безусловно, сексуальное желание является одной из основных человеческих потребностей, но это тот аспект инстинкта жизни, который не изображался открыто во вьетнамской литературе в прошлом. Другими словами, дух демократии в период Обновления помог писателям начать откровенно говорить о том, о чем они действительно думают.

Влияние рыночной экономики на читателей

Рыночная экономика оказывает воздействие не только на писателей, но и на их аудиторию. Помимо негативного влияния, вызванного деградацией культуры чтения, рыночная экономика оказывает и положительное влияние, удовлетворяя растущие запросы читателей согласно закону спроса и предложения. Поэтому писатели вынуждены искать пути обновления своего литературного стиля. Способ публикации книг также подвергся изменениям. Нгуен Хюи Тхиеп говорил: «С чего начинается работа писателя? Я считаю, ему нужно начать с понимания вкусов читателей или, в частности, анализа менталитета своего народа за долгий период времени. Это и есть основа для создания писателем духовной пищи для своего старта» [Nguyễn Huy Thiệp 2016]. Сегодня читатели требуют от произведения хорошего качества в плане не только содержания, но и формы. Например, книги должны иметь красивый привлекательный дизайн, напечатаны на белой бумаге ровным, легко читаемым шрифтом. Что касается содержания, авторитетные литературные премии, присуждаемые престижными литературными и художественными ассоциациями, внесли большой вклад в воспитание вкусов читателей. Несколько лет назад, когда был опубликован роман Ма Ван Кханга *«Одинокий всадник»* [Ma Văn Kháng 2009], книга свободно продавалась во многих магазинах. Однако сразу после того, как книга получила награду Ассоциации писателей Вьетнама, она стала бестселлером и непрерывно переиздавалась. Другой пример — роман Нгуен Суан Кханя *«Когда приносят рис в пагоду»* [Nguyễn Xuân Khánh 2011]. Роман в 800 с лишним страниц был продан в рекордном количестве экземпляров.

[5] Традиционный вьетнамский чехол, которым накрывается большой чайник для сохранения температуры.

Влияние глобальной сети цифровой коммуникации на развитие вьетнамской литературы

В современную эпоху коммуникации и цифровых технологий необходимо также упомянуть влияние на литературу СМИ и информационных технологий.

Не будучи исключением из общей мировой тенденции, Вьетнам также стал свидетелем бурного развития информационных технологий, которые внесли огромный вклад в изменение многих отраслей науки, а также литературы. Интернет не только немало помог распространению и обновлению самой последней информации, которая оказывает влияние на образ мыслей как писателей, так и читателей, но и стал одним из эффективных средств продвижения литературных произведений. Многие сочинения писателей, особенно молодых, были размещены на сайтах задолго до издания. Свобода и демократия в сочетании с возникновением огромного количества форумов, вебсайтов и блогов, «каждый из которых является сублимацией чувств индивида», не только показывают разнообразие способов восприятия и мышления, но и предоставляют писателям больше возможностей для продвижения своих произведений в массы, а также облегчают проведение опросов издателями для определения тиража книг. Многие молодые авторы были известны читателям через всемирную сеть еще до выхода их произведений из печати. Вот почему читатели спешат найти и купить их книги сразу же после публикации. Такие молодые писатели, как Ань Кханг, Зыонг Тхюи, Гао, Нгуен Нгок Тхать, стали «феноменом издательской индустрии» с помощью тщательно подготовленной PR-стратегии, которая создает их притягательные образы, подобно героям фильмов, ставших кумирами благодаря Интернету. Многие тексты таких авторов, как Нгуен Тхи Хоанг Линь, Гао, Ань Кханг, Фонг Вьет, Ирис Као, Гамлет Чыонг, появились в виде статусов на Фэйсбуке и в личных блогах задолго до того, как были собраны в книги и опубликованы. Цифровая эра находит свое воплощение и в литературных произведениях — от создания рассказов, написанных в форме электронных писем и блогов, до использования жаргона, связанного с высоким уровнем развития информационных технологий, как это делается в произведениях Хо Ань Тхая, Данг Тхана, Фонг Диепа, Нгуен Динь Ты, Нгуен Суан Тхюи, Зыонг Тхюи, Нгуен Тхи Хоанг Линь, Ву Фыонг Нги, Чан Тху Чанга, Ань Кханга, Гао и др. Молодой литератор Фонг Диеп написал роман «*Блогер*» [Phong Điệp 2009], где Интернет является основным материалом произведения, начиная с формы и заканчивая содержанием. Через образ героини, которая страстно увлечена блогерством, автор изобразил глубокие изменения во вьетнамском обществе, произошедшие в эпоху Интернет-культуры и особенно затронувшие молодежь. Это принесло в литературу свежие и еще незнакомые способы выражения, особые очертания современного литературного языка и создало новые эстетические эффекты принятия произведения.

Заключение

Рыночная экономика периода Обновления и интеграции страны в глобальную жизнь, начавшегося в 1986 г., наряду с всемирной сетью цифровой коммуникации — Интернетом, стали катализаторами, оказавшими как положительное, так и негативное влияние на существование и развитие современной вьетнамской литературы. Рыночная экономика сформировала у многих писателей неправильный взгляд на жизнь, но сама же рыночная экономика стала материалом для приобретения писателями более реалистического взгляда

для создания произведений, приближенных к настоящей жизни и правдиво ее отражающих. Со своей стороны, всемирная цифровая сеть является одним из эффективных способов продвижения произведений и связывает литературу и культуру регионов и народов. Такое взаимодействие вносит немалый вклад в развитие вьетнамской литературы в новый период, позволяя ей удовлетворять требованиям рыночной экономики и правдиво изображать жизнь граждан современного Вьетнама.

Список литературы

1. Bảo Ninh. Nỗi buồn chiến tranh [Бао Нинь. Печаль войны]. Tp. Hồ Chí Minh: Nxb Trẻ, 2011.
2. Dạ Ngân. Gia đình bé mọn [За Нган. Маленькая семья]. Hà Nội: Nxb Hội nhà văn, 2005.
3. Ma Văn Kháng. Một mình một ngựa [Ма Ван Кханг. Одинокий всадник]. Hà Nội: Nhà xuất bản Phụ nữ, 2009.
4. Nguyễn Bảo. Thượng Đức [Тгуен Бао. Тхыонг Дык]. Hà Nội: NXB: Quân đội nhân dân, 2005.
5. Nguyên Ngọc. Văn xuôi sau 1975 — Thử thăm dò đôi nét về quy luật phát triển [Нгуен Нгок. Проза после 1975 г.: попытка исследования некоторых закономерностей развития] // Tạp chí Văn học, 1991, số 4.
6. Nguyễn Bình Phương. Ngồi [Нгуен Бинь Фыонг. Сидеть]. Tp. Hồ Chí Minh: Nxb Trẻ, 2013.
7. Nguyễn Huy Thiệp. Giăng lưới bắt chim [Нгуен Хюи Тхиеп. Птица, пойманная сетью]. Tp. Hồ Chí Minh: Nxb Trẻ, 2016.
8. Nguyễn Huy Thiệp. Truyện ngắn [Нгуен Хюи Тхиеп. Рассказы]. Nhà xuất bản Văn hóa Sài Gòn, 2007
9. Nguyễn Khải. Tâm sự văn chương [Нгуен Кхай. Размышления о литературе] // Báo Văn nghệ Trẻ, 1997, số 56.
10. Nguyễn Quang Thân. Hội thề [Нгуен Куанг Тхан. Церемония принятия присяги]. Hà Nội: Nxb Phụ nữ, 2009.
11. Nguyễn Xuân Khánh. Đội gạo lên [Нгуен Суан Кхань. Когда приносят рис в пагоду]. Hà Nội: Nhà xuất bản Phụ nữ, 2011.
12. Nguyễn Xuân Khánh. Mẫu thượng ngàn [Нгуен Суан Кхань. Богиня гор]. Hà Nội: Nxb Phụ nữ, 2006.
13. Phong Điệp. Blogger [Фонг Диеп. Блогер]. Hà Nội: Nxb Hội nhà văn, 2009.
14. Thuận. Paris 11 tháng 8 [Тхуан. Париж, 11 августа]. Đà Nẵng: Nxb Đà Nẵng, 2005.
15. Y Ban. Xuân Từ Chiều [И Бан. Суан Ты Тиеу]. Hà Nội: Nxb Phụ nữ, 2008.

Автор:

Ле Тхи Зук Ту, к.филол.н., доцент, главный научный сотрудник, Институт литературы, Вьетнамская академия общественных наук. Email: ductuvvh@gmail.com

Продвижение статьи:
Дата поступления: 28.11.2018
Дата поступления в переработанном виде: 25.02.2019
Принята к печати: 26.03.2019

Le Thi Duc Tu

IMPACTS OF MARKET ECONOMY AND GLOBAL DIGITAL COMMUNICATION NETWORK ON VIETNAMESE LITERATURE OF RENOVATION PERIOD

Abstract: During Vietnam's middle ages, its Confucians composed works of prose and poetry primarily for entertainment, interaction or education of ethics, so they never considered the works to be commodities. It was early in the 20th century, when a new view on the occupation of writing as a means to earn living was started with Tan Da (1889-1939), and writers got aware that the works were also goods, which were governed by the market mechanism. During Vietnam's đổi mới, or renovation, the market economy and the global digital communication network, or the internet, have both exerted strong impacts on literature, thus ushering in a new development period of the country's literature.

Keywords: market economy, Vietnamese literature, renovation.

References

1. Bảo Ninh (2011). Nỗi buồn chiến tranh [The Sorrow of War]. Tp. Hồ Chí Minh: Nxb Trẻ.

2. Dạ Ngân (2005). Gia đình bé mọn [A Little Family]. Hà Nội: Nxb Hội nhà văn.

3. Ma Văn Kháng. Một mình một ngựa [The lone horseman]. Hà Nội: Nhà xuất bản Phụ nữ, 2009.

4. Nguyên Ngọc (1991). Văn xuôi sau 1975 — Thử thăm dò đôi nét về quy luật phát triển [Prose after 1975 — Survey of Some Points on Rule of Development]. *Tạp chí Văn học,* số 4.

5. Nguyễn Bình Phương (2013). Ngồi [Sitting]. Tp. Hồ Chí Minh: Nxb Trẻ.

6. Nguyễn Huy Thiệp (2016). Giăng lưới bắt chim [Casting the Net to Catch Birds]. Tp. Hồ Chí Minh: Nxb Trẻ.

7. Nguyễn Huy Thiệp (2007). Truyện ngắn [Stories]. Nhà xuất bản Văn hóa Sài Gòn.

8. Nguyễn Khải (1997). Tâm sự văn chương [Intimate Talk on Literature]. *Báo Văn nghệ Trẻ,* số 56.

9. Nguyễn Quang Thân (2009). Hội thề [Oath Taking Festival]. Hà Nội: Nxb Phụ nữ.

10. Nguyễn Xuân Khánh (2006). Mẫu thượng ngàn [Mother Goddess of Mountains]. Hà Nội: Nxb Phụ nữ.

11. Nguyễn Xuân Khánh (2011). Đội gạo lên [Bring rice to the pagoda]. Hà Nội: Nhà xuất bản Phụ nữ,.

12. Phong Điệp (2009). Blogger. Hà Nội: Nxb Hội nhà văn.

13. Thuận (2005). Paris 11 tháng 8 [Paris 11th August]. Đà Nẵng: Nxb Đà Nẵng.

14. Y Ban (2008). Xuân Từ Chiều [Xuan Tu Chieu]. Hà Nội: Nxb Phụ nữ.

Author:

Lê Thị Dục Tú, PhD (Philology), Chief research fellow of Institute of Literature studies, Vietnam Academy of Social Sciences. Email: ductuvvh@gmail.com

Article history:
Received: 28.11.2018
Received in revised form: 25.02.2019
Accepted: 26.03.2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10007

В.М. Мазырин

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЙ ДИАЛОГ ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье представлены итоги первой российско-вьетнамской научно-практической конференции «Международное сотрудничество в неспокойном мире», проведенной дискуссионным клубом Валдай совместно с Дипломатической академией Вьетнама в феврале с.г. Дан обзор содержания состоявшейся дискусии, показаны общие позиции и разногласия участников. Сделан итоговый вывод о том, что такой форум необходим для открытого обсуждения проблем и перспектив отношений между Вьетнамом и Россией в изменившейся стратегической обстановке в мире.

Ключевые слова: Валдайский клуб, Дипакадемия Вьетнама, международное сотрудничество, стратегическая обстановка в мире, проблемы и перспективы отношений между Вьетнамом и Россией.

25–26 февраля 2019 г. в г. Хошимине (СРВ) прошла научно-практическая конференция на тему «Международное сотрудничество в неспокойном мире». Ее инициатором был Международный дискуссионный клуб Валдай, в организации участвовала Дипломатическая академия Вьетнама (ДАВ). Первый российско-вьетнамский форум с участием этих партнеров стал продолжением серии аналогичных встреч, проводимых Валдайским клубом в азиатских странах (ранее в Индонезии, Сингапуре, Китае, Иране и др.). До сих пор в СРВ еще не проходили встречи на международных дискуссионных площадках такого уровня, как Валдайский клуб. Данный факт говорит о том, что Россия пытается установить более глубокие связи в этом регионе мира. Представитель МИД СРВ, заместитель директора Института стратегических исследований Чан Вьет Тхай отметил, что форум организован как первое из мероприятий в рамках Перекрестного года Вьетнама и России [Hoàng Hoa: 26.02.2019]. Также оно приурочено к предстоящему в июне 2019 г. 25-летию Соглашения об основных принципах дружеских отношений между Россией и Вьетнамом и к 70-летию установления дипломатических отношений между нашими странами в январе 2020 г.

В конференции приняли участие известные эксперты: с российской стороны — сотрудники академических институтов (ИМЭМО, ИДВ РАН, в том числе автор данной статьи) и вузов (МГИМО, СПбГУ), других мозговых центров РФ, государственных ведомств (МИД, ЕЭК), с вьетнамской стороны — ученые подразделений ДАВ, Государственной

политической академии Хо Ши Мина, Гуманитарного университета г.Хошимина, представители ряда министерств, в т.ч. обороны и общественной безопасности.

Открывая конференцию, председатель Фонда клуба «Валдай» Андрей Быстрицкий обратил внимание на то, что в настоящий момент происходит строительство нового мира, о будущем которого необходимо размышлять и договариваться сейчас. В соответствии с изменившейся стратегической обстановкой и было предложено обсудить проблемы нового этапа отношений между Вьетнамом и Россией. К таким изменениям организаторы отнесли активную наступательную внешнюю политику Китая, жесткие действия США, ответные меры России, распад ряда сложившихся международных механизмов, формирование новых. Признав, что множественные санкции и торговые войны, которые подрывают основы глобализации, серьезно влияют на развитие сотрудничества России и Вьетнама в перспективе 5–10 лет, организаторы призвали выяснить, какой ответ могут дать наши страны на эти вызовы. Также были поставлены вопросы, как учитывать новые факторы мировой политики и экономики в долгосрочном планировании двустороннего сотрудничества, какие еще вызовы могут иметь значение для развития вьетнамско-российских отношений. Не все эти вопросы нашли свои ответы.

Валдайский клуб подготовил к форуму брошюру «Россия и Вьетнам в новой Азии», в которой изложил свое видение вынесенной на обсуждение проблематики. Как отмечено авторами во главе с А.Цветовым, Россия в этой изменившейся геополитической обстановке адаптируется к проводимой СРВ стратегии диверсификации внешних связей, встраивается в геополитическую архитектуру, определящую отношения между Вьетнамом, Китаем и США. Свою долгосрочную цель в ЮВА Москва видит в поддержке максимально возможной стратегической самостоятельности государств этого региона и, прежде всего, Вьетнама [Tsvetov et al. 2019: 4].

Авторы отмечают, что позиции России в ЮВА не похожи на позиции США или Китая, а ближе к позиции Индии. В этой связи сформулирован сложившийся подход, согласно которому Москва не берёт на себя лишнюю ответственность и не впутывается в неразрешимые конфликты, но действует в логике спроса и предложения, опираясь на многосторонние институты и правила игры.

Нынешнюю модель отношений России и Вьетнама А. Цветов называет переходной — от эксклюзивного партнёрства 1980-х годов к другой содержательной фазе. Сегодня в отношениях двух стран еще доминируют традиционные сферы и направления, но пробиваются и ростки новой модели и повестки. Валдайский клуб призывает максимально использовать потенциал этого наследия и учитывать текущие стратегические задачи России и Вьетнама в собственном развитии и конструировании будущего Юго-Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) [Tsvetov et al. 2019: 3].

В рамках конференции состоялись три сесии. На первой — пленарной — выступили министр иностранных дел РФ Сергей Лавров и зам. министра иностранных дел СРВ Буй Тхань Шон (рис.1). На ней были обсуждены вопросы безопасности в Азиатском регионе, возникшие риски и возможности. В частности, были затронуты кризис на Корейском полуострове, наращивание вооружений в Южно-Китайском море, взаимодействие России и Вьетнама в контексте развития отношений РФ с АСЕАН, партнерство России и Китая, влияние США в регионе.

Оценивая новую ситуацию, один из участников дискуссии выразил мнение, что она стала следствием заката глобального доминирования США и вызванной этим стратегической неопределённостью, и именно США — главная сила, заинтересованная в дестабилизации мировой обстановки. Вследствие этого они пытаются поделить Азию на враждующие группировки. Ответом могли бы стать технологические альянсы без стратегического партнёрства.

Рис.1. С. Лавров и Буй Тхань Шон на пленарном заседании Валдайского клуба

Рассматривая связь международной и внутренней безопасности в своей стране, вьетнамский эксперт обратил внимание на то, что ситуация всегда зависит от того, что происходит в мире и в регионе. Поэтому вопросы безопасности в СРВ воспринимаются через достижение ее стабильности и территориальной целостности. В данной связи наши коллеги высказали обеспокоенность ситуацией вокруг Южно-Китайского моря — горячей точки, «несущей прямую угрозу миру и стабильности». По словам заместителя министра иностранных дел СРВ, от позиции России в этом вопросе зависят двухсторонние отношения между Россией и Вьетнамом, и здесь предстоит преодолеть возникшие сложности [Валдайский клуб: 27.02.2019].

Особо были выделены в ходе первой сессии вопросы информационной безопасности и перспективы российско-вьетнамского сотрудничества в этой области. В частности, С. Лавров предложил странам региона присоединиться к созданному Россией банку данных о членах террористических группировок с целью отслеживания их передвижения. Был отмечен проявленный Ханоем интерес к нашему опыту и технологиям [Alexei Syunnerberg: 1.03.2019]. Вместе с тем российский эксперт В. Колотов считает, что недооценка угроз в этой сфере может вызвать самые неприятные последствия для Вьетнама, как показал исторический опыт.

Вторая сессия была посвящена многостороннему сотрудничеству в Азии и Евразии, в частности, взаимодействию АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в рамках интеграционного проекта

Большой Евразии, инициированного Россией. По мнению наших экспертов новая инфраструктура должна быть инклюзивной, включать как великие державы, так и средних и малых игроков. Российские инициативы направлены на противодействии фрагментации пространства в Азии, что проявилось в формировании Евразийского экономического союза. В качестве примера были рассмотрены соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам и его выполнение за два года (рис.2).

Рис. 2. Вторая сессия Валдайского клуба в Хошимине

Вьетнамские ученые позитивно оценили первые итоги работы ЗСТ, но не стали комментировать тему многостороннего сотрудничества в Евразии. Ханой предпочитает работу в формате АСЕАН, где он мог бы быть «мостом для проникновения России на азиатские рынки». Интеграционные приоритеты отданы проектам типа ТТП и ЗСТ с ЕС наряду с двусторонними соглашениями о свободной торговле с соседними странами. К китайскому мегапроету «Один пояс, один путь» в СРВ относятся с настороженностью, хотя не отказываются в нем участвовать, не идя дальше движения в сторону РВЭП, при этом говорят о негативном опыте участия в международных организациях вместе с Китаем. Так, в частности, объяснена позиция Ханоя в отношении ШОС на наш прямой вопрос, почему он не вступает в эту организацию. Со стороны вьетнамских коллег выдвинут тезис о том, что, поскольку в основе сотрудничества лежит доверие, необходимо понять, каковы реальные намерения и возможности, а главное, преимущества партнёра.

Анализируя формы сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН, российские эксперты заявили о концептуальной необходимости «фундаментальных проектов», реализация которых ставит экономические и энергетические интересы выше политики. Среди примеров

реализации таких проектов со стороны России В. Сумский назвал «Северный поток 2», который создал «материальный фундамент» для сотрудничества стран Европы и России.

В ходе третьей сессия дана оценка состояния и перспектив российско-вьетнамских отношений. Организаторы форума констатировали, что эти отношения пережили период относительного спада и предположили, что теперь они должны вернуться к нормальному для них активному состоянию. Участники дискуссии охотно приводили примеры достигнутого сторонами за последние годы прогресса, отмечая также отдельные препятствия на пути дальнейшего углубления сотрудничества. При этом вьетнамские эксперты в большей степени, чем российские, сосредоточились на первом, не фокусируя внимания на проблемах двусторонних отношений.

Автор данного обзора вслед за директором по научной работе Фонда развития и поддержки клуба «Валдай» Федором Лукьяновым предложил говорить о них открыто, особо подчеркнув, что количество таких проблем множится и ведет к снижению взаимного доверия (рис.3). В частности, было указано на заметную утрату РФ позиций во вьетнамской экономике, прежде всего в стратегических отраслях. Такое мнение поддержали присутствовавшие в зале вьетнамские эксперты, призвав к реализации с участием России прежде всего крупных, ощутимых для экономики и населения инвестиционных проектов, например, строительства метро в г.Хошимин. Среди новых направлений взаимодействия, которые имеют перспективы, помимо кибербезопасности, были названы продвижение новых технологий на других направлениях.

Рис. 3. Третья сессия Валдайского клуба в Хошимине

Участники сошлись на том, что наиболее успешно развивается военно-техническое сотрудничество. По оценке одного из вьетнамских участников, «гонка вооружений в регионе нарастает, и Вьетнам импортирует российское оружие, поскольку оно доказало свою эффективность в боевых условиях». В. Кашин проанализировал возможности дальнейшего взаимодействия, включая послепродажный сервис, работу в области военной медицины и преодоления стихийный бедствий. Вьетнамцы, по-прежнему говоря о приоритете ВТС с Россией, дали понять о своей готовности расширять сотрудничество в этой сфере с западными партнерами, прежде всего с США.

Среди других ключевых сфер сотрудничества Буй Тхань Шон назвал экономику, образование и культуру. В то же время был отмечен нераскрытый потенциал экономических связей России и Вьетнама. Автор данного обзора напомнил, что взаимная торговля характеризуется высокими транспортными издержками, возникшей товарной конкуренцией, неравенством выгод, которое ведет к росту внешнетогового дефицита у РФ. Отмена половины таможенных барьеров помогла в 2016–2018 гг. преодолеть спад и увеличить товарооборот с 3,9 до 6,1 млрд долл., но эффект либерализации во многом исчерпан, а отставание от главных торговых партнеров СРВ в лице Китая, США, ЕС увеличивается. В этой связи поднят вопрос, смогут ли стороны довести объем торговли до 10 млрд долл. в 2020 г. Решать данную задачу предложено за счет расширения взаимных инвестиций, поскольку такое сотрудничество сближает рынки и создает перспективу стратегического партнёрства горизонтом на 10–15 лет.

Встреча в Хошимине выявила желание сторон завязать, по сути, отсутствовавший диалог на уровне экспертов по «второй дорожке» МИДа. В выступлениях на форуме прозвучала обеспокоенность нехваткой мест и возможностей, чтобы послушать и понять друг друга, решить, как лучше взаимодействовать в стремительно меняющемся мире. Встречные позиции по многим международным вопросам оказались сходны, но обнаружено немало тем, по которым они не совпадают. Это касается растущего влияния Китая, роли США на международной арене, оценки действий России. Вьетнамские эксперты признали, что СРВ не может противостоять западным санкциям против России и давлению на нее, хотя эти меры стали мешать выполнению многих договоренностей между Ханоем и Москвой.

Завершая Российско-вьетнамскую конференцию, председатель Фонда клуба «Валдай» Андрей Быстрицкий отметил широту тем, которые удалось затронуть на форуме — от искусственного интеллекта до вопросов торговли и сотрудничества в военной сфере. По его мнению, конференции, подобные Валдайской, позволяют лучше понять друг друга и заглянуть в будущее [Валдайский клуб: 27.02.2019].

Президент Дипломатической академии при МИД Вьетнама Нгуен Ву Тунг также отметил важность поднятых в ходе конференции тем, подчеркнул необходимость делиться мнениями о развитии взаимоотношений России и Вьетнама с учётом факторов АСЕАН, Китая, США, новых моментов в сотрудничества двух стран.

Польза такого обмена мнениями, которую дал форум Валдайского клуба во Вьетнаме, приводит нас к мнению, что его необходимо сделать постоянной площадкой для диалога и выработки общих решений. Проведение заседания клуба в Хошимине можно рассматривать как признак начала коррекции вьетнамской стороной излишнего крена в сторону США, имеющего место в последнее время, стремления поддерживать диалог с другими партнерами, среди которых Россия — далеко не последний.

Форум вызвал живой интерес экспертного сообщества России и СРВ (рис.4), широко освещался в СМИ обеих стран, его содержание подробно изложено на сайте Валдайского клуба.

Рис. 4. В зале заседаний Валдайского клуба в Хошимине

Список литературы

1. Международное сотрудничество в неспокойном мире // сайт Валдайского клуба (Валдайский клуб), 27.02.2019. URL: http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/rossiya-vetnam-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo.

2. Hoàng Hoa. Hợp tác quốc tế trong một thế giới biến động — Diễn đàn Valdai tại TP Hồ Chí Minh [Хоанг Хоа. Международное сотрудничество в неспокойном мире] // Sputnik, 26.02.2019. URL: https://vn.sputniknews.com/opinion/201902267141704-dien-dan-valdai-tp-hcm.

3. Syunnerberg Alexei. Nga và Việt Nam trong một châu Á mới- đề tài thảo luận ở TP Hồ Chí Minh [Россия и Вьетнам в новой Азии – материалы дискуссии в г. Хошимин] // Sputnik, 1.03.2019 . URL: https://vn.sputniknews.com/vietnam_russia/201903017173259-nga-va-viet-nam-trong-mot-chau-a-moi.

4. Tsvetov Anton, Kashin Vasiliy, Korolev Alexander, Pyatachkova Anastasia. Russia and Vietnam in the new Asia. Valdai Discussian club. February 2019.

Автор:

Мазырин Владимир Моисеевич, д.э.н., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессор ИСАА МГУ. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Продвижение статьи:
Дата поступления: 10.03.2019
Дата поступления в переработанном виде: 17.03.2019
Принята к печати: 20.03.2019

V.M. Mazyrin

RUSSIAN-VIETNAM DIALOGUE ON INTERNATIONAL POLICY ISSUES

Annotation. The article presents the results of the first Russian-Vietnamese scientific and practical conference "International cooperation in a troubled world", held by the Valdai discussion club together with the Diplomatic Academy of Vietnam in February this year. The author provides an overview of the discussion's content, analizes the common positions and disagreements of the participants. The general conclusion is that such a forum is necessary for an open discussion of the problems and prospects of relations between Vietnam and Russia due to the dynamic changes of strategic situation in the world.

Keywords: Valdai club, Diplomatic academy of Vietnam, international cooperation, strategic situation in the world, problems and prospects of relations between Vietnam and Russia.

References

1. Hoàng Hoa. Hợp tác quốc tế trong một thế giới biến động — Diễn đàn Valdai tại TP Hồ Chí Minh [International cooperation in a troubled world] // Sputnik, 26.02.2019 – URL: https://vn.sputniknews.com/opinion/201902267141704-dien-dan-valdai-tp-hcm

2. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v nespokoynom mire // sayt Valdayskogo kluba (Valdayskiy klub) [International cooperation in a troubled world // Valdai Club site], 27.02.2019. URL: http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/rossiya-vetnam-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo.

3. Syunnerberg, A. Nga và Việt Nam trong một châu Á mới- đề tài thảo luận ở TP Hồ Chí Minh [Russia and Vietnam in the New Asia – materials of discussion in Hochiminh city] // Sputnik, 1.03.2019 – https://vn.sputniknews.com/vietnam_russia/201903017173259-nga-va-viet-nam-trong-mot-chau-a-moi.

4. Tsvetov, A., Kashin, V., Korolev, A., Pyatachkova A. Russia and Vietnam in the new Asia. Valdai Discussian club. February 2019.

Author:

Mazyrin Vladimir M., Doctor of Science (Economy), Chair of the Centre for Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern Studies, the Russian Academy of Sciences, Professor of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Article history:
Received: 10.03.2019
Received in revised form: 17.03.2019
Accepted: 20.03.2019

О защите диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук Власова Евгения Евгеньевича (ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет») на тему «Политический процесс в Социалистической Республике Вьетнам в период обновления «Дой Мой»: сущность, основные этапы и направления»

Защита диссертации по специальности 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии состоялась 22.12.2018 г. на заседании Диссертационного совета Д 212.056.03 на базе ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

Исследование посвящено 30-летнему опыту обновления в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) с 1986 г. Проведено комплексное изучение внутриполитических изменений и реализованных в стране реформ. В качестве основных участников политического процесса в переходный период во Вьетнаме рассмотрены государство, общество, институты власти.

Научная новизна исследования заключается в анализе политического процесса во Вьетнаме как результата деятельности различных политических субъектов государства, отдельных институтов власти, правящей коммунистической партии, общества вьетнамских граждан. Демократизация в СРВ представлена как процесс непрерывного последовательного осуществления политической модернизации. Также рассмотрены системная и несистемная политическая оппозиция в транзитный период.

Автор приходит к выводу, что основным драйвером обновления в стране выступает Коммунистическая партия Вьетнама, инициировавшая запуск политики «Дой Мой». На первом этапе реализации была проведена модернизация экономической системы СРВ, создан фундамент для дальнейших перемен. На втором этапе более серьезный акцент был сделан на политических изменениях.

Политика обновления стала курсом реформ, направленных на модернизацию всех сфер общества Вьетнама. Основными направлениями ее были экономическая либерализация, реализация программы создания в стране рыночной системы с «ориентацией на социализм» при сохранении в целом традиционной структуры власти. Выявлены достигнутые в ходе реформ определенная демократизация общественной жизни, диверсификация внешнеполитического курса. Все эти меры были нацелены на вывод страны из социально-экономического кризиса и внешней изоляции, интеграции ее в мировое сообщество.

Научный руководитель — Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Ведущая организация — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва.

Основные публикации по теме диссертации:

1. Власов Е.Е. Политическая модернизация во Вьетнаме: опыт, проблемы, противоречия (к 30-летию начала политики обновления «Дой Мой») // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016, № 3 (51). С. 236–241.

2. Власов Е.Е. Вьетнамское государство в процессе обновления страны (к 30-летию начала политики обновления «Дой Мой») // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2016, № 2 (37). С. 137–146.

3. Власов Е.Е., Печерица В.Ф. Социалистическая Республика Вьетнам: от авторитаризма к рыночному социализму (к 30-летию начала политики обновления «Дой Мой») // Вестник Забайкальского государственного университета, 2016, Т. 22, № 7. С. 81–90.

The Ph.D. dissertation «The political process in the Socialist Republic of Vietnam during the Doi Moi period: essence, main stages and directions» (specialty 23.00.02 — Political institutions, processes, and technologies) was defended by Evgeny E. Vlasov at the «Far Eastern Federal University» on December 22, 2018.

The study was devoted to 30 years' experience of reforming in the Socialist Republic of Vietnam (SRV) beginning from 1986. The author realized a comprehensive research of the intward political changes and implemented reforms. The state, society and institutions of power were regarded as the main participants of the political process in the transitional period in Vietnam.

The scientific novelty of the research bases on the analysis of political process in Vietnam as the result of the activities of various political subjects namely the state, individual institutions, the Communist party, and Vietnamese society as the whole system. The process of democratization in Vietnam was presented as a continuous development of political modernization. One more novelty was the analysis of systemic and non-systemic political opposition.

The author concludes that the primary driver of the country's renovation was the Communist Party of Vietnam, which launched the Doi Moi policy. At the first stage of implementation it carried out the modernization of the economic system of Vietnam thus creating the foundation for further changes. At the second stage a more severe emphasis was placed on political reforms.

The policy of renovation became the course of reforms aimed at modernizing all spheres of Vietnamese society. Its main directions were economic liberalization and the implementation of a program to create in the country market system «oriented towards socialism» while maintaining the traditional governance structure. There were identified as successes some democratization of public life and diversification of foreign policy. All these reforms intended to serve the purpose of bringing the country out of the socio-economic crisis and external isolation, integrating it into the world community.

Keywords: dissertation, scientific research, Communist party of Vietnam, Doi Moi policy, reformation, democratic political system, «market socialism».

Scientific supervisor — Pecheritsa Vladimir Fedorovitch, D.Sc. (History), Professor at the Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

The organization – opponent for the thesis is «Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», Moscow.

О защите диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук Чан Хыу Тхана (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов») на тему «Антикоррупционная политика как фактор политической стабильности в современном Вьетнаме»

Защита диссертации по специальности 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития состоялась 30 января 2019 г. на заседании Диссертационного совета Д 212.203.20 при Российском университете дружбы народов.

Исследование посвящено антикоррупционной политике как фактору политической стабильности в современном Вьетнаме. Его предпосылкой было то, что на протяжении последних десятилетий международные и национальные социологические исследования фиксировали высокий уровень коррупции в современном Вьетнаме. Коррупция здесь характеризуется как системная проблема, затрагивающая непосредственно все стороны социально-экономической и общественно-политической жизни вьетнамского общества, широко обсуждаемая в электронных и печатных средствах массовой информации.

Диссертантом выявлены факторы, снижающие эффективность реализации антикоррупционной политики в СРВ. К ним отнесено то, что антикоррупционные подходы разрозненны и неконкурентны; часть членов партии, занимающих руководящие посты, пытается противостоять антикоррупционным мерам для сохранения в неизменном виде устраивающей их ситуации и продолжения личного обогащения, лоббирования интересов.

В качестве причин распространения этих явлений диссертант указано наличие влиятельных групп интересов, недостаток критики и самокритики, ответственности членов КПВ и работников госаппарата, сокрытие информации о нарушениях закона со стороны властей и отсутствие механизмов защиты тех, кто раскрывает эти нарушения.

Автор приходит к выводу, что без серьезной модернизации антикоррупционной политики коррупция будет представлять все большую опасность для вьетнамского общества и создавать препятствия для фундаментальной политической и экономической модернизации страны.

Практическая ценность исследования заключается в полном и всеобъемлющем обзоре и описании антикоррупционной политики и ее влияния на политические институты и процессы в современном Вьетнаме. Также представлены доказавшие свою эффективность антикоррупционные модели стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Автор обосновывает, что проведенное им исследование поможет выработать новую антикоррупционную модель, соответствующую условиям политической системы Вьетнама.

Научный руководитель — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Медведев Николай Павлович.

Ведущая организация — Центр изучения Вьетнама и АСЕАН Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Дальнего Востока».

Основные публикации по теме диссертации:

1. Чан Хыу Тхан, Саруханян В.О. Основные причины возникновения коррупции в современном Вьетнаме // Вопросы политологии. Вып. 2 (22), 2016. С. 163–172.

2. Чан Хыу Тхан. Коррупция как угроза национальной безопасности и практика антикоррупционной борьбы во Вьетнаме // Вопросы национальных и федеративных отношений. Вып. 3 (38), 2017. С. 168–178.

3. Чан Хыу Тхан. Роль Коммунистической партии Вьетнама в борьбе с коррупцией // Теории и проблемы политических исследований. Т.7, 2017, № 4А. С. 172–185.

4. Чан Хыу Тхан. Факторы, снижающие эфективность реализации антикоррупционной политики в современном Вьетнаме // Вопросы политологии. Вып. 28, 2017. С. 308–321.

5. Чан Хыу Тхан. Эффективные антикоррупционные модели в некоторых азиатско-тихоокеанских странах: уроки вьетнамского опыта // Вопросы национальных и федеративных отношений. Вып. 4 (39), 2017. С. 255–269.

The PhD dissertation «Anti-Corruption policy as a factor of political stability in modern Vietnam» (specialty 23.00.04 — Political problems of international relations, global and regional development) was defended by Tran Huu Than at RUDN University on January 30, 2019.

The study is devoted to anti-corruption policy as a factor of political stability in modern Vietnam. The author's premise was that over the past decades, the international and national sociological studies record a high level of corruption in modern Vietnam, describe corruption as a systemic problem affecting directly all aspects of socio-economic and socio-political life of Vietnamese society and widely discussed in the electronic and print media.

The thesis reveals the factors that reduce the effectiveness of the implementation of anti-corruption policy in the SRV. These include the fact that anti-corruption approaches are fragmented and uncompetitive; part of the party members holding senior positions, try to resist anti-corruption measures to maintain unchanged their situation and continue personal enrichment, lobbying interests.

As reasons for the spread of these phenomena, the author indicated the presence of influential interest groups, the lack of criticism and self-criticism, responsibility of members of the CPV and employees of the state apparatus, the withholding of information about violations of the law by the authorities and the lack of mechanisms for the protection of those who disclose these violations.

The author concludes that without a serious modernization of the anti-corruption policy corruption will pose an increasing danger to Vietnamese society and create obstacles to the fundamental political and economic modernization of the country.

The practical value of the study lies in a complete and comprehensive review and description of anti-corruption policies and their impact on political institutions and processes in modern Vietnam. The thesis presents anti-corruption models of the Asia–Pacific region that proved their effectiveness. Thus, the scholar hopes to help exploring an anti-corruption model that meets the conditions of the political system of Vietnam.

Key words: dissertation, scientific research, modern Vietnam, Communist party of Vietnam, anti-corruption policy, political stability.

Supervisor is Medvedev Nikolai Pavlovich, doctor of political science, Professor of the Department of political analysis and management of RUDN University.

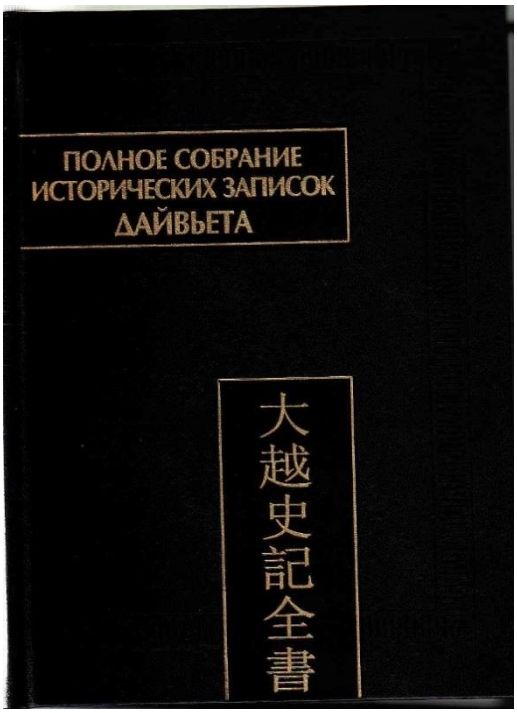
The leading organization is the the Center for Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10008

Рябинин А.Л.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ ПОЗДНИХ ЛЕ: ДИНАСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ПО-ВЬЕТНАМСКИ



«Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 томах /пер. с ханвьета, коммент., вступит. ст. и прил. А.Л. Федорина. М.: Наука – Вост. лит. 2002. (Памятники письменности Востока). ISBN 5-02-018266-4. Т. 6. - Основные анналы. Главы XII – XV. 2018. 789 с. ISBN978-5-02 -039769-9

Аннотация. Хроника «Полное собрание исторических записок Дайвьета» представляет собой центральный памятник исторической мысли Вьетнама и является важнейшим источником по средневековой истории Дайвьета, которому нет равных среди других исторический произведений этой страны. Хроника впервые переводится на европейский (русский) язык, поэтому специалисты, не знающие вьетнамского языка, будут знакомиться с историей Вьетнама именно по русскому переводу. В 6 том хроники вошли главы XII–XV «Основных анналов» источника, детально описывающие события 1460–1532 гг., произошедшие во времена правления самого известного императора династии Ле-Шо — Ле Тхань-тонга (1460–1497), а также его наследников, которые не смогли сохранить единство страны, что привело династию к краху. Тексту хроники предпослана статья А.Л. Федорина, в которой автор пытается проанализировать события того времени. В приложение включены выдержки из китайских летописей Мин ши и Мин шилу, касающиеся вьетнамо-китайских отношений.

Ключевые слова: Вьетнам, Дайвьет, Чампа, Пандуранга, Китай, Юго-Восточная Азия, Ле Тхань-тонг, вьеты, чамы, кхмеры.

Выход в свет 6-го тома «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (Дай Вьет ши ки тоан тхы) в переводе с ханвьета с комментариями, вступительной статьей и приложениями, выполненными доктором исторических наук А.Л. Федориным, представляет собой очень значительный шаг в изучении истории, культуры, исторической и политической антропологии Вьетнама, Восточной Азии, а также всего Востока. Без использования этого источника совершенно невозможно изучение средневековой истории Вьетнама и его взаимоотношений с сопредельными странами. Кроме того, вводимый А.Л. Федориным в научный оборот богатейший фактический материал дает возможность глубокого и фундированного сопоставления исторического развития Востока и Запада, а также того места, которое в этих парадигмах занимает история России. Следует отметить, что 6-ой том «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (далее — ПСИЗД) не ограничивается изданием перевода вьетнамского текста. В этом же томе имеется приложение, в котором представлен перевод с вэньяня фрагментов «Записей о случившемся |при династии| Мин» (Мин шилу), касающихся Аннама и Зяотьи в период с 1460 по 1532 гг. Сопоставление вьетнамского и китайского источников делает возможным создание объемной картины исторических событий во Вьетнаме во второй половине XV в. – первой трети XVI в., а также позволяет не только специалистам по Вьетнаму и Китаю, но и любому заинтересованному читателю получить собственное представление о бурных событиях той эпохи в стране, находящейся на стыке Восточной и Юго-Восточной Азии.

К исключительным достоинствам данного издания относятся скрупулезные комментарии, которые сделаны А.Л. Федориным вследствие частого упоминания в ПСИЗД географических пунктов, общин и других административных единиц, гор и рек Дайвьета, локализация которых нуждается в специальном исследовании. Особое внимание А.Л. Федорин уделяет персоналиям, относительно которых в комментариях представлены целые биографии исторических деятелей, включающие их карьерный рост, описание административных и военных талантов, а также литературной деятельности. Пожалуй, самым трудным для комментирования является идентификация событий древней китайской истории, которые в тексте ПСИЗД обозначены лишь упоминанием имени исторического персонажа, но и с этой задачей А.Л. Федорин успешно справился.

Представленный А.Л. Федориным исторический материал погружает читателя в гущу драматических событий, охвативших Дайвьет, да и всю восточную часть Юго-Восточной Азии во второй половине XV в. – первой трети XVII в. По этому периоду истории Дайвьета на русском языке не существует специальных исторических исследований, он рассматривается лишь в рамках общей истории Вьетнама. И хотя то, что написал еще в XX в. основатель российской вьетнамоведческой школы Д.В. Деопик, представляет собой очень квалифицированный текст, которому пока нет равных [Деопик 1994], выполненный А.Л. Федориным перевод ПСИЗД рождает новые мысли и новые концепции.

Перевод XII, XIII, XIV, XV глав Основных анналов ПСИЗД, как пишет А.Л. Федорин, “посвящен правлению одного из самых знаменитых и популярных вьетнамских императоров — Ле Тхань-тонга (прав. 1460–1497), а также последствиям этого правления, приведшего династию Ле-Шо (1428–1527), **как это ни парадоксально, к быстрому и закономерному краху**” (выделено мной. – *А.Р.*) [ПСИЗД: 12]. То есть А.Л. Федорин утверждает наличие во второй половине XV в. – первой трети XVI в. в Дайвьете ситуации, которая закономерно существует в действительности, но не имеет логического объяснения, и поэтому она

парадоксальна. При этом А.Л. Федорин указывает на то, что «потом во Вьетнаме подобные истории повторялись дважды. Сначала *тюа Чинь Кыонг* (прав. 1709–1730) сделал все от него зависящее, чтобы способствовать построению идеального и справедливого общества, как он это себе представлял, и это окончилось ожесточенными гражданскими войнами, продолжавшимися почти четверть века (1739–1770). Затем император *Минь-манг*[1] (прав. 1819–1941) предпринял попытку «вернуться к добрым конфуцианским традициям» и внес сумятицу и напряженность во вьетнамское общество, которое в результате оказалось совсем не готовым противостоять экспансии французских колонизаторов».

Если в отношении издания текста ВСИЗД у меня к А.Л. Федорину никаких претензий нет (кроме, может быть, того, что выражение «аудиенция династии» [ПСИЗД: 19] все таки лучше заменить сочетанием «императорская аудиенция», хотя дословно, конечно, перевод правильный), то предшествующая публикации вьетнамского текста источника научная статья А.Л. Федорина «Император Ле Тхань-тонг и крушение династии Ле-Шо» нуждается в критической оценке. Данная статья носит печать вьетнамской национальной исторической традиции, имплицитно оправдывающей территориальную экспансию вьетнамцев и захват ими территорий, на которых жили чамы и кхмеры. Процесс территориальной экспансии вьетов А.Л. Федорин описывает следующим образом: «Заложив прочный тыл, возмужавший император в начале 70-х годов XV в. переключился на решение внешнеполитических проблем. Основной из них для Дайвьета на протяжении вот уже нескольких столетий была проблема взаимоотношений с южным соседом — Чампой, которая мешала **естественному движению все увеличивающегося** (выделено мной. — *А.Р.*) вьетнамского этноса по единственно возможному направлению (юг) и, кроме того, **постоянными грабительскими набегами** (выделано мной. — *А.Р.*) препятствовала **нормальному развитию южных пограничных районов** (выделено мной. — *А.Р.*) [ПСИЗД: 19]. То есть вьетнамская «экспансия на юг» представляется А.Л. Федорину как «естественное движение», а такая же «экспансия на север» чамов, которые к тому же возвращали себе свои традиционные земли, потерянные в ходе предыдущих вьетнамских агрессивных действий, определяется им как «грабительские набеги». Следует отметить модальность, в которой А.Л. Федорин описывает вьетнамскую экспансию: «Противостояние с переменным успехом между двумя государствами, то затухающее, то вновь разгорающееся, продолжалось уже много веков. Перевес был, в основном, на стороне Дайвьета, который во второй половине XV в. уже смог отторгнуть и заселить своими поданными **существенную часть северных чамских территорий** (выделено мной. — *А.Р.*), заставить Чампу перенести свою столицу **далеко на юг** (выделено мной. — *А.Р.*), в Пандурангу, в район современного города Фанранг. Однако **решить этот вопрос окончательно все никак не удавалось** (выделено мной. — *А.Р.*)» [ПСИЗД: 19]. Если вдуматься, то в данном тексте описывается трагедия чамского народа, потерявшего большую часть своей территории и вынужденного бросить древнюю столицу. А сожаление А.Л. Федорина о том, что «решить этот вопрос окончательно все никак не

[1] С сожалением должен отметить, что употребление девиза правления (Минь-манг) вместо имени императора (Нгуен Тхань-то) представляется не вполне корректным. Кстати, когда А.Л. Федорин упоминает других императоров, прежде всего — из династии Ле, он всегда использует посмертное имя (Ле Тхань-тонг, Ле Хиен-тонг и т.д.) и никогда не употребляет девиз правления.

удавалось» напоминает знаменитое «endlosung», правда, к счастью, до окончательного решения чамского вопроса дело все-таки не дошло.

Сомнения вызывают представленные А.Л. Федориным «дипломатические таланты» Ле Тхань-тонга, которые он описывает следующим образом: «При Ле Тхань-тонге ситуация усугубилась дипломатическими трудностями, связанными с прямым выходом чамов на даннические отношения с минским Китаем, аналогичные тем, которые поддерживал сам Дайвьет. Таким образом, обе страны в глазах Китая стали фактически равноправными, что никак не удовлетворяло власти Дайвьета, требовавшего формального подчинения Чампы именно себе, а не Пекину. В этих условиях конфронтация с Чампой была чревата прямым конфликтом с опасным северным соседом, поэтому военные действия против этой страны непременно должны были сопровождаться выверенными дипломатическими шагами. И Ле Тхань-тонг с этим блестяще справился». Каким же образом «блестяще справился» Ле Тхань-тонг с этими «дипломатическими трудностями»? Какую хитроумную дипломатическую игру он затеял, чтобы обыграть своего южного соседа? Оказывается, это была отнюдь не дипломатия и отнюдь не игра: «Начавшийся в 1471 г. поход против южного соседа, который возглавлял император лично, закончился убедительной и безоговорочной победой. Чампа была разгромлена, существенная ее часть вошла в состав Дайвьета сразу (провинция Куангнам), а на оставшихся землях усилиями вьетнамцев были созданы сразу три соперничающих между собой чамских княжества. И хотя окончательно собственная чамская государственность была ликвидирована только в XVII веке уже усилиями *тюа* из рода Нгуенов, после похода Ле Тхань-тонга Чампа как угроза спокойствию южных границ Дайвьета, а иногда и самой вьетской государственности, существовать перестала». [ПСИЗД: 19]. То есть Чампа воспринимается А.Л. Федориным (да и всеми российскими вьетнамистами) лишь как «угроза спокойствию южных границ Дайвьета». И разгром ее — дело безусловно хорошее. Как пишет А.Л. Федорин, «многовековая проблема, стоящая перед вьетами, была решена окончательно и бесповоротно». [ПСИЗД: 20] Правда, «endlosung» в данном случае понимается как уничтожение чамской государственности, а не чамов вообще.

Но на этом вьетнамское «движение на юг» не остановилось. Как пишет А.Л. Федорин, «…был открыт путь для освоения южных земель, т.е. созданы все условия для развернувшегося в более поздние годы процесса «движения на юг», завершившегося созданием того, что мы сейчас называем Южным Вьетнамом, где когда-то, по исторически меркам совсем недавно, вьетского населения не было вообще, а сейчас сосредоточена его большая часть». [ПСИЗД: 20] Если вьетского населения на территории современного Южного Вьетнама не было вообще, то кто же там жил? А.Л. Федорин об этом не упоминает. Известно, что там жили кхмеры. Куда же они девались? Они были частично истреблены, частично ассимилированы, частично загнаны с западную часть Южного Вьетнама, где сохранили свой собственный вариант кхмерского языка. [ПСИЗД: 20] О роли вьетнамского императора в судьбе южновьетнамских кхмеров можно было бы сказать словами того же А.Л. Федорина: «И заслуга в этом императора Ле Тхань-тонга более чем очевидна». [ПСИЗД: 20]. Остановился ли на этом Ле Тхань-тонг? Отнюдь. Ле Тхнань-тонг был создателем вьетнамской империи, а империя не знает границ. Как пишет А.Л. Федорин, «сразу же после завершения чамской кампании началась подготовка к походам на северо-запад против лаосских и тайских государственных образований, существовавших в то время на

территории современного Лаоса и юго-западных провинций Китая» [ПСИЗД: 20]. А.Л. Федорин справедливо считает, что «существовавшие здесь княжества по численности своего населения и по реальной силе не шли ни в какое сравнение с Чампой», они лишь «время от времени беспокоили немногочисленное вьетское население предгорных районов, однако это, конечно же, нельзя было сравнить с грабительскими походами чамских армий против южных провинций Дайвьета», и «занимаемые ими территории в плане их освоения и присоединения к вьетской империи были бесперспективны, поскольку вести там свое традиционное хозяйство, основанное на поливном земледелии, вьетнамцы не могли» [ПСИЗД: 20] Однако несмотря на то, что осваивать лаосские земли вьетнамцы не могли, имперская логика имела свои законы, и экспансия продолжалась. А.Л. Федорин считает, что «совершая эти походы, Ле Тхань-тонг не мог преследовать какие-то четкие стратегические и геополитические цели, и они носили скорее чисто грабительский характер» [ПСИЗД: 20]. Соглашаясь с характеристикой А.Л. Федорина грабительского характера походов Ле Тхань-тонга на лаосские и тайские княжества, полагаю, что логика имперских завоеваний не делает разницы между стратегическими и не стратегическими завоеваниями, т.к. любое расширение территории империи считается укреплением ее могущества и не требует оправдания. Империя не знает границ и тем самым она очень опасна.

Я, может быть, подверг слишком жесткой критике точку зрения А.Л. Федорина на ход вьетнамской истории, отражающую общее направление вьетнамской исторической науки, но сделать это мне представляется необходимым. Это общая беда всех специалистов-историков, страстно занимающихся своим предметом. Долгое время исследуя историю и культуру той или иной страны, открывая для себя все новые познавательные горизонты, специалист влюбляется в предмет своего исследования, и ему хочется, чтобы этот предмет выглядел несколько лучше, сильнее, могущественнее, чем он есть на самом деле. Отсюда бесконечные споры между китаистами и вьетнамистами, китаистами и японистами, японистами и кореистами и т.д. По-моему, надо все-таки взять себя в руки, занять объективную позицию и научиться понимать, что расширение империи — это не только радость имперского народа от приобретения новых территорий и поданных, но и боль и страдания тех народов, которые потеряли свою независимость и вынуждены существовать в новом для них государственном образовании на положении людей второго сорта. Впрочем, эти претензии могут быть высказаны по отношению к большому числу российских (да и не только российских) востоковедов и историков, среди которых А.Л. Федорин может считаться образцом толерантности.

Подводя итог, хочется сказать, что перевод и публикация А.Л. Федориным откомментированного текста 6-го тома Основных анналов «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (как и всех уже изданных пяти томов этого источника) является грандиозной вехой в развитии российской и мировой исторической науки. Ведь ни на каком языке, кроме вьетнамского, подобных переводов нет. Поэтому многие иностранные специалисты, не знающие вэньяня и вьетнамского языка, смогут пользоваться русским переводом, выполненным А.Л. Федориным.

Список литературы

1. Деопик Д.В. История Вьетнама. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 1994. С. 3–316.

2. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет ши ки тоан тхы). В 8-ми томах. Том 6. Перевод с ханвьета, комментарий, вступительная статья и приложения А.Л. Федорина. М.: Наука – Восточная литература, 2018.

Автор:

Рябинин Алексей Леонидович, д.и.н., профессор Национального исследовательского университета–Высшая школа экономики, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, зав. кафедрой Восточной и Юго-Восточной Азии Восточного ф-та ГАУГН. E-mail: arjabinin@hse.ru; rjabinin50@rambler.ru

Продвижение статьи:
Дата поступления: 05.03.2019
Дата поступления в переработанном виде: 11.03.2019
Принята к печати: 18.03.2019

A.L. Riabinin

THE RISE AND FALL OF THE LATE LE EMPIRE: VIETNAMESE DYNASTIC CYCLE

Abstract. The chronicle «Complete collection of historical inscriptions of Daiviet» is the based monument of Vietnamese historical knowledge. It is the most important source of information for the Vietnamese medieval history of Daiviet. Along with other historical monuments there is no equal source of information in Vietnam. This chronicle has been translated in the European (Russian) language for the first time. Thus those specialists, who don't know the Vietnamese language, will be obliged to study the Vietnamese history just with the help of its Russian translation. The sixth volume of the collection consists of chapters XII–XV of «Main annals». These chapters thoroughly describe the events of 1460–1497, which happened during the reign of the most well-known emperor of the dynasty Le-So — Le Thanh-tong (1460–1497) and his successors, who could not preserve the unity of the country and it resulted to the crash of their dynasty. Fedorin's preface, in which the author is eager to examine the events of those time, is given before the chronicle. The appendix contains the fragments from the Chinese chronicles of *Ming shi* and *Ming shilu* about Vietnamese – Chinese relationships.

Key words: Vietnam, Dai Viet, Champa, Panduranga, China, Southeast Asia, Le Thanh-Tong, Viets, Chams, Khmer.

Author:

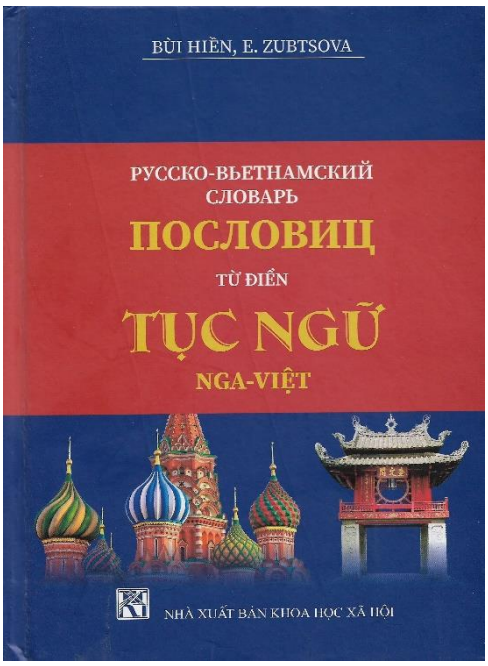
Riabinin Alexey L., Doctor of Science (History), professor of NRU-Higher Scholl of Economics, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the chair «History of East Asia and South-East Asia» of State Academic University of Humanitarian Sciences. E-mail: arjabinin@hse.ru; rjabinin50@rambler.ru

Article history:
Received: 05.03.2019
Received in revised form: 11.03.2019
Accepted: 18.03.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2018-10009

Е.И.Тюменева

СЛОВАРЬ, СОЕДИНЯЮЩИЙ НАРОДЫ



Bùi Hiền, E. Zubtsova. Từ điển tục ngữ Nga-Việt. Hà Nội: NXb Khoa học xã hội, 2018. 586 tr. (Буй Хиен, Е. Зубцова. Русско-вьетнамский словарь пословиц. Ханой: Общественные науки, 2018. 586 стр). ISBN 978-604-956-434-5

Аннотация: Представлен Русско-вьетнамский словарь пословиц (Từ điển tục ngữ Nga-Việt) Буй Хиена и Е.Р. Зубцовой, вышедший во Вьетнаме в издательстве Общественные науки в 2018 г. Это один из немногих русско-вьетнамских фразеологичесих словарей, в котором собраны более 3000 пословиц, отобранных на основе изучения репрезентативных словарей русских пословиц и поговорок. Словарь помогает понимать русскую культуру, замечать её различия и сходства с вьетнамской культурой, пополнять словарный запас для осуществления межкультурной коммуникации. Словарь может служить справочным пособием при чтении классической русской художественной литературы. Он полезен и вьетнамцам, изучающим русский язык, так как позволяет проникнуть в духовный мир русского народа, объясняет его менталитет и уклад жизни. Рецензируемый словарь призван помочь раскрытию национальной картины мира двух наших народов, репрезентированной в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, фразеология, алфавитный и идеографический принципы, национальный менталитет, межкультурная коммуникация.

Предлагаемый словарь представляет собой описание корпуса русских пословиц, отражающее их бытование во времени и пространстве современного русского языка. Цель словаря — дать максимально полное собрание русских пословиц, которое вобрало в себя и значительно увеличило (до более 3 тысяч) предыдущие паремиологические коллекции вьетнамских авторов. Термин «пословица»/ tục ngữ, вынесенный в название книги, не

отражает в полной мере всё разнообразие фразеологических единиц, в ней представленных. Можно предположить, что давая название своей работе, авторы употребили слово «пословица» не как научный термин, а как обобщение различных видов фразеологических единиц, куда входят и поговорки, и фразеологизмы, и крылатые выражения, и афоризмы. Вслед за авторами мы также будем употреблять термин «пословица» как обобщение, подразумевая под этим краткое, поэтически образное, ритмически организованное изречение с поучительным смыслом, ярко и глубоко характеризующее разные стороны жизни человека.

Важно подчеркнуть, что в пословицах и поговорках смысл выражается иносказательно, тогда как афоризмы — это изречения, обычно краткие, где смысл выражается непосредственно. Включение некоторого количества афоризмов (например, *цель физической культуры: быть здоровым и с фигурой* или *спорт и туризм укрепляют организм* — стр. 385) в словарь пословиц можно объяснить отсутствием пословиц по данной теме. Однако вызывает возражение появление в словаре выражений, не являющихся ни пословицами, ни поговорками, ни афоризмами, например, загадок (*без чего человеку жить нельзя? (без имени)* — стр.16) или высказываний неясного авторства (*каждый истинный учёный должен быть художником или поэтом* — стр.115). Однако общее количество таких выражений невелико.

Презентация фразеологии в двуязычных словарях может строиться на различных принципах, наиболее распространённым из которых является алфавитный. Однако этот принцип далеко не единственный. Авторы Нового русско-вьетнамского словаря включили пословицы и поговорки в словарную статью по принципу корневого слова [Аликанов, Мальханова 2007], что затрудняет их поиск. По идеографическому принципу построен словарь Плясковой Е.А. и Донг Тхи Тхань Там [Пляскова, Донг Тхи Тхань Там 2014]. Но в нём собраны лишь устойчивые сравнительные обороты. В Обратном русско-вьетнамском словаре музыкальных терминов русские пословицы даны в алфавитном порядке и без перевода, тогда как вьетнамские — с переводом и в ряде случаев с подбором эквивалентов [Баринова, Нгуен Ван Тхак 2008].

В отличие от более ранних и немногочисленных русско-вьетнамских словарей пословиц и поговорок, построенных в основном по алфавитному принципу, рецензируемый словарь в целях учёта возможных запросов пользователей разбит на две части и строится на алфавитном и идеографическом принципах. В первой части пословицы традиционно расположены по алфавиту. Организация в алфавитном порядке сделана строго по первому компоненту, который зачастую выражен служебными словами, часто устаревшими (аль, кабы, ежели) и подвергается варьированию, что затрудняет пользователям поиск нужной паремии.

Во второй части пословицы сгруппированны по 19 темам. Такой подход является в определённом смысле новаторским для вьетнамских исследователей фразеологии. Авторы предлагают пользователям вести поиск нужной паремии, сформулировав для себя ключевое понятие: труд, здоровье, еда, семья, религия, обычаи, жизнь и смерть, добро и зло, дружба, любовь и т.д. Отбор пословиц по темам облегчит работу тем, кто нуждается в афористичном или идиоматическом выражении собственной мысли с опорой на русскую культуру. Словарь даёт таким исследователям соответствующие средства, именно благодаря идеографическому подходу к презентации фразеологического материала.

В словаре обращено внимание на такое явление, как стремление к лаконичности и максимальной сжатости выражения мысли при сохранении яркой образности форм. Тем не менее многие паремии даны в полной форме (*с кем поведёшься, от того и наберёшься: от пчёлки медку, от жучка навозцу* — стр.218). Такие полные варианты если и употребляются, то крайне редко, а многим, вероятно, просто неизвестны.

Особенность и своеобразие любого языка наиболее отчётливо проявляется при сравнении его с другими языками. Анализируя пословицы, можно научиться понимать русскую культуру, замечать её различия и сходства с вьетнамской культурой, пополнять свой словарный запас для осуществления межкультурной коммуникации с носителями языка. Поэтому задача двуязычных словарей пословиц — дать сопоставительный анализ фразеологии, имеющий свои особенности, вытекающие из структурной вторичности самих фразеологических единиц. Набор средств для проведения сопоставительного анализа в двуязычном словаре невелик: буквальный перевод, перевод-объяснение либо подбор эквивалента.

Авторы выбрали перевод в качестве основного приёма, раскрывающего смысл русских пословиц. Образность, предельная сжатость, афористичность делают пословицы очень трудным материалом для перевода. При переводе русских пословиц и поговорок на вьетнамский язык авторы ставили своей целью отразить этно-культурное своеобразие фразеологизмов, выражающееся в упоминании тех или иных реалий, характерных для русской культуры и принадлежащих к фоновым знаниям носителей языка. В рецензируемом словаре чаще всего встречается буквальный перевод: *от ворон отстал, а к павам не пристал* — «rời được đàn quạ đen nhưng vẫn không bám liền đàn công mái». Однако этим приёмом при переводе пословиц следует пользоваться очень осторожно и только в том случае, когда образы ясны не только носителям русского, но и вьетнамского языков. В противном случае смысл пословицы трудно понять. Например, выражение *из-под пятницы суббота* переведено буквально названиями дней недели: từ tối thứ sáu đã thấy thứ bảy. Без необходимых комментариев вьетнамец с большой долей вероятности воспримет это как высказывание о времени, а не о неряшливом внешнем виде. И можно только приветствовать тот факт, что авторы иногда помимо прямого перевода дают и вьетнамский эквивалент соответствующей паремии: *и нашим и вашим — всегда спляшем* = cả anh và tôi - suốt đời đi múa phù họa. Gió chiều nào che chiều ấy. *Взялся за гуж — не говори, что не дюж* = đã giật cương rồi thì đừng nói là tôi không khỏe. Đã chót thì phải chết. Đâm lao thì phải theo lao.

Наличие большого количества пословиц, одинаковых по логическому содержанию, объясняется появлением их в одних и тех же типовых ситуациях, отражающих совпадение во взглядах на одни и те же стороны действительности. А вот образная основа, через которую это содержание передаётся, может иметь различную степень соответствия, так как в разных исторических и социальных условиях для выражения одной и той же мысли используются различные образы, которые отражают различный социальный уклад, быт и традиции разных народов, природно-географические особенности разных стран. Образ съеденной соли, необходимой для того, чтобы хорошо узнать человека, не вызывает у вьетнамцев соответствующих эмоций и представлений. Прямой перевод «пуд соли съесть» — ăn hết một pút muối, с пояснением, что пуд равен приблизительно 16,4 кг, вряд ли поможет вьетнамцу осознать, зачем нужно съесть 16,4 кг соли, чтобы понять человека. В

этом случае уместно, на наш взгляд, подобрать подходящий эквивалент. Наиболее простой и понятный образ ситуации, в которой носители русского языка говорят про «пуд соли» — это долгая ночь: thức đêm mới biết đêm dài, ở lâu mới biết lòng người dở hay.

Поскольку многие пословицы отражают давно ушедшие из современной жизни реалии, с которыми не знакомы даже многие носители языка, нужен тщательный этимологический анализ каждого слова, необходимый для правильного понимания смысла и недопущения смысловых ошибок. К сожалению, авторы рецензируемого словаря не избежали таких ошибок. В пословице *с поста не мрут, а от обжорства мрут:* không chết vì làm quan, mà chết vì ăn tham слово «пост» переведено как «быть мандарином», то есть чиновником, занимать определённый государственный пост. А в пословице речь идёт о посте как о питании постной пищей — ăn chay. Для сравнения приведём эквивалент пословицы «не всё коту масленица, придёт и великий пост», данное авторами Нового русско-вьетнамского словаря К.М. Аликановым и И.А. Мальхановой: không phải ngày nào cũng là lễ hội cả — *не каждый день праздник* [Аликанов, Мальханова 2007: 684]. В этом переводе не нашло отражение этно-культурное своеобразие русских реалий «масленица» и «великий пост», передан лишь общий смысл этой паремии.

Ещё один пример некачественного перевода: расшумелся, как голик — ồn ào như khi bóng vào gôn, то есть «*шумно, как влетевший в (спортивные) ворота мяч*. Можно предположить, что слово «голик» было воспринято и понято, как «маленький гол», отсюда такой неадекватный перевод. В русском языке одно из значений слова «голик» — веник из прутьев. У этого фразеологизма есть продолжение: *расшумелся, как голик под порогом*, то есть веник, который находится вне дома, у порога.

В словаре встречаются спорные, на мой взгляд, трактовки: *без труда нет добра* — không lao động thì cái thiện cũng không. Авторы трактуют *добро* как отсутствие зла. Если мы обратимся к словарю, то увидим, что у слова *добро* есть ещё одно значение: имущество [Аликанов, Мальханова 2007: 201]. В данной пословице по логике вещей речь идёт как раз о *добре* во втором значении, что косвенно подтверждается и самими авторами, когда выражение *без труда нет плода* они переводят как không lao động thì không có thành quả, то есть *нет результата* (стр.15).

Ещё один пример — *к пиву едётся, к слову молвится*. В этом выражении есть два корневых слова: *пиво* и *слово*. *Пиво* можно трактовать, как алкогольный напиток, что авторы и сделали, подобрав практически полный словарный эквивалент: rượu vào lời ra. Вьетнамская пословица переводится на русский язык следующим образом: «алкоголь входит, слова выходят», то есть выпивший человек много говорит и не следит за своей речью. Для эмоционально-образного высказывания в такой ситуации в русском языке употребляется пословица *что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.* Что касается пословицы *к пиву едётся, к слову молвится*, то, по нашему мнению, она является вариантом *к пиру едётся, к слову молвится*, где пир — не алкоголь, а обильная, праздничная еда и питьё. В российской паремиологии *к пиву едётся, к слову молвится* помещается в корневое гнездо «причина–отговорка» либо «помощь–кстати».

По роду своей профессиональной деятельности (а я преподаю перевод) я имею дело с большим количеством публицистических статей, где встречаются пословицы и поговорки. И я очень ждала выхода такого полного словаря пословиц, который облегчил бы мне перевод на вьетнамский язык такого рода фразеологизмов. За последние полгода

в статьях пишущих на внешнеполитические темы журналистов, которые были отобраны в качестве учебных материалов для занятий по переводу с русского языка на вьетнамский, мне встретились такие выражения: *осердясь на вшей, да шубу в печь*, *сидеть на двух стульях*, *делить шкуру неубитого медведя, ты его в дверь, а он в окно, Васька слушает да ест, гора родила мышь, семь раз отмерь, один отрежь, молочные реки и кисельные берега, чтобы жизнь мёдом не казалась, наводить тень на плетень.* Увы! Я не нашла в словаре ни одного из этих выражений. Включение в рецензируемый словарь большого количества пословиц, которые очевидно устарели, может помочь пользователям, изучающим русскую классическую художественную литературу. Но тем, кто читает современные тексты, нужно будет привлекать и другие источники.

Признавая несомненные достоинства рецензируемого словаря, хотелось бы выразить надежду на то, что данное исследование получит своё дальнейшее развитие. Возможно, количество пословиц будет увеличено за счёт включения в него актуальной фразеологии, в том числе так называемых «прецедентных текстов», в число которых входят и широко цитируемые слова героев популярных фильмов, и высказывания политиков. Некоторые ошибки перевода и шероховатости в трактовках, а также иногда встречающиеся опечатки можно будет легко устранить в случае подготовки нового издания.

Подводя итог, следует отметить, что любая публикация пословиц, поговорок и афоризмов с их переводом на вьетнамский язык несомненно полезна, поскольку помимо чисто научной ценности имеет и прикладное значение, являясь связующим звеном между нашими народами, помогает нам лучше понять друг друга, а значит и лучше взаимодействовать в решении общих задач. У меня есть все основания считать, что выход в свет этого словаря является заметным событием в российской и вьетнамской паремиологии.

Список литературы

1. Аликанов К.М., Мальханова И.А. Новый русско-вьетнамский словарь. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 1115 с.

2. Баринова Е.В., Нгуен Ван Тхак. Русско-вьетнамский словарь музыкальных терминов. М: 2008. 204 с.

3. Пляскова Е.А., Донг Тхи Тхань Там. Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов. Воронеж: Научная книга, 2014. 147 с.

Автор:

Тюменева Елена Ивановна, к.и.н., профессор Высших курсов иностранных языков МИД РФ, Россия. E-mail: lien805nro@gmail.com

Продвижение статьи:
Дата поступления: 03.03.2019
Дата поступления в переработанном виде: 09.03/2019
Принята к печати: 26.03.2019

E.I. Tyumeneva

DICTIONARY THAT CONNECTS PEOPLES

Abstract. This review presents the Russian–Vietnamese Proverbs Dictionary (Từ điển tục ngữ Nga–Việt) composed by Buy Hien and Elena Zubtsova and published in Vietnam in 2018. This is one of the few Russian-Vietnamese phraseological dictionaries, which contains more than 3000 proverbs, selected on the basis of a study of representative dictionaries of Russian proverbs and sayings. Using this dictionary, readers could better understand Russian culture, notice its differences and similarities with the Vietnamese culture, replenish vocabulary for intercultural communication. The dictionary can serve as a reference when reading classic Russian fiction. It can also be useful for Vietnamese who study Russian language, as it allows them to penetrate into the spiritual world of the Russian people, helps to better understand their mentality and way of life. The reviewed dictionary aims to disclose the national picture of the world of our two peoples represented in proverbs and sayings.

Key words: proverbs and sayings, phraseology, alphabetical and ideographic principles, national mentality, intercultural communication.

References

1. Alikanov, K.M., Malkhanova, I.A.(2007). New Russian–Vietnamese dictionary. M.: .AST: East – West. 1115 p.

2. Barinova, E.V., Nguyen Van Thac (2008). Russian–Vietnamese dictionary of musical terms. M.. 204 p.

3. Plyaskova, E.A., Dong Thi Thanh Tam. Educational thematic dictionary of Russian and Vietnamese comparative phraseological units. Voronezh: Scientific book, 2014. 147 p.

Author:

Tyumeneva Elena I., Ph.D. (History), Professor at the Higher Foreign Language Courses of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation E-mail: lien805nro@gmail.com

Article history:
Received: 03.03.2019
Received in revised form: 09.03.2019
Accepted: 26.03.2019

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

Е.В. Никулина

ОКСАНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ НОВАКОВОЙ — 80

20 января 2019 г. исполнилось 80 лет известному российскому ученому и педагогу Оксане Владимировне Новаковой. Вся ее жизнь связана с одним из ведущих востоковедческих вузов страны — Институтом стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова. В далеком 1956 г., окончив с серебряной медалью московскую школу, Оксана Новакова поступила в только что открывшийся Институт восточных языков, как тогда назывался ИСАА МГУ. Ее знакомство с Вьетнамом состоялось в 1961 г. на годичной стажировке в Ханойском университете. Оксана жадно познавала эту удивительную страну, много по ней ездила, любовалась колониальной архитектурой старых кварталов Ханоя. Окончив Институт с отличием, Оксана Новакова осталась в аспирантуре и в 1965 г. начала преподавать историю Вьетнама. «Институт расширялся, и моя преподавательская нагрузка росла, – вспоминает она о начале своего пути. – Пришлось создавать курсы по историографии колониального завоевания Вьетнама Францией, по политической системе и социальной структуре ДРВ. Во время войны с США нужны были вьетнамисты для работы переводчиками, корреспондентами, в посольстве и т.д. Поэтому большие группы с вьетнамским языком набирали каждый год. Но самые способные студенты были в первых наборах групп вьетнамистов, из них вышли талантливые ученые, экономисты, филологи, создавшие многочисленные труды по различным дисциплинам вьетнамоведения, по которым теперь обучаются студенты — «золотой фонд» вьетнамистики.

Сейчас О.В.Новакова — доцент кафедры истории Дальнего Востока и ЮВА в ИСАА и почетный преподаватель МГУ им Ломоносова. «Для меня, как для преподавателя, студент интересен своими способностями и своей заинтересованностью в будущей специальности,— говорит Оксана Владимировна. — Я всегда обращаюсь к студентам с призывом преодолеть

школьную привычку ученичества от сих до сих и писать курсовые и дипломные работы с максимальной степенью научной заинтересованности, внося, насколько это возможно, исследовательский интерес в научный процесс. С годами сложился круг учеников, бывших моих студентов, а также коллег, с которыми мы вместе прошли жизненный и профессиональный путь и которые, как и я, стояли у истоков вьетнамистики. Это известные ученые, специалисты и коллеги Е. Кобелев, В. Мазырин, П. Цветов, А. Соколов, В. Ремарчук, Т. Филимонова, мой недавний аспирант, успешно защитивший диссертацию по политической истории Южного Вьетнама, М. Сюннерберг, мой бывший студент И. Усов, защитивший диссертацию по малоизученной теме вьетнамского троцкизма.

После изменения учебного цикла с пятилетнего на двуступенчатый (бакалавриат плюс магистратура) произошли и большие изменения в учебном плане по преподаванию истории изучаемой страны. В результате преподается большой объем истории нового и новейшего времени, когда, помимо собственно лекционных курсов по истории Вьетнама, через научно-исследовательский семинар есть возможность познакомить студентов с наиболее актуальными работами не только отечественных, но и вьетнамских, и западноевропейских авторов и обсудить их на семинарах. Рамки курса «Историография» непрерывно расширяются и в хронологическом, и в проблемном планах. Появившиеся с Интернетом новые возможности делают доступными многие недоступные ранее источники и авторские работы. Очень помогает в этом отношении учебная стажировка студентов в стране изучения. Они могут копировать многие ценные материалы по проблемам новой и новейшей истории, пользоваться новыми историческими журналами, появившимися во Вьетнаме за годы политики Обновления. Либерализация, коснувшаяся тем учебных курсов в МГУ, дала возможность создать и читать такие авторские учебные курсы, как «История религий Вьетнама», «Эволюция вьетнамского общества в переходный период 1986–2014 гг.», «Современные политические процессы во Вьетнаме и АТР» и др., а также давать студентам нестандартные, интересные темы их выпускных работ».

Второй важной частью жизни Оксаны Владимировны Новаковой является наука. И здесь ее вклад переоценить невозможно. Темой диссертации Оксаны Новаковой, которую она успешно защитила в 1967 г., была политическая история вьетнамских партий 1920-х годов, а научным руководителем — выдающийся историк-востоковед академик А.А.Губер. А потом были статьи и разделы монографий, учебных пособий и учебников. В 1995 г. вышла написанная О.В.Новаковой в соавторстве с П.Ю. Цветовым вторая часть учебника «История Вьетнама», охватывающая историю страны с конца XVIII в. до наших дней.

«Мое направление исследований, наряду с историографией — новая и новейшая история Вьетнама, — рассказывает ученый. — Раньше материалов по современному Вьетнаму и контактов с вьетнамскими коллегами существенно не хватало. Ситуация изменилась к лучшему после окончания войны, объединения страны и провозглашения «политики обновления». Либерализация в области исторической науки дала себя знать достаточно быстро. Новый журнал «Прошлое и настоящее» стал печатать материалы о колониальном прошлом, о периоде империи Дайнам с привлечением ранее неизвестных вьетнамских источников, много места отводится проблемам вьетнамской культуры. Радикальные изменения во Вьетнаме на рубеже веков, события в современной России после распада Советского Союза, а также новые вызовы глобализирующегося мира во многом определили направление моих научных интересов в последние два десятилетия. Им стало

изучение проблемы традиций и их применения в современном Вьетнаме при модернизации практически всех областей жизни вьетнамского общества. Эта тема особенно актуальна именно для Вьетнама — страны, испытавшей наиболее сильное и длительное из всех стран ЮВА влияние китайской конфуцианской цивилизации. Поэтому мне пришлось обратиться к современной литературе по теме «Возрождение традиций в КНР», что во многом помогло уяснить причинно-следственные связи политики СРВ в период Обновления, т.е. в XXI в.».

В 2004 г. в ИСАА МГУ по инициативе О.В. Новаковой был создан Центр изучения современных проблем ЮВА и АТР, который она возглавила. На заседаниях Центра выступают ведущие востоковеды из академических институтов и вузов Москвы. Результатом обсуждений на заседаниях Центра стали сборники научных статей «Политическая культура и деловая этика стран Востока» (2006), «Позиции России в АТР» (2007), «Элиты стран Востока» (2011), а также 4 выпуска альманаха «Тихоокеанское обозрение», изданием которых руководила О.В. Новакова. С результатами своих исследований она знакомит коллег на многочисленных конференциях и симпозиумах, международных встречах и конгрессах в Москве, Санкт-Петербурге, Гамбурге, Париже. Ханое.

Важным направлением научных интересов О.В. Новаковой является тема «Христианство во Вьетнаме», в которой она является признанным авторитетом. В 2012 г. была издана ее монография «Крест и Дракон. У истоков вьетнамской католической церкви. XVI–XVII вв.». Многие проблемы, затронутые в книге, освещались в первый раз, так как в отечественной литературе, посвященной истории Вьетнама, аналогичные исследования по истории религии отсутствовали. Большую помощь в написании книги оказали материалы, привезенные О.В. Новаковой из Вьетнама, где она работала в библиотеке Духовной католической семинарии г. Хошимина, основанной в 1862 г.

«Во многом мне пришлось исполнять роль первопроходца: по вопросам миссионерской деятельности во Вьетнаме, позиции Ватикана, ссор из-за так называемых китайских обрядов и т.д., — говорит Оксана Владимировна. — Но главным оставался вопрос успеха восприятия христианства (в его католической форме) вьетнамцами и вопрос адаптации, допускаемой миссионерами. При написании монографии мне по ходу исследования пришлось написать разделы не только по Вьетнаму, но и по Японии и Китаю, затронув тему местных обычаев и традиций в основных странах Северо-Восточной Азии, и их реакцию на новый культурный феномен в регионе — христианство.

Затем эта тема была поддержана Центром «Христианство на Востоке» ИСАА МГУ, и по инициативе этого Центра и Центра исследования современных проблем ЮВА и АТР в марте 2016 г. была проведена первая межинститутская научная конференция «Христианство в Южной и Восточной Азии. История и современность», в которой приняли участие ведущие специалисты Москвы и Санкт-Петербурга, а также профессор Духовной Академии протоиерей о. Максим (Козлов). По итогам конференции была издана коллективная монография, где в 25 главах авторы раскрывают процесс распространения христианства в многомиллионных регионах Южной и Восточной Азии — от Индии до Японии и Восточного Тимора. Работа в этом направлении продолжилась в 2018 г. на второй межинститутской научной конференции, организованной также в ИСАА МГУ с темой «Христианство и общество в странах Азии: история и современность». Коллективная монография по ее итогам посвящена исследованию проблем современного состояния христианских церквей в Южной и Восточной Азии, их взаимодействия с традиционными

религиями этих стран — буддизмом, исламом и конфуцианским учением, а также с местными культами и верованиями. В книге рассматриваются также проблемы истории распространения христианства в Азии в предыдущие века, а также уделяется пристальное внимание сложному и многогранному вопросу о взаимоотношении религии и общества. Вся концепция двух коллективных монографий, подбор авторов, тематика статей, даже их расположение — разработаны мной при подготовке этих изданий.

Для обеих коллективных монографий мною, как ответственным редактором, были написаны введения**,** где я попыталась осветить принципиальные вопросы, связанные с историей религии, местными традициями, христианством, а также взаимоотношениями религии и общества. В обеих монографиях Вьетнам представлен несколькими статьями, в том числе и моими, их названия дают представление об актуальных и востребованных проблемах существования вьетнамской католической церкви в истории и современности, проблемах ее адаптации в условиях монопольно правящей Компартии Вьетнама».

В ноябре 2018 г. О.В. Новакова выступала с обобщающим докладом «Христианство и азиатские ценности в Юго-Восточной Азии» на Международной научной конференции "Христианство на Востоке" в СПбГУ. Христианство в ЮВА, его место в пестрой конфессиональной картине региона — тема лекции, которую Оксану Владимировну пригласили прочитать в университетском храме Св. мученицы Татианы в рамках цикла лекций преподавателей МГУ, посвящённого многообразию христианской культуры в истории и современном мире.

Новые учебные курсы, новые статьи, книги и лекции, новые аудитории, новые встречи — все это жизнь Оксаны Владимировны Новаковой сегодня. Время не властно над этой женщиной. Поздравляем Оксану Владимироовну с юбилеем, желаем ей здоровья и неиссякаемого творческого долголетия!

Автор:

Никулина Елена Вадимовна, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН. E-mail: elenavtn@mail.ru

Продвижение статьи:
Дата поступления: 15.02.2019
Принята к печати: 26.03.2019

E.V.Nikulina

OKSANA VLADIMIROVNA NOVAKOVA CELEBRATES HER 80TH BIRTHDAY

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of the famous Russian Vietnamese scholar and teacher Oksana Novakova. Her whole life is connected with the Institute of Asian and African countries of Moscow State University, she has prepared a whole cohort of specialists in Vietnam. The article describes the broad scientific interests and fruitful teaching activities of Oksana Novakova.

Author:

Nikulina Elena V., Researcher of the Centre for Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern Studies, the Russian Academy of Sciences. E-mail: elenavtn@mail.ru

Article history:
Received: 15.02.2019
Accepted: 26.03.2019

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕРИЯ 2. 2019, № 1

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.
Работа с сайтом: Казаков О.И.
Дата публикации: 29.03.2019 г.

Контакты:
Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!
Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: http://www.ifes-ras.ru